

ISSN 0869-4427

Отечественные
АРХИВЫ

3

2009

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Не забудьте продлить подписку на журнал «Отечественные архивы» на 2-е полугодие 2009 г. в любом почтовом отделении Российской Федерации:

➤ Каталог Роспечати «Газеты. Журналы»: полугодовой индекс 70913, цена за 3 номера – 630 руб. (без учета почтовых услуг);

➤ Каталог российской прессы «Почта России»: полугодовой индекс 79228.

* * *

Подписка для стран СНГ и Балтии –
ОАО Агентство «Роспечать»: тел. 8 (495) 921-25-50;
<http://rosp.ru>

Распространение журнала за рубежом –
ЗАО «МК–Периодика»: тел. 8 (495) 672-70-89.

* * *

Если Вы хотите получать журнал в режиме online на две недели раньше, чем в печатном виде, обращайтесь в ООО «Научная электронная библиотека»: тел. 8 (495) 936-17-72, 8 (495) 935-00-01. Можно подписаться на комплект выпусков 2009 г., отдельный комплект выпусков прошлых лет, полный комплект выпусков с 2005 г., один выпуск и одну статью.

Отечественные АРХИВЫ

3
2009

научно-
практический
журнал

Издается с 1923 года. Выходит один раз в два месяца.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

История и практика архивного дела

- Р.В. Овчинников.** Архивные источники иллюстраций в «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина 3
- Н.Е. Клепиков.** Макулатурные кампании в белорусских архивах 1920-х – начала 1930-х гг. 14
- А.И. Костанов.** Из истории архивов губернаторства Карафута (1945–1947 гг.) 20
- К.Б. Ульяницкий.** Единая архивно-информационная среда в контексте информатизации общества 31
- В.И. Тихонов.** Применение традиционных методов в экспертизе ценности электронных документов 37
- Г.Н. Ланской.** Фонды Архива РАН как источники по истории советской исторической науки 47

В фондах российских и зарубежных архивов

- П.Г. Петин.** Императорские грамоты XIX в. в отделах рукописей национальных библиотек России 52
- Р.Р. Садиков.** Экспедиционные материалы финских ученых конца XIX – начала XX в. по этнографии закамских удмуртов в финляндских архивах 56
- Н.С. Андреева.** Донесения французских дипломатов в МИД Франции об общественно-политической ситуации в прибалтийских губерниях Российской империи (1905–1917 гг.) 63

Представляем архив

- С.Ю. Черепанова.** Златоустовская архивная служба 70

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

- «...Наградить ученых, инженеров, конструкторов за выполнение спецзадания правительства». Воспоминания М.П. Дьячковой об истории дачного поселка ученых-ядерщиков. 1950–2005 гг. 82
- «Они сохраняли традиции старой университетской дореволюционной школы...» Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. Конец 1940-х – 1960-е гг. Публикацию подготовила **А.Ю. Клименко** ... 94

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Б.М. Расулов, Х.Р. Курбанов.** Репрессия. 1937–1938 гг.: Документы и материалы. Вып. 1–4 104

Е.Р. Курапова. Спитакское землетрясение. Зона бедствия вчера и сегодня. Взгляд через 20 лет: Сборник документов	108
Ю.С. Воробьева. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения	111
Н.С. Зелов. Центральный московский архив-музей личных собраний: Путеводитель	113

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

Э.Ю. Тароева, Ю.А. Новикова, Е.А. Лебедева (Петрозаводск), В.И. Егорова (Калининград), Т.А. Титова, Г.В. Нагорничных (Киров), Н.А. Варава (Магадан), Л.А. Бякова (Шадринск). День архивов в регионах	115
Г.А. Хабибулина. Российско-белорусский семинар	118
П.К. Чурланова. Зональные семинары-совещания архивистов в Республике Дагестан	119
Л.А. Иванова. К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя	120
А.Г. Каравасва. Томские архивисты – Году молодежи	121
<i>Юбилеи</i>	
Ю.Х. Юлдашбаев. Центральному госархиву общественных объединений Республики Башкортостан – 80 лет	122
Б.М. Пудалов. Нижегородские архивисты – к 90-летию архивной службы области	123
Е.П. Щукина. Госархиву Липецкой области – 90 лет	124
В.П. Козлову – 60 лет	126
Т.И. Бондарева, В.А. Коляда, В.М. Магидов. Поздравляем Л.А. Кобелькову	127
Л.М. Сорина. Выбрать путь (к 70-летию Н.С. Зелова)	128
Б.Ф. Додонов. З.И. Перегудовой – 75 лет	129

* * *

Н.В. Мурыгина; Т.В. Гончарова. У муниципальных архивистов Хабаровского края	130
Е.В. Паварина. Первомайский муниципальный архив получил достойную поддержку	131
Е.М. Ерина (Энгельс), Н.П. Брянская (Магадан). Новые поступления региональных архивов	132
С.Д. Мякушев; Л.А. Иванова; Э.Л. Гараненкова, Т.С. Буякевич; Т.И. Бондарева. Дары из Русского зарубежья	133
М.В. Ларин. Информационный форум в Кобленце	136
А.А. Пашаев. Новый архивный комплекс в Азербайджане	138
С.П. Стрекопытов (1937–2009)	139
Памяти А.И. Кокурина	139
Отраслевой конкурс научных работ	140
Наши авторы	141
Резюме (англ. яз.)	142

Главный редактор Т.И. БОНДАРЕВА

Редакционная коллегия

В.И. АДАМУШКО, А.Н. АРТИЗОВ, В.Д. БАНАСЮКЕВИЧ, Е.М. БУРОВА, В.К. ВИНОГРАДОВ, Т.М. ГОРЯЕВА, И.Н. КИСЕЛЕВ, Л.А. КОБЕЛЬКОВА (зам. главного редактора), В.М. ОСИН (редактор отдела), Т.Ф. ПАВЛОВА, Е.В. СТАРОСТИН, Е.А. ТЮРИНА, В.Н. ШЕПЕЛЕВ, С.О. ШМИДТ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям*

*История и практика архивного дела***Р.В. Овчинников****Архивные источники иллюстраций в «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина***

В книге Пушкина, изданной в декабре 1834 г. в Петербурге, в конце первой ее части, вслед за именным указателем, дана подборка иллюстраций под заглавием «Карта и снимки к “Истории Пугачевского бунта”». Первоисточник этого заголовка находится на соответствующем листе в так называемой наборной рукописи, хранящейся в архивном фонде Пушкина в рукописном отделе Института русской литературы РАН¹. На том же листе рукописи, ниже заглавия, автор надписал: «12 ноября. Печатать. А.Пушкин» – день сдачи подборки иллюстраций в типографию. И хотя год здесь не указан, бесспорно, что дело происходило в 1834 г., поскольку одна из иллюстраций стала известна Пушкину лишь тогда. Речь идет о рисунке (прориси) с печати Пугачева, присланном поэту историком Д.Н. Бантышом-Каменским при письме от 10 апреля 1834 г.²

Подборку иллюстраций Пушкин сопроводил «Пояснением», приведя на отдельном листе краткие характеристики воспроизводимых объектов (карта, рисунки-прориси с документов и оттиска печати)³. Следуя за пушкинским «Пояснением», рассмотрим эти иллюстрации, подробно остановившись на происхождении их архивных первоисточников.

На первом листе подборки помещена крупномасштабная карта юго-востока европейской части России, озаглавленная Пушкиным следующим образом: «(1) Карта губерний Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской (до 1775 года)». Эта иллюстрация дает картографическое представление о том крае, на территории которого в 1773–1774 гг. проходило грандиозное народное восстание под предводительством Е.И. Пугачева. Решая вопрос о карте, Пушкин воспользовался, видимо, атласом, изданным в 1745 г. в Петербурге⁴, представив в типографию экземпляр этого редкостного издания из своей домашней библиотеки⁵. Визуально установлено, что Пушкин взял ту карту атласа, на которой показаны губернии вдоль среднего и нижнего течения Волги, соседствующие с ними с запада земли Приволжья, а с востока – Заволжья, Приуралья и Урала⁶. Следует заметить, что на пушкинской карте не обозначены касающиеся восстания данные: места крупных

* Редакция благодарит вдову Р.В. Овчинникова Н.Н. Ростову за предоставленную рукопись статьи из архива ученого.

сражений; города, взятые восставшими; маршруты передвижения войск; ряд селений, где проходили описанные в книге события. Отсутствие сведений вызвало упрек со стороны В.Б. Броневского, рецензента книги⁷, и Пушкин признал его справедливым: «Карта далеко не полна: но она была необходима, и не имел возможности составить другую, более совершенную»⁸.

На втором листе подборки иллюстраций воспроизведена прорись с печати «Петра Третьего» (под титулом и именем этого императора, погибшего, как известно, в 1762 г., действовал Емельян Пугачев). Ее Пушкин обозначил так: «Печать Пугачева. (Большая государственная печать Петра Третьего, императора и самодержца всероссийского, 1774)»⁹. Прорись с ее оттиска была получена Пушкиным при упоминавшемся выше письме Д.Н. Бантыша-Каменского, в котором историк сообщал: «При сем прилагаю рисунок с печати самозванца. Он представлен без бороды, вероятно для большего убеждения легковых в сходстве его с императором, на которого совсем не походил»¹⁰. На изображении круглая печать, диаметром в 3,5 см. В центре – погрудный портрет молодого бритолицего мужчины в профиль, голова прикрыта париком, украшена лавровым венком и небольшой короной с крестом, на плечах фигуры императорская горностаевая мантия. Изображение обрамляется круговой надписью: «Б.Г.П.П.Т. имп. и самодерж. всерос. 1774», расшифрованной в приведенном выше тексте из пушкинского «Пояснения».

Установлено, что Д.Н. Бантыш-Каменский выполнил прорись с печати по ее оттиску на оригинале указа Пугачева от 13 июня 1774 г., адресованного его сподвижникам, полковнику Б.Канкаеву и походному старшине Е.Каддырметеву. Этот документ, хранившийся в личной коллекции историка, был передан им Пушкину, видимо, с другими материалами при письме от 13 мая 1834 г.¹¹ После смерти Пушкина указ оказался в той части архивного фонда поэта, которая находилась у его потомков в их имении в Бронницком уезде Московской губернии. В 1933 г. внук поэта, Г.А. Пушкин, передал документ в Государственный литературный музей. Указ был дважды опублико-

ван в работах известного пушкиниста П.С. Попова¹², в конце 1930-х гг. поступил на хранение в Пушкинский Дом¹³ и напечатан в собрании архивных заготовок Пушкина к «Истории Пугачевского бунта»¹⁴.

Следует привести документальные данные о появлении в ставке Пугачева металлической печати (матрицы), с помощью которой производился оттиск на документах мнимого «императора Петра Третьего». В печати был заинтересован прежде всего сам Пугачев: не зная грамоты, он не умел подписывать свои «царские» манускрипты, а потому печать с изображением «монаршей особы» и надписью, означающей его имя и титул, могла бы, по его мне-

Печать Е.И. Пугачева в книге «История Пугачевского бунта»

нию, удостоверить подлинность его манифестов и указов. По приказу Пугачева разыскали знающих дело умельцев. Один из очевидцев, яицкий казак С.Солодовников, показал на допросе, что печать изготовили жившие в Яицком городке крестьяне-серебряники из Прикамской Рыбной слободы: мастер И.С.Токранов, подмастерья А.Иванов, И.А.Рыжей, П.Владимиров, а также заезжий армянин Григорий¹⁵. Другой очевидец, мастеровой из той же Рыбной слободы П.Тарков, уточнил при допросе, что печать делали в феврале 1774 г., когда Пугачев, приехав в Яицкий городок, пытался одолеть осажденную крепость, потерпел неудачу и возвратился в свой лагерь под Оренбургом¹⁶. О «яицком» происхождении печати говорил и ближайший сподвижник Пугачева, член его Военной коллегии, яицкий казак М.Г.Шигаев¹⁷.

Оттиском печати, идентичным тому, что изображен в книге Пушкина, скреплены еще три дошедших до нас документа: указ Пугачева атаману Гурьева городка Е.Струняшеву от 11 марта 1774 г.¹⁸; указ повстанческой Военной коллегии атаману И.Н.Белобородову от 5 мая 1774 г.¹⁹; указ Пугачева башкирскому старшине Дуванской волости М.Миндиарову от 5 июня 1774 г.²⁰ Пушкин этих документов не видел: тогда они хранились в недоступных ему архивах. Что касается серебряной печатки, то она, вероятно, была утеряна в середине июля 1774 г. при бегстве повстанческого войска из-под Казани.

На третьем листе подборки помещена весьма курьезная иллюстрация, обозначенная Пушкиным следующими словами: «3) Снимок с начертаний, сделанных рукою безграмотного Пугачева». На картинке литографированная прорись выполненных Пугачевым трех рукописных строк. Они выглядят как частокол разнообразных черточек, имитирующих буквы, слова и фразы настоящего письма, но не содержат никакого смысла. Пушкин воочию видел и держал в руках подлинник этого курьезного «автографа» Пугачева. Поэт обнаружил его в одном из дел секретной экспедиции Военной коллегии²¹, полученных им из архива Военного министерства в начале марта 1833 г.²² Пугачевский «автограф» исполнен на плотном сероватом листе обычного канцелярского формата и содержит 22 строки (три нижних воспроизведены в книге).

Разглядывая «автограф», приходишь к убеждению, что Емельян Иванович, рисуя свои строки с черточками, держал перед глазами какой-то подлинный указ. Подражая его внешнему виду, он поделил свой «текст» на абзацы. Первый состоит из трех строк (в подлинных указах эти строки отводились для сообщения полного титула и имени мнимого «императора Петра Третьего»). Во втором абзаце с некоторым отступом вправо от основного текста помещены также три строки (в подлинных указах они использовались для обозначения адресата – имени и должности того, кому предназначен указ). Третий абзац «автографа» насчитывает пятнадцать строк (в подлинных указах здесь излагалось основное содержание документа, сообщались обстоятельства дела и приводилось предписание о его исполнении). Закljučают «автограф» отделенные от основного текста короткие начертания, находящиеся на второй половине 15-й и на 16-й строках; в подлинных указах на этом месте проставлялась подпись мнимого «Петра Третьего» (подписывался, конечно, не сам Пугачев, а кто-либо из его секретарей) и указывалась дата подписания документа. На нижней половине листа с «ав-

тографом» расположены два вензеля и вразброс написанные рукой Пугачева четыре отрывка из небольшого числа черточек каждый (эти следы рукописных упражнений являются, по-видимому, «пробой пера»).

О том, как пугачевский «автограф» попал в Оренбург, Пушкин узнал из журнала Оренбургской губернской канцелярии, хранящегося вместе с ним в архивном деле²³. Здесь сообщается, что утром 20 декабря 1773 г. откомандированный из Оренбурга конный патруль встретил вблизи предместья неприятеля авангардную группу казаков-повстанцев, которые передали в осажденный город «три соблазнительных листа, из коих первый на российском, другой на немецком диалекте, а третий, видно, самим им, вором Пугачевым, для уверения находящихся в толпе его (людей), намаранный и неизъясняющий никаких литер»²⁴. Эти строки были изложены Пушкиным в его конспекте журнала такими словами: «...переданы 3 соблазнительные листа, один на росс[ийском], другой на нем[ецком], а 3-й самим им, вором Пугачевым, намаранный и неизъясняющий никаких литер»²⁵. Более подробное описание трех пугачевских посланий в Оренбург Пушкин нашел в рукописной хронике П.И. Рычкова в записи за 20 декабря 1773 г., где сообщается, что в тот день казаки-пугачевцы передали для доставки в город «злодеевы три письма... третье ничего не значущее, в одних только черточках (наподобие того, как незнающие грамоте дети иногда пишут) состоящее...»²⁶.

Здесь необходимо дать пояснение относительно двух первых пугачевских документов – именной указ Пугачева оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 г. с требованием сдать город войску «императора Петра Третьего»²⁷ – составлен секретарем Пугачева и его любимцем, яицким казаком И.Я. Почиталиным, и скреплен подписью на немецком: «Petr». Другой – именной указ Пугачева Рейнсдорпу от 19 декабря 1773 г.²⁸; это перевод с русского языка на немецкий указа, выполненный находившимся в плену у Пугачева подпоручиком Второго гренадерского полка М.А. Шванвичем, превосходно владевшим старонемецким готическим письмом. Оба этих документа Пушкин видел воочию: они находятся вместе с пугачевским «автографом» в одном архивном деле. Более того, с указа Пугачева от 17 декабря 1773 г. поэт снял полную копию²⁹ и хранил ее в своем собрании скопированных документов повстанческого происхождения. Пушкин наверняка обратил внимание на то, что вместе с пугачевскими посланиями в архивном деле подшиты два конверта, в которых были запечатаны эти послания; на конвертах сделанные рукой Пугачева начертания (в две и четыре строки)³⁰. Подразумевалось, видимо, что они указывают на имя и должностной адресата – губернатора Рейнсдорпа.

Из протокола допроса И.Я. Почиталина, составленного в ходе следствия в мае 1774 г., известно, что Пугачев неоднократно в присутствии близких людей из Военной коллегии занимался своими рукописными упражнениями и что помимо «автографа», посланного в декабре 1773 г. в Оренбург, он «сочинил» еще несколько подобных бумаг и постоянно хранил их при себе³¹.

24 марта 1774 г., спустя день после того, как повстанческое войско поспешно оставило свой лагерь под Оренбургом, ушло из Бердской слободы, там и были обнаружены эти «автографы» Пугачева в его резиденции, так называемом «государевом дворце» (в доме бердского казака К.Е. Ситникова). Когда следователи предъявили «автографы» Почиталину, тот подтвердил, что «они те самые»³². Один из них хранится в РГАДА в следственных мате-

риалах Оренбургской секретной комиссии. На верхней половине листа семнадцать строк с начертаниями рукой Пугачева, на нижней – две иноязычных надписи. Первая по-немецки: «Ihre Majestete, Peter der Dritte»*, вторая по-французски: «Votre Majeste, Pierre le Grand»**. Надписи обведены справа фигурной скобкой, возле которой секретарем секретной комиссии С.З. Зряховым дано пояснение относительно иноязычного текста: «Оное писал подпоручик Шванвич, о чем и в допросе его показано»³³. Как же иноязычные надписи Шванвича могли очутиться на одном листе бумаги с «автографом» Пугачева? Ответ дает протокол показаний Шванвича на допросе в Оренбургской секретной комиссии: Пугачев дал ему чистый лист бумаги и велел проставить внизу надписи с «царским титулом и именем», оставив верхнюю половину листа чистой. Таким образом был заготовлен своеобразный канцелярский бланк для последующего заполнения, который позднее и использовал Пугачев для своих начертаний, поскольку не мог заниматься подобным «бумаготворчеством» в присутствии Шванвича, человека образованного, искушенного не только в русской, но и в иностранной письменности. Из показаний Шванвича известно, как он продемонстрировал Пугачеву свои познания в немецком и французском письме: «Призвал меня Пугачев к себе и говорил: “Я-де слышал, что ты умеешь говорить на иностранных языках”. На то я сказал: “Умею, надежа-государь”. А он дал мне перо в руки и лист бумаги, приказывал написать внизу, указав место пальцем, по-шведски. Но, как я не знал по-шведски, то написал по-немецки. А потом говорил: “Напиши еще, какой ты знаешь язык”. То написал ему и по-французски (писал же сии слова: “Ваше величество, Петр Третий”). А Пугачев, взяв тот лист, и смотрел про себя, и сказал: “Мастер!”»³⁴. Эпизод, связанный с испытанием Шванвича, подтвердил на допросе и Пугачев³⁵.

В «Пояснении» Пушкина под номером 4 значится следующая иллюстрация: «4) Подпись под указами Самозванца». Следует заметить, что она воспроизводит прорись не с одной подписи, как сказано в «Пояснении», а с двух: одна из них на русском языке, другая – на немецком. Согласно «Пояснению», образцы подписей под пугачевскими указами должны, казалось бы, находиться на отдельном (четвертом) листе иллюстраций. Однако на том же листе помещены прориси с подписей двух деятелей правительственного лагеря, отличившихся в подавлении Пугачевского восстания: генерал-майора князя П.М. Голицына, командира авангардных частей карательной армии, и полковника И.К. Бошняка, обер-коменданта саратовского гарнизона. При этом подписи Голицына и Бошняка воспроизведены на верхней половине листа, а прориси подписей под указами Пугачева – в самом низу. В столь произвольном и неудачном расположении материала повинен не автор книги, а типографский работник, изготовивший соответствующий литографский камень, с которого печаталась иллюстрация.

Заметим, что у неграмотного Емельяна Ивановича просьбы его секретарей и членов Военной коллегии о том, чтобы он, «государь-батюшка», сам подписывал указы, вызывали явное недовольство. Составитель большинства указов на первом этапе восстания И.Я. Почиталин показал на следствии: «Как случалось, иногда просил ево [Пугачева] я, и неоднократно, чтоб под-

* Ваше величество, Петр Третий.

** Ваше величество, Петр Великий.

писывал указы сам, то Пугачев говорил, иногда из сердец*: “Ты-де подписывай, а я своей руки показывать не хочу до тех пор, покуда не благословит меня Бог взятъем всей России, и в то время подписывать буду я уже сам”»³⁶. Первое из таких неприятных для Пугачева объяснений произошло в самом начале восстания. Как вспоминал при допросе Пугачев, Почиталин, написав именной указ «Петра Третьего» к ящикам казакам (от 17 сентября 1773 г.), явился к нему и попросил скрепить указ своей подписью. Но Пугачев отказался и велел Почиталину подписать документ именем Петра Третьего, а отказ мотивировал такими словами: «Мне-де подписывать невозможно до самой Москвы для того, что ненадобно казать мне свою руку, и есть-де в оном великая причина»³⁷. В чем, по версии Пугачева, состояла эта «великая причина», видно из приводимого ниже показания И.А. Творогова. Тот в начале августа 1774 г. явился к Пугачеву с изготовленным в Военной коллегии текстом именного указа «Петра Третьего» к казакам Донского войска и попросил подписать: «Извольте, ваше величество, сами етот указ подписать: вить имянные указы, я слышал, сами государи подписывают!» Пугачев молча стоял, «потупя голову вниз, потом, вскинув на меня глаза, сказал так: “Иван! Нельзя мне теперь подписывать до тех пор, покуда не приму царства. Ну, вить ежели я окажу свою руку, так вить иногда и другой кто-нибудь, узнав, как я пишу, назовется царем”»³⁸. Невольно приходишь в изумление от изворотливости и парадоксальности ума Пугачева: будучи самозванцем, он убеждал своих сподвижников в том, что опасается появления какого-нибудь авантюриста, который-де, раздобыв образец подписи «государевой» руки, может воспользоваться этим, чтоб объявить себя царем.

Обратимся к источниковедческому рассмотрению представленных Пушкиным образцов подписей под указами Пугачева.

Подпись на русском языке: «Великий государь Петр Третий Всероссийского» занимает две строки. Выяснилось, что прорись с подписи выполнена по оригиналу указа Пугачева от 5 ноября 1773 г., выявленному Пушкиным в архивном деле секретной экспедиции Военной коллегии. Указ был послан в осажденный Оренбург губернатору И.А. Рейнсдорпу, чиновникам, солдатам и казакам гарнизона, а также всем горожанам с требованием выйти из города, сложить оружие и преклонить знамена пред «великим государем» и покориться ему³⁹. Сопоставление прориси, помещенной в книге, с ее архивным первоисточником наглядно убеждает в их полном сходстве. Пушкин, снявший копию с этого указа, включая подпись⁴⁰, не мог, конечно, знать, кем именно был подписан документ. Это удалось установить по следственным материалам, которые, как известно, не были доступны Пушкину. В протоколе допроса И.Я. Почиталина приведено его показание о том, что за «Петра Третьего» вместо Пугачева подписывался он, Почиталин, и некоторые указы подписывал «словами: “Великий государь Петр Третий Всероссийского”», – как раз теми, что читаются по прориси.

О присылке данного указа в Оренбург Пушкин мог узнать из записи от 5 ноября 1773 г. журнала Оренбургской губернской канцелярии⁴¹. Обстоятельства доставки указов Пугачева и прочих документов из его ставки в Оренбург более полно и выразительно изложены в другом архивном источнике, выявленном в РГАДА⁴². В нем сообщается, что утром 5 ноября

* То есть рассердившись, разгневавшись.

1773 г. караульные у ворот городской крепости задержали четырех казаков. При обыске у одной из них, И.Ф. Репиной, нашли зашитые в плечах шубы бумаги: упомянутый выше указ Пугачева к Рейнсдорпу, указ к старшине яицких казаков М.М. Бородину, а также письма пугачевского полковника Т.И. Подурова к атаману Оренбургского казачьего войска подполковнику В.И. Могутову и к старшине М.М. Бородину⁴³. На допросе в губернской канцелярии Репина показала, что документы эти, «сняв с нее, Ирины, шубу, сам он, Подуров, зашил во оную против плеч, между крышки и овчины», а словесно приказал ей и ее спутнице, казачке Т.А. Черемухиной, чтобы они, явившись в Оренбург, отдали пугачевские указы Рейнсдорпу при Могутове, «а другие два письма ему, Могутову, отдать тихонько». Подуров велел передать Рейнсдорпу и всем оренбуржцам, чтобы сдавали город «Петру Третьему», что им дается четыре дня на размышление, а если не сдадутся, то «государево» войско пойдет на новый приступ⁴⁴.

Еще два подлинных указа Пугачева (от 5 ноября 1773 г. к старшине М.М. Бородину и от 17 ноября 1773 г. к губернатору И.А. Рейнсдорпу) обнаружены Пушкиным в архивном деле⁴⁵ и полностью скопированы⁴⁶. Оба указа скреплены подписями: «Великий государь Петр Третий Всероссийского», внесенными рукой И.Я. Почиталина. Подписи занимают по три строки, и этим графически отличаются от той подписи в две строки, которая воспроизведена в прориси.

Обратимся теперь к прориси, воспроизводящей исполненную латинскими буквами по-немецки: «Petр»* подпись под указами Пугачева. Прорис выполнена по подписи под указом к Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 г. Три дня спустя документ был передан в Оренбург вместе с двумя другими посланиями из повстанческого лагеря: «немецким» указом Пугачева к Рейнсдорпу от 18 декабря и «автографом» Пугачева.

Следователи, производившие дознание над Пугачевым и его сподвижниками, интересовались тем, кто именно ставил немецкие подписи под указами. Почиталин показал, что в течение долгого времени Пугачев отказывался подписываться, поручая это секретарям, «однакож напоследок... зачал сам подписывать по латыне: “Петр”, но кто его научил – не знаю»⁴⁷. Показание Почиталина было отвергнуто как явно недостоверное. Следователи потребовали, чтобы Пугачев назвал сообщника, который подписывался по-немецки под его посланиями. Тот в ответ указал на служившего в его ставке секретарем М.А. Шванвича, и в частности, сообщил, что с декабря 1773 г. «под всеми злодейскими указами подписывался он, Шванвич, вместо самого злодея, по латыни: “Петер”»⁴⁸. Шванвич же заявил о своей непричастности и предположил, что это мог делать кто-либо из служивших в войске Пугачева ссыльных польских конфедератов⁴⁹. Трудно утверждать, соответствует ли действительности это высказывание Шванвича. Но его почерк, графика немецкого письма, в частности написание имени Петра Третьего по-немецки, не имеют видимого сходства с той подписью, которая стоит под указом Пугачева к Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 г.

Заключают подборку иллюстраций несколько прорисей с подписей администраторов и военачальников Екатерины II, участвовавших в подавлении

* Неверное воспроизведение имени: в немецкой транскрипции имя это должно писаться так: «Peter».

Пугачевского восстания и непосредственно отличившихся в боевых действиях против повстанцев. Пушкин в своем «Пояснении» дал к этим прорисям групповую аннотацию: «Снимок с подписей Бранта, Рейнсдорпа, Кара, Бибикова, Щербатова, князя Голицына, Михельсона и Бошняка». Образцы подписей Пушкин взял из подлинных их донесений и писем, находившихся в одиннадцати архивных делах секретной экспедиции Военной коллегии⁵⁰. Эти дела, доставленные поэту в феврале 1833 г. из архива Военного министерства и находившиеся у него более двух с половиной лет, до ноября 1835 г., и стали документальной основой «Истории Пугачевского бунта»⁵¹. При их сплошном полистном просмотре выявлено по несколько десятков подлинных документов, скрепленных своеручными подписями каждого из названных Пушкиным деятелей. Так, П.М. Голицыным подписано 93 документа, И.И. Михельсоном (полковник, командир авангардного корпуса карательной армии) – 74, И.А. Рейнсдорпом – 58, Я.Л. Брантом (генерал-аншеф, губернатор Казанской губернии, в январе 1773 г. вел следствие над Пугачевым) – 54, А.И. Бибиковым (генерал-аншеф, в 1773–1774 гг. командующий карательной армией) – 37, Ф.Ф. Щербатовым (князь, генерал-поручик, в 1774 г. начальник штаба при генерал-аншефе А.И. Бибикове) – 32, В.А. Каром (генерал-майор, командир карательной экспедиции) – 16, И.К. Бошняком – 152.

В подборке иллюстраций прориси подписей приведены в следующем порядке: под номером 4 – П.М. Голицына и И.К. Бошняка, под номером 5 – А.И. Бибикова, Ф.Ф. Щербатова, И.И. Михельсона, Я.Л. Бранта, И.А. Рейнсдорпа. Итак, Пушкин дал образцы подписей восьмерых лиц, причастных к подавлению восстания. Подобным образом поэт мог бы отметить и куда более крупных исторических деятелей, которые сыграли немаловажную роль в разгроме пугачевцев, а также прославили себя иными, куда более важными деяниями. Речь идет об А.В. Суворове, Г.А. Потемкине, П.И. Панине, Г.Р. Державине. Их подлинные донесения и письма встречаются (хоть и в небольшом количестве) в тех архивных делах, которые побывали в руках Пушкина⁵³. Сведения, извлеченные из этих документов, приведены на страницах «Истории Пугачевского бунта». И было бы уместно увидеть автографы этих деятелей, прориси их подписей среди иллюстраций к книге. Но так почему-то не произошло...

В число помещенных Пушкиным иллюстраций входит гравюра, изображающая Пугачева в оковах, в тюремном застенке в дни следствия над ним в Симбирске в октябре 1774 г. К ней имеют отношение два эпистолярных памятника, хранящиеся в переписке Пушкина. Так, Бантыш-Каменский в письме поэту от 10 апреля 1834 г. спрашивал: «Не нужен ли вам портрет Пугачева для сочиняемой Истории его?» и далее пояснял: «Я видел гравированный [портрет] у Платона Петровича Бекетова и могу достать верный рисунок с него. Подлинный принадлежит к тому времени, когда самозванец был пойман»⁵⁴. В ответном письме от 1 мая 1834 г. Пушкин поблагодарил историка, но предложение отклонил: «Портрет его у меня есть и уже гравирован»⁵⁵.

Можно предположить, что у П.П. Бекетова, ученого и собирателя, владельца крупной коллекции русских портретов, была та самая гравюра, что впоследствии воспроизведена известным искусствоведом Д.А. Ровинским в его словаре русских гравированных портретов. Судя по описанию Ровинского, на гравюре изображен Пугачев в секретном каземате Московского тюремного острога: узник без шапки, в тулупе, руки окованы цепью, конец

которой намертво укреплен в стене. Внизу надпись: «Подлинное изображение бунтовщика и обманщика Емельки Пугачева». Ровинский считал его старейшим по времени изготовления портретом Пугачева и прототипом той гравюры, что была помещена в книге Пушкина⁵⁶. Ошибочность такого рода высказываний Ровинского и его сторонников убедительно доказана Н.Н. Петруниной⁵⁷. Опираясь на обстоятельное изучение литературы, эпистолярные и иконографические источники, она пришла к выводу, что упоминаемый в письме к Бантышу-Каменскому портрет Пугачева получен Пушкиным от князя П.А. Вяземского из его подмосковного имения Остафьево⁵⁸. Портрет этот, ныне хранящийся в Государственном историческом музее в Москве (инв. № И I 81758/5725; холст, масло), был создан неизвестным непрофессиональным художником в начале XIX в. и является копией с одного из портретов, написанных с натуры в камере Симбирского острога в октябре 1774 г. неизвестным симбирским мастером-иконописцем. Всего им было выполнено до десяти портретов, заказанных как самим графом П.И. Паниным, генерал-аншефом, командующим карательными войсками, так и его офицерами. Они хотели, чтобы сокрушенный ими Пугачев, грозный бунтовщик, был изображен пленным невольником, в мрачном застенке, закованным в кандалы. Портреты изготовлялись для себя, в угоду тщеславию, и на память потомкам, а некоторые предназначались для отсылки (в качестве «отчетного материала») Екатерине II, ее фавориту Г.А. Потемкину, канцлеру графу Н.И. Панину, другим видным сановникам, некоторым губернаторам и военачальникам. Известно, что один из «симбирских» портретов Пугачева был публично сожжен под виселицей на эшафоте в Казани 6 ноября 1774 г., причем доставленная на площадь арестантка, казачка Устинья, вторая жена Пугачева, громогласно объявила собравшимся, что портрет «есть точное изображение» ее мужа⁵⁹.

Из всех «симбирских» портретов Пугачева⁶⁰ сохранился лишь один, написанный в 1774 г. в Симбирске по заказу служившего там поручика Санкт-Петербургского карабинерного полка Отто-Альбрехта фон Маттиаса. Офицер этот состоял в корпусе полковника И.И. Михельсона, отличился в боях против отрядов Пугачева под Казанью в середине июля 1774 г. и при окончательном разгроме повстанческого войска в битве 25 августа того года под Черным Яром. Одна из наследниц Маттиаса передала в 1870 г. портрет Пугачева в Ревельский исторический музей; ныне он хранится в Историческом музее Академии наук Эстонии (Таллин)⁶¹.

Обратимся к упомянутой выше копии с «симбирского» портрета Пугачева, находившейся у П.А. Вяземского. Получив ее во временное пользование, Пушкин велел снять с нее рисунок, который затем передал владельцу петербургского книжного магазина Ф.М. Беллизару для пересылки в Париж, где по этому рисунку неизвестный мастер изготовил гравюру для «Истории Пугачевского бунта». Она была отпечатана в 3200 экземплярах и получена в Петербурге в середине июля 1835 г., т.е. почти через семь месяцев после выхода в свет самой книги⁶².

При рассмотрении портрета, приложенного к «Истории Пугачевского бунта», видно, что парижский гравер умело устранил художественные несовершенства (отдельные рецидивы иконописной манеры изображения лица, восходящие к портретам, написанным с Пугачева в Симбирске в октябре 1774 г.) присланного ему исходного материала. На парижской гравюре ре-

альнее передан внешний облик Пугачева, подчеркнута психологическая выразительность лица, он как будто спокоен, но глаза выдают обреченного человека. Можно представить его таким в дни симбирского следствия, психологически сломленным после истязаний и пристрастных допросов. Таким он был, как свидетельствуют очевидцы, и в день публичной казни 10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве, спокойно-равнодушным, смиренным с выпавшей на его долю смертью на плахе.

¹ Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 223. Л. 273.

² *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Л., 1948. Т. XV. С. 125–126.

³ См.: Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 223. Л. 275. Пушкинское «Пояснение» см.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Л., 1938. Т. IX. Кн. 1. Нумерованный лист после с. 154.

⁴ Атлас российской, состоящий из двенадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенной при том генеральной картою великия сея Империи, старанием и трудами императорской Академии наук. СПб., 1745.

⁵ *Модзалевский Б.Л.* Библиотека Пушкина // Литературное наследство. М.; Л., 1934. Т. 16–18. С. 989, 1009.

⁶ Атлас российской... Л. 9.

⁷ Рец. В.Б. Броневского была напечатана в журнале «Сын Отечества и Северный Архив». 1835. № 3. Отд. «Библиография». С. 177–186 (за подписью «П.К.»). Замечание Броневского о карте цитируется в изложении Пушкина (см. прим. 8).

⁸ *Пушкин А.С.* Об «Истории Пугачевского бунта» (Разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества» в январе 1835 г.) // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 1. С. 388.

⁹ Текст, заключенный в круглые скобки, дословно воспроизведен Пушкиным с записки Д.Н. Бантыша-Каменского. Оригинал записки находится в так называемой наборной рукописи пушкинской «Истории Пугачевского бунта» (Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 223. Л. 274).

¹⁰ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. XV. С. 125–126.

¹¹ Там же. С. 143–144.

¹² Звенья. М., 1934. Т. 3–4. С. 144–145; Летописи Государственного литературного музея. М., 1936. Т. I. С. 217–219.

¹³ Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 3. № 130. Л. 1.

¹⁴ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 689. Там же (на с. 691–692) напечатан другой документ, полученный Пушкиным от Д.Н. Бантыша-Каменского, – оригинал подорожной грамоты, выданной пугачевской Военной коллегией 13 июня 1774 г. есаулу С.Наврозову (документ хранится в рукописном наследии Пушкина: Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 3. № 130. Л. 2).

¹⁵ РГАДА. Ф. 349. Д. 7279. Л. 7–7 об.

¹⁶ Там же. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 147.

¹⁷ Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 106. Шигаев показал также, что в повстанческой Военной коллегии была и «другая печать, с российским гербом», привезенная Пугачевым из Яицкого городка. Речь шла об изготовленной здесь мастерами-серебряниками печати с изображением российской государственного герба и сокращенной надписью по окружности, которая в полном ее виде означает: «Государственной Военной коллегии печать». О гербовой печати Военной коллегии упоминается в протоколе показаний Пугачева на допросе в Москве 17 ноября 1774 г.: «... в Яике [была] сделана ему серебряная печать, чем печатали его злодейские указы, с государственным гербом, но кто делал оную – не помню» (Емельян Пугачев на следствии. М., 1997. С. 220). Эта печать предназначалась для скрепления указов и других документов Военной коллегии (*Овчинников Р.В.* Обзор печатей на документах Е.И. Пугачева, его военной коллегии и атаманов // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России:

- Сб. ст. к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 330–333).
- 18 РГАДА. Ф. 349. Д. 7279. Л. 3 (см.: Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 г. М., 1975. С. 42).
- 19 РГАДА. Ф. 6. Д. 420. Л. 17 (см.: Документы ставки Е.И. Пугачева... С. 67–68).
- 20 Оренбургский краеведческий музей. Инв. № 3315. Л. 1 (см.: Документы ставки Е.И. Пугачева... С. 43).
- 21 РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 19.
- 22 *Овчинников Р.В.* Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969. С. 54–55.
- 23 РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 2–13.
- 24 Там же. Л. 12 об.
- 25 Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 1145. Л. 12 об. Текст опубликован в кн.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 527.
- 26 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 1. С. 276.
- 27 РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 17–17 об. (см.: Документы ставки Е.И. Пугачева... С. 39).
- 28 РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 18 (см.: Документы ставки Е.И. Пугачева... С. 39–40); *Овчинников Р.В.* «Немецкий» указ Е.И. Пугачева // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 133–141.
- 29 Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 382. Л. 1–2; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 685–686.
- 30 РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 20–21.
- 31 РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 209–209 об.
- 32 Там же. Д. 508. Ч. 2. Л. 155.
- 33 Там же.
- 34 Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 212.
- 35 Емельян Пугачев на следствии. М., 1997. С. 184.
- 36 РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 209–209 об.
- 37 Емельян Пугачев на следствии. С. 78.
- 38 РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 209–209 об.
- 39 РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 173.
- 40 Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 385. Л. 2–3; № 385. Л. 3–4; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 686.
- 41 РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 191 об. Текст этот внесен в пушкинский конспект журнала (Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 1227. Л. 27; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 527).
- 42 РГАДА. Ф. 349. Д. 7183. Л. 197.
- 43 РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 174, 177–177 об. Эти документы были скопированы Пушкиным (Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 385. Л. 2–3; № 386. Л. 2–4; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 685–686, 690–691).
- 44 РГАДА. Ф. 349. Д. 7183. Л. 197.
- 45 РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 174, 176.
- 46 Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 385. Л. 2–3; № 385. Л. 3–4; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 685–686, 687.
- 47 РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 188–210; Д. 512. Ч. I. Л. 267–268.
- 48 Там же. Д. 512. Ч. II. Л. 58.
- 49 К такому же выводу нас привело сопоставление выполненной рукой М.А. Шванвича надписи имени Петра Третьего с двумя немецкими же подписями «Petr» под указами Пугачева от 21 декабря 1773 г., посланными в Оренбург отставному коллежскому советнику («директору») И.Л. Тимашеву и яицкому казачьему старшине М.М. Бородину. Эти указы были выявлены Пушкиным в архивном деле (РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 23 и 24). Пугачевский указ Тимашеву был им полностью скопирован (Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 382. Л. 2–3; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 688). Что же касается указа Бородину, то его Пушкин не стал копировать, так как этот документ дублировал содержание указа Тимашеву, поэтому поэтой ограничился краткой ремаркой в своей рукописи: «Указ Март[емьяну] Бородину. Понеже и проч.» (№ 382. Л. 4; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 689).
- 50 РГВИА. Ф. 20. Д. 1230–1240.
- 51 *Овчинников Р.В.* Пушкин в работе над архивными документами... С. 46–58, 128–133, 178–180.
- 52 РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 554–555.
- 53 Свои автографы оставили на документах секретной экспедиции Военной

коллегии (РГВИА. Ф. 20): А.В. Суворов (Д. 1233. Л. 454; Д. 1234. Л. 312–312 об., 313–313 об., 315, 316); Г.А. Потемкин (Д. 1234. Л. 2–2 об.); П.И. Панин (Д. 1234. Л. 309–310); Г.Р. Державин (Д. 1235. Л. 38; Д. 1238. Л. 464).

⁵⁴ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. XV. С. 125.

⁵⁵ Там же. С. 137–137 об.

⁵⁶ *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1883. Т. 3. Стлб. 1836–1838. См. также предшествующую публикацию работы Д.А. Ровинского «Словарь русских гравированных портретов» (Записки имп. Академии наук. СПб., 1871. Т. 21. Прил. С. 141).

⁵⁷ *Петрунина Н.Н.* Портрет, приложенный А.С. Пушкиным к «Истории Пугачева» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1967. Вып. 3. С. 48–53.

⁵⁸ *Петрунина Н.Н.* Указ. соч. С. 51–53. См. фотовоспроизведение «остафьевской» копии с портрета Пугачева в кн.: *Мавродин В.В.* Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1. Вклейка после с. 42.

⁵⁹ *Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 227–228, 233–234.

⁶⁰ Кроме портретов, написанных маслом, симбирский иконописец исполнил

по просьбе приехавшего из Оренбурга в Симбирск в октябре 1774 г. П.И. Рычкова портрет Пугачева на бумаге (тушь, перо). Этот рисунок заказчик приложил к экземпляру своей рукописной хроники («летописи»), преподнесенной им графу П.И. Панину. Ныне эта уникальная рукопись с оригиналом рисованного портрета Пугачева хранится в фонде Паниных в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 222. Д. 6.). Репродукцию рисунка см.: *Пушкин А.С.* Сочинения (изд. Академии наук). Пг., 1914. Т. 11.

⁶¹ *Макшеев А.И.* О портретах Пугачева // Русская старина. 1870. № 10. С. 417–418; *Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 233–234; *Вейнберг А.И.* Материалы к иконографии Емельяна Пугачева // Памятники Пугачевского восстания, хранящиеся в Государственном историческом музее // Тр. Гос. ист. музея. М., 1961. Вып. 32. С. 34–35; *Петрунина Н.Н.* Указ. соч. С. 50. Портрет Пугачева, принадлежавший О.-А. Маттиасу, воспроизведен в названных выше работах А.И. Макшеева и А.И. Вейнберга.

⁶² *Смирнов-Сокольский Н.П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 368–369; *Петрунина Н.Н.* Указ. соч. С. 48–49.

Н.Е. Клепиков

Макулатурные кампании в белорусских архивах 1920-х – начала 1930-х гг.

В первое десятилетие по окончании Гражданской войны судьба многих архивов на территории Белоруссии оказалась сложной и трагичной, что отражено в научной литературе о становлении архивного дела в Белоруссии и обеспечении сохранности фондов¹. Тем не менее есть еще ряд вопросов, требующих дополнительного изучения, в том числе на основе документов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ). К их числу принадлежит история проведения «макулатурных кампаний» на территории Белоруссии, которой посвящена данная статья. При ее подготовке использовались впервые вводимые в научный оборот архивные доку-

менты из фондов Наркомпроса БССР (Ф. 42) и архивного отдела НКВД БССР (Ф. 249).

Когда в РСФСР декретом СНК от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» был образован Единый государственный архивный фонд, созданы органы управления архивным делом и его учреждения на местах², рассматривались конкретные вопросы сохранения архивных документов³, на территории Белоруссии проходили активные военные действия, препятствовавшие работе архивистов. Лишь в конце октября 1920 г. после краха польской интервенции возобновил свою деятельность Наркомпрос БССР, при котором начал работать подотдел охраны памятников искусства и старины отдела искусств. Поскольку в то время территория республики была урезана до шести уездов Минской губернии (Могилевская и Витебская губернии до 1924 г. входили в состав РСФСР), «заведовать охраной архивов г. Минска» в названном подотделе назначили действительно члена Петербургского археологического института Н.П. Шкляева, ученого-архивиста Минского областного музея. В ведомости на выдачу жалованья за февраль 1921 г. его должность обозначена как «заведующий архивами».

В одной из его первых докладных записок заведующему подотделом охраны памятников искусства и старины говорилось о необходимости спасения подвергавшихся массовому расхищению и уничтожению архивных фондов и создания Главного архива Белоруссии⁴. На начальном этапе перед архивистами стояла задача сохранить архивные фонды организаций по месту их образования. Дело в том, что руководители учреждений довольно пренебрежительно относились к своим архивам. Так, в докладных записках Н.П. Шкляева от 31 декабря 1920 г. и 3 января 1921 г. сообщалось, что комендант здания бывшего окружного суда намеревается выбросить огромный нотариальный архив на улицу, а «в торговых учреждениях Минска в качестве оберточной бумаги употребляются весьма ценные в историческом отношении старинные документы Бобруйского архива»⁵.

Видя такое положение, Н.П. Шкляев разработал проект декрета «Об охране архивных материалов на территории ССРБ»⁶, который не был принят, но послужил основой постановления СНК БССР от 23 января 1921 г. «О сохранении материалов, имеющих историческую ценность». В нем вводилась обязательная регистрация архивов в местных отделах наробразов, а также предполагались санкции за неисполнение приказа в виде суда Ревтрибунала⁷. Но даже такие карательные меры не спасали архивы от разграбления. В феврале 1921 г. здание бывшей Казенной палаты, где хранилось много архивных дел, было занято пехотными курсами, въезд которых «ознаменовался немедленным срывом печатей и расхищением архивного материала»⁸.

В тот период архивам Минска, а также Витебской и Могилевской губерний РСФСР приходилось выдерживать силовое давление Центрутиля ВСНХ, который еще в ноябре 1919 г. разослал губернским отделам циркуляр с инструкцией об утилизации старых архивов. В результате только в Бобруйске были уничтожены все полицейские архивы⁹. А в Витебский губернский архив в октябре 1920 г. пришло распоряжение Главного управления бумажной промышленности «срочно отпустить Шкловскому заводу-управлению пять тысяч пудов архивной бумаги»¹⁰. В декабре 1920 г. президиум СНХ БССР дважды направлял в Наркомпрос республики отношения о срочной потребности «архивных бумаг» для нужд бумажной промышлен-

ности¹¹. В ответном письме говорилось: «...архив старых документов во всем своем составе, не исключая никакой бумаги, представляет неизмеримую культурную ценность, подлежащую сохранению для будущего... Следует отказаться от мысли, что архив может быть источником какой-либо другой утилизации его бумаг, кроме научной; они должны быть абсолютно неприкосновенны»¹².

Силовые нападки на архивы продолжались (Минская инспекция по снабжению Красной армии и Флота направила в Белутиль Совнархоза республики отношение с требованием изъятия архивной бумаги у Наркомпроса¹³), поэтому Н.П. Шкляев просил руководство срочно подготовить распоряжение об охране архивных материалов. В протоколе заседания разборочной комиссии Наркомпроса от 4 марта 1921 г. значилось: «Что же касается изъятия из архивных дел белых половинок... или же использования письменного и печатного материала... то это до научного разбора архивов осуществлено быть не может»¹⁴. Тем не менее СНХ БССР регулярно снабжал бумажные фабрики «ненужным архивным материалом» различных организаций. Согласно акту СНХ БССР от 26 апреля 1921 г., представителю фабрики «Папирус» Н.Клебанову было выдано 950 пудов «архивной бумаги»¹⁵. Комиссар Рабкрин БССР предлагал незамедлительно произвести изъятие из архивов «ненужного хлама, который может быть переработан на фабриках в чистую бумагу». В ответ на это заведующий отделом искусств Наркомпроса Н.И. Карапин отмечал, что такая точка зрения на архивное дело «является абсолютно неприемлемой»¹⁶.

Опасность потери архивов в тот период была весьма реальной. В критическом положении оказался архив бывшего губернского правления, выброшенный из здания типографии. В докладной записке заведующему подотделом охраны памятников искусства и старины от 24 ноября 1921 г. Н.П. Шкляев писал: «Для того чтобы архив не погиб в течение зимы от снега и расхищения проходящими, необходимо, снеся предварительно все дела в помещение одного из сараев... забить досками окна и двери»¹⁷. Эту часть архива удалось спасти, а перевезенные в подвал Свято-Духовского монастыря документы погибли. Они были переданы комендантом здания представителю Борисовской бумажной фабрики согласно предписанию председателя СНК БССР А.Г. Червякова¹⁸. В этом можно было бы усомниться, поскольку в январе 1921 г. за его подписью вышло постановление «О сохранении материалов, имеющих историческую ценность». Но уже 24 декабря А.Г. Червяков подписал постановление, предлагавшее «всем комиссариатам и учреждениям, в распоряжении которых имеются архивы негодной к письмоводству бумаги, сдавать таковую исключительно отделу утилизации при Белкустпроме»¹⁹. Через месяц он подписал новое постановление, в целом повторявшее предыдущее «О сдаче утилизационных материалов Белкустпрому»²⁰.

В этот период Н.П. Шкляев настаивал на объединении всех архивов Белоруссии в единую систему наподобие ЕГАФ РСФСР, поделив ее на семь отделов, каждый из которых занимался бы упорядочением дел бывших ведомственных архивов в соответствии с их функциональным назначением²¹. Хотя в конце мая 1921 г. на посту заведующего архивами Н.П. Шкляева сменил архивист М.А. Вахаев, в годовом отчете Академического центра Наркомпроса БССР все-таки была отмечена «выдающаяся деятельность» Н.П. Шкляева по сохранению архивов²².

4 августа 1922 г. был создан Центральный архив (Центрархив) Белоруссии в ведении ЦИК БССР. В положении закреплено его двойное подчинение: в плане научной работы – Наркомпросу Белоруссии, «а в порядке технического управления архивами» – Главному управлению Центрархива при ВЦИК РСФСР²³. Заведование Центрархивом возложили на известного политического и общественного деятеля Д.Ф. Жилуновича, который еще в 1919 г. возглавлял Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии, а заместителем назначили одного из наиболее подготовленных архивистов республики М.В. Мелешко. Всем уездным исполкомам немедленно отправили предписание об обязательном учете и охране архивов²⁴.

13 декабря 1922 г. вышло весьма важное постановление Президиума ЦИК БССР «О порядке передачи в Центральный государственный архивный фонд Белоруссии и его уездные отделы архивных дел и бумаг и о порядке уничтожения их». Судя по тексту, не подлежали хранению дела, «не имеющие значения для изучения истории, дипломатических сношений, политической, общественной, экономической и всякой иной жизни и ее проявлений»²⁵. Для их отбора создавались специальные комиссии из назначенных Инспекцией научных учреждений специалистов.

«Для вечного хранения» отбирались в первую очередь материалы, представлявшие интерес с точки зрения экспертов, но практика выделения документов к уничтожению испытывала влияние директив государственных и хозяйственных органов, что приводило к грубым нарушениям научного подхода к оценке документов. В Витебской губернии за 1920–1923 гг. было выделено для утилизации 2687, а на Могилевщине – 7885 пудов «архивной бумаги», тогда как почти за тот же период (1918–1924 гг.) в их архивы на хранение поступило немногим более 900 пудов документов²⁶. В отчете Витебского окружного отделения Центрархива БССР за 1924–1927 гг. указывалось, что разобрано 20 фондов, из которых выделено к уничтожению 36 600 дел и «продано макулатуры на фабрику около 4 тыс. пудов»²⁷. Кроме этого, на бумажные фабрики в Добруш и Шклов были целиком отправлены без всякого разбора архивы Могилевского дворянского собрания и Могилевской духовной консистории. А на Минщине в Семковом Городке был уничтожен фамильный архив известного дворянского рода Хмара²⁸.

Позднее один из руководителей Центрального архивного управления (ЦАУ) РСФСР В.В. Адоратский, выступая на II съезде архивных работников РСФСР, заметил, что «общая тенденция уничтожить архивный материал в центре своей высшей точки достигла в 1925 г.»²⁹. Согласно постановлению ЦИК и СНК БССР от 8 декабря 1927 г., утвердившему Положение о Центральном архивном управлении БССР, «выделение ненужных для хранения архивных материалов и продажа их с разрешения Центрального архивного управления БССР» возлагалась на окружные отделения ЦАУ³⁰. Но в конце 1920-х гг. вновь началась масштабная «выборка» архивных материалов с целью их переработки на писчебумажных фабриках, т.е. так называемые макулатурные кампании продолжались. Коллегия Рабкрина, основываясь на постановлении Совета труда и обороны СССР, приняла 20 декабря 1928 г. постановление «О порядке изъятия из учреждений и предприятий архивной и иной бумажной макулатуры для нужд бумажной промышленности»³¹. В соответствии с этим документом все государственные, профсоюз-

ные, кооперативные и общественные учреждения, включая архивы, обязывались срочно отправлять не подлежащие хранению документы органам утильгосторга в качестве сырья для изготовления бумаги. Причем предписывалось сдавать на переработку документы, определенно не имеющие исторической ценности, в месячный срок, а требующие предварительного просмотра – в течение двух месяцев. Совместным постановлением ЦАУ, наркоматов юстиции и внутренних дел «О запрещении продажи архивных материалов и архивной макулатуры» от 10 августа 1929 г. запрещалась лишь продажа архивных фондов на «свободный рынок» и указывалось, что «эта макулатура должна сдаваться исключительно органам Наркомторга для использования ее на бумажных фабриках»³². Так законодательно закреплялось бесконтрольное уничтожение архивных фондов. В конце 1929 г. один из представителей РКИ подытожил, что «из 81 тыс. тонн бумажного сырья, собранного по Союзу за истекший год, 25 тыс. тонн дали архивы»³³.

Архивисты не только столкнулись с творящимся произволом, но и обязывались способствовать скорейшему утверждению «отборочных списков», отвечая за любое «замедление» этой работы. Их робкие попытки остановить процесс уничтожения документов успеха не имели. Любые действия в этом направлении пресекались в тяжелейших условиях начинавшихся политических «чисток», которые в Белоруссии проходили под видом борьбы с национал-демократами. 4 апреля 1929 г. постановлением ЦИК БССР Д.Ф. Жилуновича отстранили от должности заведующего ЦАУ республики и впоследствии арестовали. Подобную участь с ним разделили архивисты М.В. Мелешко, Ф.И. Забелло, Э.К. Лэйланд и многие другие. Большинство тех, кто в самые тяжелые годы нашел в себе силы бороться за сохранение архивов Белоруссии, объявили «врагами народа» и репрессировали уже в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

После увольнения Д.Ф. Жилуновича вышло постановление ЦИК БССР «По докладу Центрального архивного управления БССР о деятельности», в котором отмечались недостатки в работе ЦАУ. Одним из них стало то, что «архивные материалы от учреждений принимались вообще без ожидаемого отбора, в результате чего в архивохранилища Центрархива поступали дела, которые не имеют историко-научной ценности». ЦИК постановил «для ведения более интенсивной разборки архивных фондов в архивохранилищах и выделения материалов» увеличить численность научных работников, а также «признать необходимым, чтобы работа архивных учреждений БССР была поставлена в зависимость от очередных заданий государственного и хозяйственного строительства»³⁴. Центрархиву установили плановые цифры по сдаче макулатуры. К примеру, на 1929/1930 г. ЦАУ БССР предстояло из всех архивохранилищ передать промышленности не менее 15 т макулатуры, в том числе: Центральному архиву Октябрьской революции – 3 т; Витебскому, Могилевскому и Гомельскому отделениям – 2–6 т; Полоцкому, Оршанскому, Минскому, Бобруйскому и Мозырьскому окрархивам и Минскому истархиву – по 1 т³⁵. План подписал новый заведующий ЦАУ БССР А.Р. Иодко. Более того, местные отделения Центрархива старались этот план перевыполнить. Заведующий Мозырьским окружным отделением ЦАУ составил список из 56 фондов, которые должны были быть «очищены от макулатуры», и подытожил – «всего 5–6 тонн»³⁶. Количество сдаваемых на переработку архивных документов постоянно увеличивалось.

В протоколе заседания работников Витебского отделения ЦАУ отмечалось, что за три квартала 1931 г. «выделено уже около 7 тонн, что дает 90 проц[енто]в выполнения плана»³⁷.

Особенно много архивных документов было уничтожено во исполнение постановления Экономического совещания при СНК БССР от 1 февраля 1930 г. «О положении утильсырьевого рынка и мероприятиях для укрепления заготовок утильсырья» и постановления Совета труда и обороны от 27 марта 1931 г. о «развертывании» бумажной промышленности. Президиумам окружных исполкомов рекомендовалось принять «решительные меры для увеличения заготовок всех видов утильсырья» и уволить тех, кто срывает заготовки³⁸. На собрании в Витебском архиве было принято решение «перестроить план работы так, чтобы результаты работы были ценны для хозяйственного строительства». Выступивший на нем архивист П.Е. Вашкевич подчеркнул, что возможность работать появилась только после увольнения Д.Ф. Жилуновича и приезда в БССР заведующего А.Р. Иодко. Сам же Иодко в ответ на это отметил, что в Витебске «хорошо поставлена работа с выделением макулатуры»³⁹.

Документы свидетельствуют о том, что архивы Белоруссии в 1920-х – начале 1930-х гг. превратились в своеобразный сырьевой придаток для писчебумажной промышленности и что в ходе так называемых макулатурных кампаний из-за невежества властей были уничтожены огромные пласты исторических документов, потеря которых невосполнима. Масштабы проведения таких кампаний, совпавших по времени с пиком «чисток» архивных кадров, позволяют отнести их к важнейшим феноменам отечественной истории.

¹ *Мялешка М.* Архіуна справа у БССР да сучаснага моманту // Працы першага з'езду наслідчыкаў Беларускае архэалягіі і архэаграфіі. Менск, 1926; *Иванова Л.В.* Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917–1924 гг. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981; *Савин В.А.* Формирование Государственного архивного фонда СССР в 1920–1950-х годах // Советские архивы. 1991. № 1; *Хорхордина Т.И.* История и архивы. М., 1994; *Шумейка М.* Архіуна справа на Беларусі у дакументах і матэрыялах (1921–1995). Мінск, 1996; и др.

² *Савин В.А.* Государственный архивный фонд РСФСР: формирование, управление, организация (1918–1941 гг.). М., 2004. С. 29.

³ Согласно декрету СНК РСФСР от 31 марта 1919 г. «О хранении и уничтожении архивных дел», право отбора документов, «подлежащих сохранению, и выделения из них дел к уничтожению» было закреплено за специальной (разборочной) комиссией (См.: Сб. руководящих

материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). М., 1961. С. 15–16).

⁴ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 9.

⁵ Там же. Л. 4, 20.

⁶ Там же. Л. 24–26.

⁷ Там же. Д. 88. Л. 20.

⁸ Там же. 1. Д. 527. Л. 35–37; *Шумейко М.Ф.* Деятельность Истпарта ЦК КП(б) Белоруссии по созданию источниковой базы историко-партийной науки в 1920-е годы // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 77.

⁹ *Шумейко М.Ф.* Деятельность Истпарта ЦК КП(б) Белоруссии... С. 77.

¹⁰ Цит. по: *Хмяльніцкая Л.У.* А.П.Сапуноу (апошнія гады жыцця) // Полоцкий летописец. Полоцк, 1993. №1 (2). С. 83.

¹¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Там же. Л. 33.

¹⁴ Там же. Л. 44.

¹⁵ Там же. Л. 28, 35.

¹⁶ Там же. Л. 22, 23.

¹⁷ Там же. Л. 2, 3.

¹⁸ Там же. Д. 4. Л. 2.

- ¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 6.
- ²⁰ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. № 1. 1922. 3 февраля. Ст. 14. С. 11.
- ²¹ *Архівісты Беларусі: Біябібліяграфічны даведнік / Склад. С.У. Жумар, М.Ф. Шумейка. Мінск, 2006. С. 223.*
- ²² НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 519. Л. 51.
- ²³ Собрание узаконений и распоряжений... № 10. 1922. 15 октября. Ст. 134. С. 7.
- ²⁴ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
- ²⁵ Собрание узаконений и распоряжений... № 15. 1922. 31 декабря. Ст. 197. С. 12–13.
- ²⁶ *Шумейко М.Ф., Козак К.И., Селемев В.Д.* Архивоведение Беларуси. Ч. I. История и организация архивного дела. Минск, 1998. С. 126.
- ²⁷ Второе совещание архивных работников Беларуси 19–24 декабря 1927 г.: Док. и материалы / Сост. М.Ф. Шумейко. Минск, 2001. С. 64.
- ²⁸ *Шлюбскі А.* Матэр`ялы да крыўскае гісторыі // Спадчына. 1992. № 5. С. 46.
- ²⁹ Цит. по: *Хорхордина Т.И.* Указ. соч., 1994. С. 188.
- ³⁰ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. № 47. 1927. 27 декабря. Ст. 250. С. 609.
- ³¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. 21 декабря.
- ³² НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 297. Л. 24.
- ³³ Цит. по: *Хорхордина Т.И.* Указ. соч. С. 193.
- ³⁴ Собрание законов и распоряжений... № 20. 1929. 23 октября. Ст. 134. С. 264.
- ³⁵ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 298. Л. 3.
- ³⁶ Там же. Л. 22.
- ³⁷ Там же. Д. 412. Л. 155.
- ³⁸ Собрание законов и распоряжений... № 12. 1930. 20 марта. Ст. 60. С. 17–18.
- ³⁹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 412. Л. 102–106.

А.И. Костанов

Из истории архивов губернаторства Карафуто (1945–1947 гг.)

В Государственном архиве Сахалинской области (ГАСО) хранится чуть более 1,5 тыс. дел периода японского губернаторства Карафуто на Южном Сахалине. Они вызывают интерес у отечественных и зарубежных, в первую очередь японских, исследователей. Однако сам документный комплекс имеет увлекательную историю, которую мы попытаемся представить в настоящей статье.

В завершающий период Второй мировой войны на Дальнем Востоке было проведено несколько операций по взятию японских и эмигрантских русских архивов с участием подразделений разведывательных служб, органов контрразведки «Смерш» и политуправлений (7-е отделы)¹ трех фронтов – Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных. С окончанием боевых действий в Маньчжурии в поиск трофейных архивов включились сотрудники архивных отделов управлений НКВД по Хабаровскому и Приморскому краям. О полуторамесячной командировке туда осенью 1945 г., о том,

что буквально накануне прихода советских войск японские власти уничтожили на севере Китая большие объемы документов, написала в своих воспоминаниях «Тени прошлого» спустя многие годы начальник архивного отдела УНКВД по Хабаровскому краю В.И. Чернышева. А тогда, в январе 1946 г., докладывая в Главное архивное управление (ГАУ) НКВД СССР о результатах поездки, она просила «по линии НКО дать указания штабам Первого, Второго [Дальневосточного] и Забайкальского фронтов о передаче всех документальных материалов, как на русском, так и на японском языках, вывезенных последними с территории Маньчжурии, местным архивным органам края»².

В 1945 г. эмигрантские архивы поступили в Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) и до 1993 г. находились там на секретном хранении. Тем не менее архивисты подготовили по ним ряд информационных материалов, в том числе закрытый справочник членов белогвардейских казачьих организаций, действовавших на Дальнем Востоке³. Сегодня все эти фонды (их десять: «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи», «Союз казаков на Дальнем Востоке», «Харбинский комитет помощи русским беженцам», «Общество единения народов Маньчжурской империи (Кио-Ва-Кай)» и др.) в составе 52 922 дел, включая 52 тыс. личных, доступны исследователям⁴.

Помимо эмигрантских архивов в Маньчжурии было взято примерно 5,5 тыс. томов секретных документов на японском языке, оказавшихся в распоряжении чекистов (о чем сообщалось в одном из документов Хабаровского краевого управления НКГБ СССР тех времен). В основном это служебная переписка, учетная документация и архивы японских разведывательных, контрразведывательных и карательных органов (разведуправления штаба Квантунской армии, японской военной разведки, жандармерии и полиции).

Еще более масштабные мероприятия по захвату и изучению трофейных архивов поверженного союзника нацистской Германии развернули в тот период на островах Японского архипелага американские оккупационные власти. Возглавляла и координировала их специальная правительственная комиссия США, созданная 3 ноября 1944 г. по директиве президента Ф.Рузвельта и расширенная 15 августа 1945 г. для охвата дальневосточных проблем⁵. К этому времени советские войска развивали успешное наступление в Маньчжурии, Корею, на Сахалине и Курилах, и исход войны был фактически предрешен.

Специальная комиссия США в первую очередь занялась изъятием и систематизацией оперативных документов из японских военных архивов, опросом участников боевых операций, обследованием объектов, подвергшихся ударам американской стратегической авиации, включая атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. По итогам работы ее секций издавались обобщающие доклады, количество которых превысило 100 томов. В частности, отчет военно-морской секции представлял собой составленную с позиций американской стороны хронику главных событий войны на Тихом океане, комментированных с помощью японских трофейных документов, карт и т.п. В 1946 г. он вышел в свет в Вашингтоне под названием «Кампании войны на Тихом океане», а спустя три года был переведен на русский язык и опубликован в СССР отдельной книгой под редакцией профессора, адмирала флота Советского Союза И.С. Исакова. В предисловии

он отмечал широкий диапазон деятельности в Японии специальной комиссии США. Ее составляли 300 гражданских сотрудников (инженеров, физиков, химиков, экономистов, врачей и т.д.), 350 офицеров и 500 рядовых. Обосновавшись в Токио, комиссия имела свои филиалы в главных японских городах и базах – Нагоя, Осака, Хиросима и других, а также на островах Тихого океана, Филиппинского архипелага, в Китае и других пунктах, связанных с наиболее значительными событиями войны. Характерно, что к опубликованию американских документов комиссия, по оценке И.С. Исакова, отнеслась «исключительно осторожно». В дополнение к трофейным документам в материалы комиссии включались протоколы опросов плененных японских офицеров «по проблемам, которые оставались неясными после ознакомления с захваченными архивами»⁶.

Только острова Курильского архипелага и часть острова Сахалин южнее 50-й параллели, входившие по договоренности союзников в Ялте в зону действия советских войск, были недоступны для обследования сотрудников специальной комиссии США, хотя в 1943–1945 гг. американский флот и авиация также вели в этом регионе и прилегающих акваториях боевые действия.

В результате разгрома милитаристской Японии Южный Сахалин и острова Курильского архипелага отошли к СССР. До августа 1945 г. Южный Сахалин являлся территорией японского губернаторства Карафуто⁷. Его центром был город Тоёхара – до 1905 г. селение Владимировка, основанное русскими ссыльнопоселенцами в 1882 г., т.е. еще во времена сахалинской каторги. Курильские острова (провинция Тисима) относились в административном порядке к острову Хоккайдо. Население губернаторства Карафуто, по данным на 1 июля 1945 г., составляло 391 тыс. человек⁸, в основном японцы. Кроме того, здесь проживали более 20 тыс. корейцев, завезенных по вербовке, а также некоторое число айнов, русских и поляков – граждан бывшей Российской империи.

Объединение в единое жизненное пространство южной и северной частей Сахалина, развивавшихся 40 лет в различных социально-экономических и политических условиях, породило немало проблем переходного периода, который длился почти два года. После окончания боевых действий в сентябре 1945 г. приказом командования 2-го Дальневосточного фронта на юге Сахалина были созданы органы власти переходного периода: областное управление по гражданским делам, 11 районных, 15 городских и 27 сельских (волостных) управлений. Территориально они копировали прежнюю японскую систему административного устройства. На Курильских островах районирование проводилось позднее – в апреле 1946 г. В течение четырех месяцев советские управления по гражданским делам действовали наряду с японскими органами государственного и муниципального управления (управление губернаторства – «Карафуто-гё», мэры городов), прекратившими работу с января 1946 г.⁹

Неизбежные спутники любой войны – людские жертвы и разрушения, гибель культурных ценностей, созданных трудом многих поколений. В августе 1945 г. все это в полной мере ощутили на себе жители Южного Сахалина. При этом обстоятельства сложились таким образом, что из пострадавших объектов культурного наследия наибольший урон был причинен именно архивам. Безусловно, утраты многих документов японских учреждений на юге Сахалина можно было избежать, если бы к их сбору приступили «по горячим следам», сразу по завершении боевых действий. Однако

в октябре – декабре 1945 г. в структуре Управления по гражданским делам штаба Дальневосточного военного округа специального органа, занимавшегося сбором и хранением японских архивов, не существовало.

С 1 января 1946 г. свою деятельность развернуло архивное отделение Управления МВД СССР по Южно-Сахалинской области¹⁰ во главе с лейтенантом В.В. Литовских, в недавнем прошлом – офицером связи штаба 15-й армии. Выпускник Свердловского учительского института по специальности «русский язык и литература», он с 1938 по 1940 г. был директором школы, а в 1941 г. окончил курсы младших лейтенантов. К новой для себя работе архивиста В.В. Литовских приступил, видимо, еще до официального назначения на должность, по прибытии на Южный Сахалин в конце осени 1945 г., начав с выявления и сбора документов японских полицейских, жандармских и военных учреждений, а также политических организаций, представлявших для органов НКВД СССР наибольший интерес¹¹.

2 февраля 1946 г. была образована Южно-Сахалинская область в составе Хабаровского края с центром в г. Тоёхара, переименованным 4 июня 1946 г. в Южно-Сахалинск. В нее входили 14 административных районов: 11 на Южном Сахалине и три на Курильских островах¹². Южно-Сахалинская область была необычной: здесь отсутствовали конституционные органы власти – Советы депутатов трудящихся и их исполкомы. Руководство всей политической и хозяйственно-экономической жизнью на островах временно осуществляло Южно-Сахалинское областное гражданское управление, которое возглавил Д.Н. Крюков, работавший в 1944–1945 гг. заместителем председателя Хабаровского крайисполкома¹³.

Одновременно с образованием новой области, 2 февраля 1946 г., было издано два важных нормативных акта. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О национализации земли, банков, промышленных и коммунальных предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи Южного Сахалина и Курильских островов» все перечисленные объекты объявлялись государственной собственностью СССР. Национализировались все частные предприятия, имевшие более 10 рабочих¹⁴. Второй документ – постановление СНК СССР № 263 «Об административном устройстве и введении советских законов на Южном Сахалине»¹⁵. В нем определялись конкретные меры по восстановлению хозяйства области и включению ее в систему общественно-экономических отношений социалистического типа. К постановлению прилагались перечни национализированных промышленных предприятий и учреждений социальной сферы. Культурные ценности (исторические памятники, культовые сооружения, библиотечные собрания, музейные коллекции, архивные фонды и т.п.) среди объектов национализации не значились. Объяснений этому может быть несколько. Во-первых, ни времени, ни специалистов для организации их учета не имелось. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, – к массовой национализации культурных ценностей в самом начале 1946 г. нельзя было приступить, так как советской стороне совместно с оккупационными властями США в самой Японии предстояло решить проблему репатриации японского населения Южного Сахалина и Курильских островов.

Необходимо пояснить, что в ходе репатриации японского населения в 1946–1949 гг. ни о каком вывозе крупного имущества, в том числе архивных материалов, кроме личных или семейных документов, речи вообще

быть не могло. Поэтому при подписании Совместной декларации от 19 октября 1956 г. СССР и Япония взяли на себя обязательство (ст. 6) о взаимном отказе «от всех претензий соответственно со стороны своего государства, его организаций и граждан к другому государству, его организациям и гражданам, возникших в результате войны с 9 августа 1945 года»¹⁶. Благодаря этому за всю послевоенную историю отношений Японии и СССР, а затем Российской Федерации, не возникало проблем и споров имущественного или иного характера, связанных с судьбой объектов культуры, в том числе и архивных материалов периода Карафуту. С 1993 г. все вопросы использования этих архивов, включая исполнение социально-правовых запросов японских граждан – бывших жителей Южного Сахалина или их потомков, решаются абсолютно беспрепятственно на основании действующего архивного законодательства Российской Федерации.

Во вновь создававшихся в 1946 г. советских учреждениях Южного Сахалина и Курил своих архивов как таковых еще не образовалось. Перед архивистами стояла иная, более сложная задача – обеспечение сохранности архивов и документов учреждений бывшего губернаторства Карафуту, прекративших деятельность с приходом советских войск, а также многочисленных японских фирм, компаний, акционерных обществ и т.п. Тогда же выяснением местонахождения важнейших архивов губернаторства Карафуту вплотную занялись прибывшие в Тоёхару офицеры оперативной группы НКВД СССР по Южному Сахалину. Происходило это при своеобразных обстоятельствах. В декабре 1945 г. в Тоёхаре сотрудники НКВД начали арестовывать крупных японских предпринимателей, общественных деятелей и высших чиновников губернаторства. Был арестован и губернатор Карафуту Оцу Тосио¹⁷. Так возникло «Уголовное дело № 1» по обвинению Оцу Тосио, а также большой группы чиновников и местных общественных деятелей в антисоветской деятельности.

Материалы дела образовали четыре объемистых тома, содержащих стандартный набор следственной документации: постановления об аресте и предъявлении обвинения подследственным, ордера на арест, протоколы обысков, допросов и очных ставок, обвинительные заключения, разнообразные справочно-информационные материалы, экспертные заключения, оперативные сводки и т.п. Часть документов, составленных на японском языке, например личные заявления подследственных, снабжена переводами на русский. Протоколы допросов, которые велись через переводчиков, представлены в деле, как правило, в двух экземплярах: первый – рукописный подлинник, подписанный подследственным и переводчиком; второй – машинописная копия.

Материалы дела говорят о том, что вопрос об архивах Карафуту заинтересовал следователей НКВД еще до ареста бывшего губернатора Оцу Тосио и чиновников его ближайшего окружения. Судя по всему, основанием для этого послужило заявление редактора газеты «Карафуту Симбун» Хосино Тацуи¹⁸, арестованного по обвинению в «шпионаже». Тот на допросе 26 декабря 1945 г. показал, что один из ближайших политических помощников Оцу Тосио – Сугавара Мичитаро¹⁹ в начале октября получил приказ губернатора выехать нелегально с Южного Сахалина для передачи японскому правительству важных сведений, однако осуществить это намерение не удалось. В городах действовали советские комендантуры; порты и рыбацьи поселки контролировали военные патрули и органы контрразведки

«Смерш», а все побережье южной части острова было уже перекрыто советской пограничной охраной. После этого Оцу Тосио организовал нелегальную поездку в Японию мэра г. Отомари Айзава, «с которым и были отправлены в Японию особо важные документы»²⁰. По всей вероятности, речь шла не об архивных, а о каких-то информационных документах – письмах или донесениях. Но с этого момента вопрос об архивах, уничтоженных или спрятанных, постоянно возникал при допросах обвиняемых и свидетелей. Так, в официальном обвинении, предъявленном Оцу Тосио 12 января 1946 г., отмечалось, что, действуя вопреки условиям капитуляции, он «отдал распоряжение об уничтожении не только секретных, но и таких жизненно важных документов, как по учету населения, хозяйства, геолого-разведывательных работ и т.д.»²¹.

Следствие, начавшееся в Южно-Сахалинске и длившееся почти полгода, было завершено в Хабаровске. Его материалы, при всем своеобразии содержания и обстоятельств появления на свет, можно считать последними документальными свидетельствами сорокалетней истории губернаторства Карафуто. Они содержат массу интереснейших сведений о малоизвестных или совсем неизвестных событиях на Южном Сахалине в августе – декабре 1945 г. Конечно, учитывая практику ведения следствия органами НКВД СССР в те годы, оценивать их достоверность весьма сложно. Достаточно сказать, что, несмотря на предъявленные обвинения, якобы «доказанные» материалами следствия, руководство НКВД–МВД СССР, державшее это дело под своим контролем, так и не решилось передать их ни в суд, ни в военный трибунал, ни даже в Особое совещание МВД СССР. В июне 1946 г. уголовное преследование Оцу Тосио и других обвиняемых вместе с ним было прекращено. И хотя среди бывших подследственных не имелось ни одного военнослужащего, всех их отправили «для дальнейшего содержания в лагеря военнопленных УМВД Хабаровского края»²².

В ходе следствия были установлены факты повсеместного истребления архивов многих учреждений Карафуто в период с 12 по 20 августа 1945 г. Инициатором этого оказался сам губернатор Оцу Тосио. На допросе 3 января 1946 г. он заявил, что 8 или 9 августа 1945 г. через начальника отдела внутренних дел Янагава Хисао и начальника отдела управления округами губернаторства отдал распоряжение об уничтожении секретной документации и переписки, касавшейся службы полиции и экономического отдела, «для того, чтобы они не попали в руки вражеских войск»²³. На допросе 8 января следователь пытался выяснить, где спрятаны особо важные архивные документы. Оцу Тосио ответил: «Все полицейские бумаги сожжены по моему распоряжению. Часть важных бумаг я отправил на Хоккайдо. Спрятанных архивов на Карафуто нет»²⁴.

Указание губернатор отдал устно, но касалось ли оно только секретных документов или вообще всех архивов, установить теперь довольно сложно. В середине августа, когда советские войска, сломив японскую оборону в приграничных укреплениях у 50-й параллели, двинулись на юг, города Карафуто охватила паника. Служащие государственных учреждений и муниципалитетов принялись лихорадочно уничтожать канцелярские бумаги и архивы. Обвиняемые и свидетели рассказывали об этом очень подробно.

Уже упоминавшийся Хосино Тацуи на допросе 8 февраля 1946 г. заявил: «Мне известно, что по приказу б[ывшего] губернатора Оцу Тосио, о ко-

тором я слышал от начальника особого отдела полиции Абэ Харуо, все японские государственные учреждения должны уничтожить имевшиеся у них документы, причем кроме секретных уничтожены были и деловые бумаги, касающиеся регистрации собственности (оценки), налогов, хозяйственных планов и т.д. Я лично наблюдал, как в числах 15–20 августа 1945 г. под руководством б[ывшего] нач[альника] особого отдела полиции Абэ сжигались возле губернаторства бумаги своего отдела, то же самое делали и все другие начальники отделов губернаторства с младшими служащими, для того [чтобы] бумаги скорее сгорали, вместе с ними жгли ленты кинофильм[ов]»²⁵.

Допрошенный 6 и 8 февраля 1946 г. в Хабаровске как свидетель чиновник отдела управления округами губернаторства Исигаки Хейймон сообщил: «С целью дезинформации советского командования в делах статистики хозяйства, экономики, планирования и учета занимаемой войсками Красной армии территории, с инициативы начальника отдела внутренних дел губернаторства Янагава и согласия на это губернатора Оцу Тосио были сожжены все губернаторские архивы и документы, не имеющие даже хотя сколько-нибудь секретного характера, до прихода советских войск в Тоёхару, а также и на местах в округах и городах Карафуто... В сожжении документов и архивов принимало участие большое количество чиновников, так что это не является ни для кого секретом»²⁶.

12 февраля свидетели Урукава Юпосу и Ямада Теруо подтвердили факты уничтожения всех архивных документов и текущего делопроизводства в строительном и других отделах губернаторства, чтобы они «не достались советским войскам». При этом Ямада Теруо, служивший секретарем губернаторства, сообщил интересные подробности: «Приблизительно 18 или 19 августа 1945 г. губернатор Оцу Тосио отдал устный приказ об уничтожении всех важных документов губернаторства, и эти документы были сожжены... Лично я получил от Оцу Тосио устное распоряжение сжечь все документы, находившиеся в личном сейфе Оцу Тосио. Это распоряжение я выполнил, и все документы из сейфа губернатора сжег в паровом котле старого здания губернаторства. В числе документов были секретные и несекретные. Содержание сожженных документов не знаю, так как смотреть их было некогда. Я также был свидетелем того, как все сотрудники губернаторства носили документы и сжигали их в общем большом костре»²⁷.

Начальник отдела кадров губернаторства Цусима Кадзуе признался, что «лично сжег приказы по губернаторству о перемещениях работников, личные дела работников административных органов Карафуто и разную переписку»²⁸.

Сопоставив показания, можно сделать вывод, что на уничтожение архивов у японских властей ушло примерно 7–8 дней. Из протокола допроса начальника отдела полиции губернаторства Огата Накаба, арестованного в г. Сиритори (с 1946 г. – г. Макаров) 22 августа, т.е. значительно раньше других, следует, что приказ об уничтожении полицейских архивов Оцу Тосио отдал еще 12–13 августа²⁹. На полицейские же органы был возложен контроль за повсеместным его исполнением.

Мэр г. Тоёхара Оосима Чюко рассказывал: «После начала военных действий на японо-советской границе работавший в моем управлении начальник общего отдела Сакураи Уичи по телефону получил от начальника отдела губернаторства Конэко распоряжение немедленно уничтожить весь ар-

жив, статистику, мобилизационные документы и другие важные бумаги. Это распоряжение было доложено мне, после чего документы были сожжены, сжигали все служащие»³⁰.

Мэр г. Маока (с 1946 г. – г. Холмск) Такахаси Кацузиро на вопрос о том, какие и от кого исходили указания по уничтожению архивов, ответил еще более подробно: «После капитуляции Японии от губернаторства поступила директива уничтожить документы всех правительственных учреждений и военных ведомств. Эта директива на местах была осуществлена 15 и 16 августа. Документы сжигались, о чем было донесено губернаторству. Уничтожение документов происходило под строгим надзором полиции. Уничтожались архивы, секретные и важные документы». При этом никаких письменных приказов не издавалось, «а было только передано из губернаторства по телефону полицейским отделениям, на которые возлагалось провести эти указания в жизнь на местах. Прежде всего уничтожались мобилизационные документы и документы политических организаций»³¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что еще до того, как советские войска вошли в Тоёхару и на юге острова закончились боевые действия, значительная часть архивов государственных и муниципальных, содержащих подлинные документы периода губернаторства Карафутто, была уничтожена.

Выявление уцелевших документов гражданских архивов (муниципалитетов, фирм, компаний и т.д.) началось несколько позднее, после издания приказа начальника УВД СССР по Хабаровскому краю от 14 мая 1946 г. о сдаче в государственные архивы документов бывших японских учреждений Карафутто. Затем появился приказ Южно-Сахалинского областного гражданского управления № 444 от 12 октября 1946 г. «О концентрации документальных материалов бывших японских учреждений». Руководителям всех вновь создаваемых советских трестов, главков, учреждений, начальникам городских и районных управлений по гражданским делам поручалось собрать все японские архивы и до 1 декабря направить их в Южно-Сахалинск в распоряжение архивного отдела УМВД³². Однако на местах не имелось ни квалифицированных специалистов архивного дела, ни переводчиков-японистов. Из городов и районов Южного Сахалина документы везли, как правило, в россыпи, без какого-либо отбора и предварительной экспертизы. Так, трест «Сахалинбумпром» доставил японский архив «за прежние годы в количестве девяти машин». Невельский морской рыбный порт отправил японские архивные материалы, «упакованные в 10 ящиках и 20 соломенных мешках». Поронайский целлюлозно-бумажный комбинат направил в Южно-Сахалинск 33 связки документов (1451 книга) японской фирмы «Оодзи»³³, которой принадлежали до войны все бумагоделательные предприятия Карафутто.

По указанию ГАУ МВД СССР все трофейные японские архивы, собранные на Южном Сахалине, были вывезены на материк. Транспортировка документов осуществлялась пароходами до Владивостока и далее по железной дороге в Хабаровск.

В Госархиве Хабаровского края началась работа по разбору и упорядочению японских материалов. На эти цели выделили по смете 57 тыс. руб. Наиболее интересные дела подробно аннотировались переводчиками. Основное внимание уделялось установлению фондообразователей и составлению заголовков, раскрывающих содержание каждой единицы хранения. Все дела

были систематизированы по фондам и временно для удобства в использовании расписаны на карточки, на основе которых позднее составлялись описи.

В числе тех, кто разбирал и описывал вывезенные с Южного Сахалина архивные материалы, был сотрудник краевого УМВД СССР, впоследствии известный писатель Г.Г. Пермяков, работавший с декабря 1945 по октябрь 1950 г. на спецобъекте № 45. В этом лагере, на одной из улиц в центре Хабаровска, находилось до 170 человек – генералов Квантунской армии, адмиралов японского флота, министров правительства Маньчжоу-Го, а также семья последнего китайского императора Айсингёро Пуи. В качестве переводчика Г.Г. Пермяков участвовал в нескольких крупных процессах, связанных с осуждением военных преступников: семеновского (1946 г.), токийского (1946–1948 гг.) и хабаровского бактериологического (1949 г.)³⁴.

Следует отметить, что по прибытии в Хабаровск все трофейные документы были отнесены к категории секретных, работа над которыми велась в тайне. К ней кроме переводчиков краевого управления МВД СССР, по всей вероятности, привлекались офицеры-японисты из системы Министерства обороны и МГБ СССР. Наверное, по этой причине многое в судьбе архивов Карафуты по сей день остается неясным. Неизвестен, в частности, точный объем вывезенных японских документов и сформированных из них фондов, лишь часть которых в 1960-е гг. была возвращена на Сахалин.

В настоящее время в ГАСО находится 1516 дел периода губернаторства Карафуты. Между тем в докладной записке начальника отдела ГАУ МВД СССР майора А.Ф. Горленко от 7 июня 1947 г. указывалось, что только с декабря 1946 по 1 июня 1947 г. в Хабаровске «переведено», т.е. просмотрено и аннотировано переводчиками в процессе первичной разборки, около 6 тыс. дел. Причем это была лишь часть материалов, вывезенных с Южного Сахалина. Тогда же, 1 июня 1947 г., во Владивостокский порт прибыла последняя партия документов – около 12 т, для приема которых командировали заведующего отделом секретных фондов старшего лейтенанта Золотова. Всего же в ГАХК было сосредоточено почти 20 т архивных документов государственных учреждений, компаний и фирм бывшего губернаторства Карафуты³⁵. Следовательно, по самым общим оценкам, из всего массива японских документов, вывезенных с Южного Сахалина в 1946–1947 гг., ныне в ГАСО хранится примерно десятая часть. Основной массив этих документов в процессе обработки был, вероятно, выделен в макулатуру. Подтверждением тому служит следующий пример: из сданных в декабре 1946 г. 470 дел³⁶ бывшей японской «Электрической компанией Южного Сахалина», находившейся в г. Тоёхара, в фонде этой компании в облгосархиве (Ф. 6-и, дела за 1930–1945 гг.) числится лишь 15 дел³⁷.

В процессе научно-технической обработки и составления описей японских фондов был выявлен целый ряд материалов, передававшихся для практического использования заинтересованным советским учреждениям и ведомствам. Так, некоторые дела бывшего полицейского управления Карафуты поступили для использования в отделы УМВД СССР по Сахалинской области³⁸. Документы, содержавшие ценную научную и экономическую информацию, получили и некоторые гражданские организации. В частности, Дальневосточному геологическому управлению передали из краевого архива геологические карты и схемы Южного Сахалина, отчеты о геологических изысканиях на нефть, материалы о деятельности горнодобывающей промышленно-

сти Японии и иные документы. В апреле 1947 г. управление получило 39 дел. Передача советским геологам японских документов предусматривалась и в дальнейшем, по мере разборки трофейных фондов³⁹. Как отмечалось в одном из официальных обзоров ГАУ МВД СССР, это позволило сэкономить несколько миллионов рублей государственных средств при организации геологических изысканий на Южном Сахалине в послевоенные годы⁴⁰.

Допуск исследователей к трофейным материалам периода губернаторства Карафуто был фактически закрыт, что отрицательно сказывалось на качестве исторических исследований, посвященных истории японской колонизации Южного Сахалина в 1905–1945 гг. Характерно, что немногочисленные диссертационные исследования⁴¹ и публикации по этой теме⁴², вышедшие в 1970–1980-е гг. из-под пера советских историков, не содержат ссылок на эти фонды и даже упоминаний о них. Сведения об архивных документах периода Карафуто не включалась до конца 1980-х гг. в справочно-информационные издания ГАСО⁴³.

Лишь после 1991 г. появились законодательные нормы, позволившие рассекретить эти документы, опубликовать их обзор и включить в путеводитель⁴⁴. Наиболее содержательными являются фонды полицейского управления (Ф. 1-и, 218 дел за 1907–1945 гг.), управления губернаторства (Ф. 3-и, 72 дела за 1931–1943 гг.), управления коммуникаций Карафуто (Ф. 13-и, 532 дела за 1918–1934 гг.) и др. После открытия доступа с ними работали десятки российских и зарубежных исследователей, в том числе из Японии. В Южно-Сахалинске 1–2 ноября 2005 г. состоялся международный симпозиум, посвященный истории губернаторства Карафуто, с участием ученых и преподавателей Сахалинского государственного и Хоккайдского университетов. Там прозвучали доклады, раскрывающие экономические, социально-культурные и религиозные аспекты развития Южного Сахалина в первой половине XIX в.⁴⁵ Архивные фонды губернаторства Карафуто используются также для исполнения запросов японских граждан – бывших жителей Южного Сахалина или их потомков, а также различных учреждений Японии.

¹ В функции 7-х отделов политорганов Красной (Советской) армии (фронта, армии, корпуса, дивизии и т.д.) входила пропагандистская работа в войсках противника, среди военнопленных и населения освобожденных территорий.

² Цит. по: *Вараксина Л.А.* Вера Ивановна Чернышева – архивист, историк, краевед // Первые арх. чтения им. В.И. Чернышевой: Материалы науч. чтений. Хабаровск, 2001. С. 12.

³ Справочник-список руководящего и рядового состава – членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося в Маньчжурии / Предисловие В.Чернышевой. Хабаровск, 1950.

⁴ См.: *Бендик Н.Н.* Рассекреченные документы Госархива Хабаровского

края // Отечественные архивы. 1995. № 1. С. 97; *Она же.* Новые поступления в Госархив Хабаровского края // Там же. № 6. С. 120; *Вараксина Л.А.* Из истории русской культуры в Харбине в 20–30-е годы XX в. (По документам Госархива Хабаровского края) // Там же. 1999. № 4. С. 30.

⁵ *Исаков И.С.* Кампании войны на Тихом океане. Предисловие (к русскому изданию) // Исаков И.С. Избранные труды. Океанология, география и военная история. М., 1984. С. 429.

⁶ Там же. С. 438–441.

⁷ Термин «Карафуто» в отечественной и зарубежной научной литературе имеет два основных значения. Первое – географическое, использовавшееся в Японии в XVII – начале XX в. и даже

позднее в качестве одного из названий всего острова Сахалин. Второе – имеет историко-политический смысл и обозначает территорию Южного Сахалина, отошедшего к Японии по Портсмутскому мирному договору 1905 г. (См.: *Гальцев-Безюк С.Д.* Топонимический словарь Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1992. С. 120.)

⁸ ГАСО. Ф. 171. Оп. 3. Д. 5. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 6–7.

¹⁰ Так сказано в документах, хотя официально Южно-Сахалинская область была образована на месяц позже – 2 февраля 1946 г. (См.: ГАСО. Ф. 589. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.)

¹¹ Архив УВД Омской области. Д. 9397. Л. 1, 6, 12.

¹² Административно-территориальное деление Сахалинской области: Док. и материалы. Южно-Сахалинск, 1986. С. 122–123.

¹³ *Савельева Е.И.* Время больших перемен (О Дмитрие Николаевиче Крюкове) // Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. С. 250–265.

¹⁴ Социалистическое строительство на Сахалине (1925–1945 гг.): Сб. док. Южно-Сахалинск, 1967. С. 675.

¹⁵ ГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2; Социалистическое строительство на Сахалине и Курильских островах. 1946–1975 гг.: Сб. док. Южно-Сахалинск, 1982. С. 8–10.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1956. № 24 (866). Ст. 525. С. 611–613.

¹⁷ Оцу Тосио, 1892 г.р., уроженец префектуры Фукуока. По окончании в 1916 г. факультета правоведения Токийского университета отбывал военную службу в чине младшего лейтенанта. В 1919–1935 гг. занимал ряд административных должностей в гражданских и полицейских учреждениях при управлениях префектур Осака, Фукуока, Нагасаки, Иокогама; в 1938–1941 гг. был начальником управления Квантунской области в г. Чаньчунь. В июне 1943 г., будучи высокообразованным и опытным чиновником, получил назначение на пост губернатора Карафуто. С конца августа 1945 г., когда Южный Сахалин заняли советские войска, Оцу Тосио, фактиче-

ски находясь под домашним арестом, руководил прежним аппаратом губернаторства, помогая советскому командованию в деле возвращения и обустройства японских беженцев, налаживания элементарных условий жизни в городах и поселках. По воспоминаниям Д.Н. Крюкова, эта деятельность Оцу Тосио под контролем советских военных властей помогла избежать многих жертв и негативных последствий в первые недели и месяцы после окончания боевых действий на Южном Сахалине. (См.: *Борисова В.Г., Савельева Е.И.* Исторические портреты: Михаил Алимов, Дмитрий Крюков, Оцу Тосио // Исторические чтения. Тр. Гос. архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1997. № 2. С. 371–373; *Крюков Д.Н.* Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах в 1945–1948 гг. Воспоминания // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 1993. № 1. С. 22–39.)

¹⁸ Хосино Тацуи, 1891 г.р., уроженец Токио; журналист, до ареста работал в г. Тоёхара редактором газеты «Карафуто Симбун». Обвинялся органами НКВД СССР по ст. 58-6 и 58-11 УК РСФСР.

¹⁹ Сугавара Мичитаро, 1898 г.р., уроженец д. Хаянита на о. Хоккайдо. На Карафуто работал с 1921 г. Доктор агрономии, автор ряда научных работ по проблемам сельского хозяйства Карафуто. В 1945 г. возглавлял отделение «Ассоциации помощи трону», а также Комитет обороны Карафуто. До ареста 15 декабря 1945 г. находился на территории Южного Сахалина на нелегальном положении. Обвинялся по ст. 58-4 и 58-11 УК РСФСР.

²⁰ Архив УФСБ по Сахалинской области. Д. СУ-3038. Т. 2. Л. 521.

²¹ Там же. Т. 1. Л. 71.

²² Там же. Т. 3. Л. 419.

²³ Там же. Т. 1. Л. 48.

²⁴ Там же. Л. 64.

²⁵ Там же. Т. 2. Л. 613.

²⁶ Там же. Т. 3. Л. 687, 692.

²⁷ Там же. Л. 748, 753–754.

²⁸ Там же. Л. 710.

²⁹ Там же. Л. 777.

³⁰ Там же. Л. 766.

³¹ Там же. Л. 902.

³² ГАСО. Ф. 171. Оп. 2. Д. 8. Л. 50.

³³ Там же. Ф. 646. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–4, 23–23 об.

³⁴ *Пермяков Г.* Император Пуи. Пять лет вместе // Рубеж: Тихоокеанский альманах. Владивосток, 2003. № 4 (866). С. 279.

³⁵ ГАХК. Ф. 266. Оп. 1. Д. 128. Л. 20.

³⁶ ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

³⁷ Путеводитель по фондам Государственного архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1995. С. 23.

³⁸ Несколько лет назад часть документов, касающихся учета японского населения г. Тоёхара и ряда других населенных пунктов на юге Сахалина, поступила в ГАСО.

³⁹ ГАХК. Ф. 266. Оп. 1. Д. 128. Л. 20.

⁴⁰ *Стыров В., Гурьянов А.* Обзор работы архивных органов и государственных архивов СССР по организации использования документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР. М., 1952. С. 9.

⁴¹ *Ли Бен Бю.* Южный Сахалин и Курильские острова в годы японского гос-

подства (1905–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

⁴² *Лопачев А.М.* Из истории японской колонизации на Южном Сахалине // Вопросы всеобщей истории. Хабаровск, 1972. С. 228–243; *Высоков М.С.* Южный Сахалин и Курильские острова в системе японских колоний (конец XIX – начало XX в.) // Краеведы ведут поиск. Южно-Сахалинск, 1985. С. 68–71.

⁴³ См.: Государственный архив Сахалинской области: Справ. по фондам. Южно-Сахалинск, 1983; Государственные архивы РСФСР. Справ.-путеводитель М., 1980; Государственные архивы СССР: Справ. М., 1989. Ч. 1. С. 391–394.

⁴⁴ *Дударец Г.И.* Обзор японских фондов Государственного архива Сахалинской области // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 1995. № 2. С. 188–192; Путеводитель по фондам Государственного архива Сахалинской области. С. 20–23.

⁴⁵ История Карафутто глазами сахалинских и японских исследователей: Сб. науч. ст. / Сост. Е.Н. Лисицына. Южно-Сахалинск, 2006.

К.Б. Ульяницкий

Единая архивно-информационная среда в контексте информатизации общества

Архивоведению традиционно присуще большое внимание к материальной основе документа, его физическим свойствам, внешним особенностям¹. При этом современные технологии все более настойчиво предлагают архивам возможность переноса документной информации с одного носителя на другой для ее сохранения и более широкого распространения. С середины XX в. активно применяется микрофильмирование документов с бумажной основой; развиваются международный обмен и публикации архивных документов в виде микроформ. В последнее десятилетие получил развитие перевод документов в электронную форму с последующей организацией сетевого доступа к их электронным образам. Наконец, все больше документов в делопроизводстве создаются исключительно в электронном виде без бумажных аналогов. Отсюда возникает закономерное стремление специалистов отделить информацию от конкретного носителя, который час-

то становится непостоянным и даже эфемерным. Например, К.Б. Гельман-Виноградов говорит о «феномене всеобщности документной информации», подразумевая под этим, в частности, «многоадресную прописку одних и тех же документов», информация которых, благодаря различным технологиям, становится доступной в разных точках пространства. «Глобальную экспансию» информации он рассматривает в русле учения о ноосфере, с выведением понятий документальной среды и документальной памяти ноосферы, составной частью которых являются архивы². По мнению Т.И. Хорхординой, понятие ноосферы неопределенно и является скорее предметом веры, чем объективного знания. В то же время, говоря об архивах, Т.И. Хорхордина предлагает рассматривать их как «информационную метасистему общепланетарного характера», «совокупный банк данных всего человечества», открытую «многоуровневую архивно-информационную систему»³.

Безусловно, представления об архивах как о глобальной системе (или части такой системы) информации весьма актуальны. Однако к глобальным системам можно отнести не только архивы, но и библиотеки, музеи, Интернет – конгломерат самых разнородных материалов, а также современную печатную, аудиовизуальную продукцию, которая распространяется через торговые, прокатные, компьютерные и другие коммуникационные сети. Они тоже порождают феномен «многоадресной прописки», но не являются (возможно, пока) частью архивов. В какой форме в этом гигантском калейдоскопе информации должны быть представлены архивы с точки зрения возможной «многоадресной прописки» их материалов?

Важный шаг в этом направлении сделал В.Н. Автократов, который определил объект архивоведения как «документную ретроспективную информацию, данную архивисту (преимущественно) в ее естественно-исторических связях», а предмет, точнее, его эмпирическую часть, как «архивную информационную среду». Примечательно, что в этих определениях на первый план поставлена собственно информация, а не материальная основа документов. Согласно В.Н. Автократову, архивная информационная среда формируется из информации ряда документов, объединенных между собой, в большинстве случаев, общностью происхождения (первичная документная информация), а также из поисковых средств к ним (вторичной документной информации, или научно-справочного аппарата)⁴. Автократов не успел оставить свое понимание «виртуальных архивов», однако четко указал на специфику архивов в целом. Одной из главных особенностей выступает их фондовая структура, систематизация документов по принципу происхождения, что отличает архивы от других собраний документов, в частности библиотек, формирующихся по формально-логическим схемам. Принцип происхождения обуславливает также принцип недробности фонда (принцип уважения к фонду). Конечно, есть и исключения (архивные коллекции на правах фондов, собрания технотронных документов), однако своеобразие архивов налицо. Как оно должно проявиться в виртуальной информационной среде, например в World Wide Web?

Можно согласиться с утверждением В.И. Тихонова и И.Ф. Юшина о том, что для электронной среды остаются в силе принципы происхождения и недробности фонда, систематизация и учет по фондам, описям и делам, сохраняющие исторические (делопроизводственные) связи документной информации⁵. Очевидно, что компьютерные технологии предоставляют

огромные (и постоянно возрастающие) возможности для работы с документной информацией, в том числе для разнообразных и изощренных манипуляций, искажающих ее и нарушающих исторический контекст. В этой связи применительно к так называемым виртуальным архивам необходимо сохранение традиционных архивоведческих принципов.

Таким образом, существуют массивы документной информации, которая может передаваться из одной точки пространства в другую. Она состоит из первичной, собственно ретроспективной информации, и вторичной (научно-справочный аппарат). Вместе они образуют целостную среду, в которой один компонент не может полноценно функционировать независимо от другого. Внутреннее единство дополняется внешним фактором – одинаковой доступностью данной среды для разных пользователей, находящихся на более или менее значительном удалении друг от друга. Исходя из этого, мы предлагаем термин «единая архивно-информационная среда» – совокупность ретроспективной документной информации и приданных ей поисковых средств, доступная в разных точках пространства. Он обозначает электронные архивы или версии архивных фондов и коллекций, функционирующие в сетевом режиме, а также тиражированные в двух и более экземплярах копииные версии фондов (коллекций), снабженные научно-справочным аппаратом, на электронных носителях или микроформах. В этой среде возможности «многоадресной прописки» и единого доступа обеспечены не просто в отношении отдельных документов, но целостных их комплексов, точнее – их информации, контента. При этом приобретают большое значение технологии обеспечения аутентичности и целостности информации, в частности при ее распространении в сетях или переносе на другие носители в случае устаревания программно-аппаратных средств.

Единая архивно-информационная среда может охватывать различные уровни: всего фонда или, в некоторых случаях, его структурных частей, имеющих собственный НСА (одной или ряда описей), группы фондов архива, всех его фондов, ряда фондов или всех фондов группы архивов. Такая среда сохраняет целостность информации, основанную на принципах происхождения и недробимости фонда, уникальную структуру, заданную в архивах, которая отличает ее от других элементов любых информационных систем.

Отдельные составляющие единой архивно-информационной среды известны. Создание электронных сетевых версий своих архивов широко практикуют действующие учреждения (например, Центральный банк РФ)⁶. Доступ к электронным версиям фондов Коминтерна в локальной сети архива и через Интернет организован в РГАСПИ, что стало итогом реализации крупного международного проекта⁷. В Интернете размещена электронная версия личного фонда академика А.П. Ершова (1931–1988), также состоящая из цифровых копий, оригиналы которых хранятся в Институте систем информатики Сибирского отделения РАН⁸. Единая архивно-информационная среда формируется посредством микрографии в программах сотрудничества отечественных архивов с их зарубежными партнерами. Так, в 1993 и 2002 гг. ГАРФ получил в порядке обмена от Гуверовского института войны, революции и мира (США) микрофильмы 26 его фондов и коллекций архивной россики (с описями). В свою очередь Гуверовский институт пополнился микрофильмами ряда фондов советских учреждений (НКВД РСФСР, Главного управления мест заключения НКВД РСФСР и др.) из федеральных архивов

(ГАРФ, РГАСПИ, РГАНИ)⁹. Для российской стороны позитивные экземпляры этих микрофильмов составили фонд пользования. В 2002 г. Губеровский институт передал в ГАРФ микрофильмы 85 эмигрантских архивных фондов и коллекций Музея русской культуры в Сан-Франциско¹⁰. Микрофильмы рассекреченных частей фондов Советской военной администрации в Германии (СВАГ), хранящихся в ГАРФ, передаются в Федеральный архив ФРГ (г. Кобленц) в рамках совместного проекта. В 2009 г. в Интернете предполагается разместить также электронные образы этих дел¹¹.

Очевидно, что технологии позволяют расширять информационную среду любого архива за счет аутентичных копий документов других архивов при обмене, покупке, дарении. При этом возможны два способа такого расширения, которые необходимо четко различать. Первый способ основан на выборочном подходе к копированию – это простое увеличение количества ретроспективной документной информации при пополнении копиями отдельных документов или дел из фондов (коллекций) других архивов с созданием на их основе самостоятельных коллекций из копий. В ГАРФ (ранее – ЦГАОР СССР) такое собрание формируется с 1958 г. под названием «Коллекция микрофотокопий документов зарубежных архивов»¹². Из копийных выборок по 54 фондам ЦГАОР СССР в 1963 г. была составлена и «Коллекция микрофотокопий документов, переданных в Польшу»¹³.

Второй способ основан на целостном подходе и предполагает формирование единой архивно-информационной среды путем распространения копий целых фондов и коллекций (или их частей, включенных в одну и более описей). В ГАРФ это, например, упомянутые выше «Коллекция микрофильмов Губеровского института войны, революции и мира» и «Коллекция микрофильмов Музея русской культуры в Сан-Франциско». В этом случае архив, передавая копии другому архиву, оставляет у себя один или несколько их дополнительных экземпляров. В итоге архивы имеют в виде копий практически одинаковые сегменты (комплексы первичной и вторичной ретроспективной документной информации), составляющие единую информационную среду. Существует и более мобильный путь формирования единой архивно-информационной среды – обеспечение доступа пользователей к целостной информации (копийным версиям фондов, коллекций) через компьютерную сеть, посредством микроформ и др. Если в первом варианте (при межархивном обмене, продаже, дарении) формируется общая информационная среда двух и более архивов-партнеров, то во втором – неопределенного множества пользователей.

Безусловно, полная информация о внешних особенностях оригинала документа как материального объекта всегда останется за пределами единой архивно-информационной среды, поскольку никакая копия не может передать все его внешние особенности. Но, как показывает практика, в большинстве случаев в этом нет необходимости. Объемы фонда пользования в отечественных архивах постоянно растут; значительная часть фондов полностью снята на микроформы, и доступ к их бумажным оригиналам ограничен. Например, в читальные залы ГАРФ в 1992–2001 гг. было выдано свыше 634 тыс. дел, из них в микрокопиях – более 141 тыс.¹⁴

В идеале фонд пользования должен охватить все архивные документы постоянного (вечного) хранения. В перспективе необходимо создание на основе традиционного фонда пользования или одновременно с ним банка элек-

тронных копий (путем сканирования оригиналов документов или микроформ) с организацией сетевого доступа к электронным образам. При этом замена подлинных документов их виртуальными аналогами для целей использования не снижает ценности оригиналов как вещественных памятников прошлого. Наоборот, создание пользования – это надежный способ оградить подлинники от угрозы порчи или хищения. В сущности, единая архивно-информационная среда – это фонд пользования, обеспечивающий доступ к целостной системе информации одновременно для множества потребителей. Понятно, что с применением компьютерных технологий эта задача решается более успешно, чем с помощью микрографии или иных способов ограниченного тиражирования. В качестве изображения, объеме информации, воспринимаемой пользователем, между кадром позитива микрофильма на экране читального аппарата и электронным образом бумажного документа на мониторе компьютера нет принципиальных различий, как и между компьютером, находящимся в архиве, и аналогичным устройством за его пределами. Таким образом, электронная копия отчуждает пользователя от оригинала не более, чем привычный микрофильм, а присутствие пользователя непосредственно в здании архива перестает быть необходимостью. При этом для удаленного доступа предпочтительно создание именно целостного продукта, электронной версии всего фонда (коллекции). Такой подход к копированию также облегчает учет фонда пользования, как традиционного, так и электронного. В то же время он может встречать препятствия юридического и финансового характера (нежелание архивов терять контроль над своими материалами, нормы авторского права и смежных прав, конфиденциальность информации, высокая стоимость копирования и т.д.).

Тем не менее можно прогнозировать, что по мере дальнейшего распространения электронного документооборота в организациях-фондообразователях, с внедрением дистанционных технологий в архивном деле, с развитием межархивного обмена все большее количество архивов будет участвовать в расширении единой информационной среды посредством компьютерных сетей, а также тиражирования копий на различных носителях. Непременным условием формирования такой среды является обеспечение единого удаленного доступа к целостным сегментам архивов (фондам, коллекциям), а не только к копиям НСА или тематических подборок документов, которые можно рассматривать лишь как формы публикации. Это означает, что принцип уважения к фонду должен применяться не только к комплектованию и хранению, но и к распространению ретроспективной документной информации.

Ситуация развивается по сценарию, когда информация все чаще может предоставляться «здесь и сейчас», и поездка в другой город (страну, континент) для работы с архивными источниками постепенно становится анахронизмом (исключая случаи, когда подлинники необходимы, например, палеографу или искусствоведу). Этот процесс будет идти параллельно с внедрением дистанционных технологий в государственном и муниципальном управлении, в сфере труда (телеработа) и в образовании (дистанционное обучение). В перспективе должен быть обеспечен массовый удаленный доступ к системам ретроспективной документной информации в ее естественно-исторических взаимосвязях, с возможностями оперативного поиска, копирования, обработки и передачи данных. Это, конечно, должно изменить тради-

ционное представление об архивах как хранилищах преимущественно неопубликованных материалов. В результате, говоря об архивном фонде, пользователи и сами архивисты будут иметь в виду уже не столько совокупность носителей документной информации, сколько общедоступную информационную систему. Аналогично этому, например, говоря об изданном литературном произведении или научном труде, мы обычно подразумеваем не рукопись или конкретный типографский экземпляр, а тиражированный текст.

Известно, что в последние годы сканирование широко применяется в библиотечном деле, а также национальных и международных программах сохранения культурного наследия, охватывающих как библиотеки, так и архивы (например, «Память мира», библиотека «Европеана», «Мировая цифровая библиотека») ¹⁵. Примечательно, что авторы последнего проекта провозгласили своей целью «представление полных коллекций с минимальным количеством комментариев и интерпретаций» и отказ от выбора конкретной тематики, который носит субъективный характер. В этой связи представляет интерес мнение библиотековеда В.К. Степанова о постепенном включении библиотек, а также «практически всех институтов бизнеса, образования, науки и развлечений» в глобальную информационную среду. Он считает, что применение технологий Интернета в современных библиотеках проходит три этапа: первый – подключение к Интернету, помещение информации о библиотеке на web-сервере; второй – реализация через Интернет некоторых традиционных функций библиотеки, в частности обеспечение доступа к электронному каталогу, заказ изданий в режиме онлайн, обратная связь с пользователями и др.; третий – «кардинальное изменение состава главного информационного массива, который представлен уже более электронными источниками, доступными через Сеть, нежели документами в виде твердых копий» (имеются в виду печатные издания); компьютерная сеть «используется в качестве универсального средства доставки информации всюду и в любое время» ¹⁶. Если применить данную схему к архивам, то можно отметить, что формирование единой архивно-информационной среды в Интернете находится сейчас на второй ступени описанного процесса, предполагающей публикацию научно-справочного аппарата и некоторых фондов. Вскоре многие традиционные архивы перейдут к установлению удаленного доступа к большинству их ресурсов. Вероятно, это будет характерно для периода, который уже назван Е.В. Старостиным «эпохой компьютерных архивов» ¹⁷.

¹ Об этом см., напр.: *Привалов В.Ф.* Вопросы сохранности принтерных текстов // *Отечественные архивы.* 2000. № 1. С. 18–21.

² *Гельман-Виноградов К.Б.* Пространственная одиссея документов как глобальное явление // *Отечественные архивы.* 1992. № 2. С. 24–30.

³ *Хорхордина Т.И.* От архивоведения – к архивософии? К постановке проблемы // *Тр. ИАИ.* М., 1996. Т. 33. С. 177–192; *Волкова Т.С., Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы в сис-

теме социальной памяти российского общества (коммуникативная стратегия историко-культурного наследия) // *Сибирские чтения в РГГУ: Альманах Общеуниверсит. учеб.-науч. центра изучения культуры народов Сибири.* М., 2008. Вып. 3. С. 73–77.

⁴ *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 70, 76. Т.И. Хорхордина предлагает модифицированный вариант этого термина (без изменения толкования, данного В.Н. Автократовым) –

«архивно-информационная среда» (Волкова Т.С., Старостин Е.В., Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 73). Первоначальный вариант данного термина («архивная информационная среда») также используется современными авторами (см., напр.: Ларина В.Г. Единый классификатор документной информации – важнейший элемент информатизации архивной отрасли // Отечественные архивы. 2002. № 1. С. 8).

⁵ Тихонов В.И., Юшин И.Ф. Современные концепции электронных архивов // Отечественные архивы. 1999. № 1. С. 18–27. Они же. Электронные архивы и электронный документооборот // Там же. № 2. С. 17–26.

⁶ Алексеева Е.В. Архивоведение: Учеб. для нач. проф. образования: Учеб. пособие для сред. проф. образования / Е.В. Алексеева, Л.П. Афанасьева, Е.М. Бурова; Под ред. В.П. Козлова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 255.

⁷ Водопьянова З.К. Компьютеризация архива Коминтерна завершена // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 102–103; <http://www.comintern-online.com/>

⁸ Крайнева И.А., Черемных Н.А. Личный архив академика А.П. Ершова в Интернете // Отечественные архивы. 2001. № 5. С. 53–55; <http://ershov.iis.nsk.su/russian/>

⁹ ГАРФ. Ф. 10003 (Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира): <http://www.hoover.org/hila/collections/19401004.html>

¹⁰ ГАРФ. Ф. 10143 (Коллекция микрофильмов Музея русской культуры в Сан-Франциско).

¹¹ Проект «СВАГ–SMAD». Информация о ходе реализации Программы изучения и издания документов Советской военной администрации в Германии (1945–1949 гг.): <http://www.rusarchives.ru/projects/swag.shtml> <http://echo.msk.ru/programs/staliname/557577-echo/>

¹² ГАРФ. Ф. Р-8091.

¹³ Там же. Ф. Р-8254.

¹⁴ Архив новейшей истории России. Сер. «Исследования». Т. II. Государственный архив Российской Федерации: 10 лет работы (1992–2002). Сб. статей. М., 2002. С. 249.

¹⁵ http://www.charter97.org/rus/news/2006/11_1/30/proekt; <http://www.nlr.ru/news/rnbinfo/2006/12-1.pdf>

¹⁶ Степанов В.К. Этапы трансформации традиционной библиотеки в библиотеку цифровую: http://www.vadimstepanov.ru/f_texts/mguk01.htm

¹⁷ Старостин Е.В. Архивы России: Методологические аспекты архивоведческого знания. Учеб.-метод. пособие. М., 2001. С. 21.

В.И.Тихонов

Применение традиционных методов в экспертизе ценности электронных документов

Современный мир живет в эпоху глобального информационного общества. Информация пронизывает деловую и культурную ткань социума, связывая его разрозненные части и расширяя границы представлений о человеке, обществе и окружающем мире. Распространение компьютерной техники привело к тому, что подавляющая часть информации возникает и хранится в электронной форме в составе информационных систем, разнообразных как по назначению, так и по степени сложности. Электронные документы (в том числе базы данных), еще недавно казавшиеся каким-

то далеким и непостижимым явлением, превращаются в заурядный инструмент управленческой практики. В повестку дня ставится вопрос о принципах организации архивов электронной документации¹.

Установление ценности документов рассматривается как непереносимое условие и начальная посылка организации любого архива, вне зависимости от формы собственности и отраслевой принадлежности. Принципы, методы и критерии экспертизы ценности документов оказывают определяющее влияние на состав архивных фондов, а тем самым на информационный, культурный и научный потенциал общества. Стоит отметить, что в нашей стране довольно хорошо отработаны методологические и практические вопросы проведения экспертизы ценности документов с бумажной основой. Однако экспертизе ценности электронных документов не уделяется должного внимания. Например, лишь в трех из 35 московских органов исполнительной власти и организаций, владеющих в общей сложности 279 базами данных и обследованных Центральным архивом документов на электронных носителях Москвы* в 2004–2007 гг., электронные документы оказались включенными в номенклатуру дел, а сроки хранения установлены для трех (!) баз данных. Не лучше обстоит дело и на федеральном уровне: в 2003 г. только в четырех из 58 министерств, служб, агентств, комиссий и других организаций электронные документы были внесены в номенклатуры дел².

Получается, что на создание и развитие информационных систем государство и хозяйствующие субъекты тратят большие средства, а оценке перспектив ретроспективного использования возникающих в них информационных ресурсов придается крайне малое значение. Причина такого положения кроется не только в сложной природе электронных документов, в неразработанности нормативной базы и организации процесса комплектования, но и в сложившейся практике архивной экспертизы ценности, устоявшихся стереотипах и взглядах на критерии отбора документов, цели, формы и возможности их использования. В конечном итоге многое в решении вопроса об архивном хранении электронных документов зависит от возможности применения к ним подходов и критериев оценки значимости документов Архивного фонда Российской Федерации, которые были разработаны для бумажных документов.

В настоящей статье попробуем выявить и показать на примерах особенности применения к электронным документам некоторых выработанных отечественным архивоведением критериев экспертизы ценности³.

Несколько слов нужно сказать об объекте исследования. «Электронные документы» – родовое понятие, обозначающее любую документированную информацию, представленную в электронно-цифровой форме⁴. Это означает, что в качестве электронных могут выступать управленческая, финансовая, налоговая и научно-техническая документация, интернет-документы и мультимедиа-продукты, личная переписка и тексты произведений, цифровые аудиовизуальные и другие документы. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с применением критериев ценности лишь к тем элек-

* В феврале 2008 г. Центральный архив документов на электронных носителях Москвы и Центральный архив аудиовизуальных документов Москвы были объединены в Центральный архив электронных и аудиовизуальных документов Москвы (ЦАЭиАДМ).

тронным документам, которые используются в деятельности органов власти и организаций. Учитывая, что такие документы возникают и хранятся в рамках автоматизированных информационных систем (АИС), значительное внимание будет уделено анализу баз данных, являющихся неотъемлемой частью АИС – их информационным обеспечением. База данных – особая форма организации электронной информации, имеющая двойственную документальную природу. С одной стороны, базы данных включают в свой состав комплексы взаимосвязанных документов (если они создаются как «документографические») или сведений, извлеченных из разных документов (если базы данных являются «фактографическими»). В этом отношении к ним применим также термин «электронные информационные ресурсы». С другой стороны, базы данных можно рассматривать как вполне самостоятельные и целостные электронные документы (по аналогии с такими «традиционными» документами, как метрические, учетные и регистрационные книги, регистры, реестры и т.п.). Поэтому, говоря о базах данных, мы имеем в виду их документационный характер, а рассматривая электронные документы в более широком контексте электронных документов – их включенность в АИС и базы данных.

В современной теории экспертизы ценности документов важнейшее значение отводится функциональному подходу, с помощью которого архивы очерчивают круг наиболее значимых, системообразующих элементов управления и составляют списки организаций (структурных подразделений) – источников комплектования. Функциональный подход применяется также при непосредственном изучении документов источника комплектования с целью установления сроков их хранения. Эта схема, хорошо себя зарекомендовавшая в работе с бумажными документами, становится недостаточной при оценке электронных документов.

Во-первых, возникает проблема с определением состава электронных документов, создаваемых в органах власти и организациях. Из задач и функций большинства структур совершенно не следует, что их выполнение должно документироваться в электронном виде, с образованием ценных электронных документов. Это значительно осложняет формирование списка источников комплектования специализированного государственного архива электронных документов. Другие государственные архивы, хранящие управленческую документацию, также испытывают затруднения, поскольку их источники комплектования не стремятся раскрывать свои электронные информационные ресурсы. Методически было бы правильно установить контроль уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области архивного дела за созданием и ведением государственных информационных систем в их архивной части. Однако в настоящее время таких полномочий у них нет. Поэтому у архивистов остается единственный выход: регулярный мониторинг нормативных актов с целью выявления вводимых в эксплуатацию информационных систем и проведение архивного обследования накапливаемых в них информационных ресурсов. Но такой подход отбрасывает архивную отрасль в прошлое, к эпохе «разборки архивов».

Во-вторых, эксперты могут испытывать трудности в определении фондовой принадлежности электронных информационных ресурсов. Так, в рамках аутсорсинга органы власти и организации могут делегировать выполне-

ние части своих функций (по мониторингу, сбору и обработке данных, аналитике) подведомственным или сторонним организациям: ГУПам, ОАО, ЗАО и т.п. В этом случае именно последние занимаются наполнением баз данных, отвечают за достоверность и целостность документированной информации. Вышестоящим организациям предоставляется удаленный доступ к базам данных, аналитическим модулям информационных систем; им направляют аналитические сводки, обзоры и другие материалы в бумажном или электронном виде. Вопрос о происхождении сведений баз данных осложняется еще и тем обстоятельством, что формально имущественные права на информационные системы (а значит, и на информационные ресурсы) принадлежат организации-заказчику. Насколько допустимо в таком случае включать в архивный фонд органа власти документы, формально ему принадлежащие, но созданные в другой организации? От ответа на этот вопрос зависят выбор источника комплектования государственного архива, схемы систематизации документов в архиве и организация справочно-поисковых систем, предназначенных для обеспечения потребителей ретроспективной информации.

Налицо методологический казус, противоречие между правами собственности на документы и их происхождением, преодолеть которое можно с помощью все того же функционального подхода. Он предполагает обязательное документирование организацией своих функций, тогда как вопрос о путях поступления документов в фонд организации (собственные они или приобретенные) представляется вторичным. В этой связи указанные выше базы данных следует учитывать в фонде организации – собственника информационных систем.

В-третьих, определенные сложности вызывает установление видовой принадлежности баз данных. Даже при наличии официального названия у последних непросто подобрать адекватную статью в соответствующем перечне документов: название может быть довольно абстрактным, «глухим» или утратившим актуальность, не отражать всего разнообразия сведений, представленных в базе данных. Например, электронные реестры – это не просто учетные базы данных: в большинстве случаев в них включается вся информация о процедуре регистрации и ведении реестра, а также о состоянии объектов регистрации. В этом отношении они сродни наблюдательным делам. Наконец, название базы данных может раскрывать совершенно оригинальный состав сведений, не предусмотренных ни одним перечнем документов.

Поэтому при определении номинала (а значит, и функционального назначения) электронных документов, включенных в АИС, целесообразно знать историю ее создания, модернизации и использования. Прежде всего надо внимательно изучить техническую документацию (технические задания, проекты, руководства пользователям и т.п.) для выявления целей и задач создания базы данных, ее состава, входящей и выходящей документации. Затем – текущую структуру и источники сведений базы данных, поскольку модернизация и изменения информационных систем документируются редко и неполно. Очень многое о функциональном назначении базы данных могут сказать характер ее использования, состав, глубина и широта запросов и отчетов по ней, востребованность и оперативность выходящей документации. Нередко номинально учетные информационные системы об-

ладают настолько развитым и мощным аналитическим инструментарием, что превращаются в важнейший источник принятия управленческих решений. В таких случаях при определении ценности информационного ресурса руководствоваться следует именно функциональным подходом. Даже если учетные (или иные) данные на первый взгляд относятся к документам временного хранения, факт масштабного использования в деятельности организации аналитических функций базы данных выводит ее в разряд ценных информационных ресурсов, подлежащих постоянному хранению.

В-четвертых. Рассмотрение вопросов дифференциации электронных документов по степени ценности облегчает переход к критерию повторяемости информации. Нужно признать, что этот критерий является основным, если не главным, при формировании архивных фондов, особенно на начальном этапе экспертизы ценности документов в делопроизводстве организации. Именно он лежит в основе перечней типовых документов, а значит и номенклатур дел организаций, определяющих сроки хранения документов. Это тот самый инструмент, который в сочетании с функциональным подходом позволяет оптимизировать состав Архивного фонда Российской Федерации, отсекая от него значительную часть копийных или поглощенных документов.

Методологическими основами применения критерия повторяемости информации по праву считаются научные подходы, выработанные источниковедением и теорией информации. Источниковедческий подход применяется главным образом на поздних этапах экспертизы ценности для сопоставления документов, уже включенных в состав документальных или архивных фондов. Информационный подход берется на вооружение архивистами чаще всего при определении ценности целых комплексов документов, причем в границах довольно широких документальных систем – внутриотраслевых, межотраслевых, общегосударственных. При этом повторяемость информации рассматривается как частный случай общего свойства повторяемости явлений социальной жизни. Задача архивистов заключается в том, чтобы отобрать на хранение минимум вариантов документированной информации из общего разнообразия дублирующихся, поглощающихся и прочих сведений.

Справиться с этой задачей помогает метод моделирования информационных потоков, при котором воспроизводится процесс восхождения информации в большой документальной системе, охватывающей всю иерархию соподчиненных организаций или отрасли. При этом движение информации рассматривается не столько как перемещение документов от их авторов к адресатам, сколько как «перетекание» информации из одних документов в другие, информационно более плотные. Именно такие, «информационно плотные» документы и фонды В.Н. Автократов считал наиболее ценными. С его точки зрения, общее положение теории информации состоит в том, что «всякое повышение разнообразия вызывает рост количества информации, влекущий соответствующее увеличение ее абстрактно понимаемой ценности», из чего следовал вывод, что «чем больше разнообразия содержит данное явление (а в качестве такого выступают и фонды, и отдельные документы), тем больше в нем информации и тем ценнее оно (тем ценнее данный фонд, документ)»⁵. Исходя из этого положения, наиболее ценными оказываются документы вышестоящих учреждений, увеличение числа функций и интенсивность деятельности которых обуславливают возрастающее разнообразие документируемой информации. В сфере управления ин-

формация нижестоящих организаций, поступаая в восходящих документопотоках в вышестоящие учреждения, перерабатывается, обобщается и поглощается, что чаще всего сопряжено со сменой видов документов, приобретающих по большей части сводный или аналитический характер. В нисходящем же документопотоке возникает многократное дублирование информации, что трактуется как ее обесценивание. Поэтому в качестве ведущих источников комплектования государственных архивов В.Н. Автократов рассматривал учреждения вышестоящих уровней управления⁶.

Таким образом, сочетание функционального и информационного подходов позволило отечественному архивоведению выделить критерии, с помощью которых стало возможным снижение уровня повторяемости информации в архивных фондах. В то же время сами эти критерии нельзя признать оптимальными, поскольку не оптимально само рассмотрение документопотоков с позиций лишь *отдельных* положений теории информации, без обращения к другим, не менее важным ее аспектам.

Изначальный тезис В.Н. Автократова о прямой зависимости «количества информации» от уровня ее «разнообразия» представляется не вполне корректным. Следует отметить, что ученый, ссылаясь на положения теории информации, в действительности использует концепции, выработанные теорией отражения. Именно последняя оперирует такими философскими категориями, как «однородность», «различие», «взаимодействие», «снятая неразличимость», «разнообразие», «рост информации». Именно в концепциях этой теории получение большего количества информации напрямую связано с увеличением ее разнообразия. Вероятностно-статистические и алгоритмические концепции информации, которые собственно и составляют современную теорию информации, оперируют другими понятиями: «выбор», «неопределенность», «энтропия» (мера неопределенности), «количество информации» (мера снятой неопределенности), «достоверность», «предсказуемость»⁷.

Не во всех концепциях теории информации прослеживается *прямая* зависимость между количеством информации и разнообразием объектов или явлений, т.е. числом значений рассматриваемых признаков. Это характерно, главным образом, для математико-синтаксических концепций, направленных на поиск оптимальных способов передачи и хранения информации (так называемая теория коммуникации или связи), а также для семантических концепций, в центре которых проблема накопления знаний. В то же время в кибернетических концепциях теории информации, ставящих своей целью достижение оптимальных путей решения управленческих задач за счет обработки (преобразования) и использования информации (так называемая теория управления), подходы не столь однозначны. Считается, что повышение синтаксического или семантического разнообразия информации о системе может привести как к большему, так и к меньшему количеству получаемой прагматической (управленческой) информации. Все зависит от характера внесенного разнообразия: позволяет ли оно снять изначальную неопределенность в знании о состоянии системы или нет. В последнем случае количество прагматической информации будет равно нулю, несмотря на весь объем полученной синтаксической и семантической информации⁸.

В теории управления одним из действенных способов повышения управляемости системой признается сброс «управляющим субъектом» из-

лишнего разнообразия информации о ней, что достигается посредством качественного преобразования информации⁹. В результате этого управленческая задача сводится к рассмотрению ограниченного числа обобщенных вариантов решения и к выбору между ними. Упрощая до некоторой степени картину мира, «управляющий субъект» тем самым получает более ясное представление о состоянии и свойствах системы, и это новое (дополнительное) знание свидетельствует о получении им дополнительного количества информации. Именно необходимость снижения разнообразия документированной информации лежит в основе таких форм ее повторяемости, как суммирование, обобщение и поглощение. Аналитические и сводные документы позволяют с качественно иных позиций оценить состояние и направление деятельности организации или отрасли, что собственно и становится базисом для принятия дальнейших управленческих решений. Поэтому В.Н. Автократов прав, когда пишет, что в результате возрастания разнообразия информации происходит ее свертывание, уплотнение: «информация как бы "переливается" из документов одних видов в документы других видов»¹⁰. Но связывать этот процесс, так же как увеличение количества информации, с повышением ее ценности сегодня вряд ли правомерно. (Подобные взгляды преобладали в 1940–1950-е гг., в самом начале развития теории информации. Выделение кибернетики в самостоятельную научную дисциплину способствовало появлению иных подходов.)

В 1970–1980-е гг. появилось несколько представляющих интерес для данной статьи прагматических концепций¹¹. В них достоверность и ценность информации для процессов управления ставились в прямую зависимость от количества и разнообразия *источников* информации¹². Доказывалось, что множественность последних повышает вероятность получения системой достоверной информации, а наименее ценной признавалась информация, исходящая из единственного источника. (Впрочем, данная концепция вполне согласуется с положениями теории отражения. Однако, как видим, это явление связывается уже не с количеством *информации*, а с разнообразием и количеством *источников информации*, что не одно и то же.) При этом анализу подвергалась ценность не только информации, получаемой от разных источников, но и самих источников. Последнее, как оказалось, в немалой степени зависит от того, исходит ли информация от непосредственного или производного источника, от количества этапов и характера преобразований первичной информации.

В этом отношении прагматические концепции в теории информации сомкнулись с более ранними концепциями, оперировавшими информацией лишь на уровне знаков и символов. К.Шеннон, Н.П. Рашевский, Р.Карнап, К.Черри, А.Н. Колмогоров – практически все видные теоретики предупреждали о неизбежных потерях информации, связанных с ее преобразованием, прохождением через множество каналов. Возникновение вольных или невольных ошибок, неверных интерпретаций является вероятным (если не неизбежным) спутником любой обработки информации. Поэтому ценность документированной информации, полученной аналитико-синтетическим путем (которая в значительной степени откладывается в фондах организаций высокого уровня управления), имеет двоякую природу. С одной стороны, обобщение и поглощение первичной информации повышает ее усвояемость, снижает «информационный шум». С другой, необратимое преобразование

информации ведет к снижению ее достоверности и ограничению возможности повторного использования для иных целей.

Таким образом, применение информационно-прагматического подхода позволяет сделать следующие выводы в отношении такого феномена, как ценность повторяемой документированной информации: 1) для целей управления одинаково ценными являются как первичные документы (информация которых обобщается и поглощается), так и производные документы (результаты аналитико-синтетической обработки информации); 2) достоверность и ценность документированной информации повышается с ростом числа ее источников; 3) достоверность первичных документов априори выше достоверности документов, полученных в результате аналитико-синтетической обработки информации; 4) ценность первичных документов выше ценности производных документов, так как первые могут быть использованы повторно для получения иных производных документов. Таким образом, одновременное сохранение как первичных, так и производных документов значительно повышает их обоюдную ценность, поскольку повышает возможности взаимной проверки (подтверждения) их достоверности.

И если необходимость постоянного хранения бумажных первичных документов по-прежнему вызывает сомнения, связанные с «проблемой архивной полки» и серьезными затратами на повторную и неоднократную аналитическую обработку их сведений, то структурированная и машиночитаемая форма представления информации в базах данных делает их эффективным и долговременным инструментом проведения как управленческих решений, так и научных, социологических, исторических и иных исследований. Получается, что критерий поглощения информации в применении к базам данных может менять свой знак. Сводные базы данных, включающие первичные сведения, поступающие из множества организаций, как правило, не являющихся источниками комплектования государственных архивов, – это именно те электронные информационные ресурсы, которые в первую очередь подлежат постоянному хранению.

В западной архивистике ценность баз данных давно уже не оспаривается. Еще в 1984 г. «Записка Г.Ноглера»¹³ сконцентрировала разрозненные критерии ценности машиночитаемых документов, особо подчеркнув ценность первичных сведений в составе баз данных. С тех пор в этом отношении мало что изменилось¹⁴. Именно базы данных составляют ядро самых крупных национальных центров хранения электронной документации – CfER NARA (Center of Electronic Records, National Archives and Records Administration, США), NDAD UK (National Digital Archive of Datasets, Великобритания), Национальный архив Австралии. В те же годы, когда составлялась «Записка Г.Ноглера», в нашей стране ЦГАНХ СССР подготовил Положение о порядке отбора, приема на архивное хранение и выдачи потребителям документов, созданных средствами вычислительной техники (1983 г.), в котором при отборе машиночитаемых документов на постоянное хранение особое предпочтение также отдавалось первичной информации¹⁵. Однако в дальнейшем, в отличие от западных стран, эта идея не была распространена на управленческую документацию в электронном виде.

В-пятых. Не менее спорным, чем повторяемость информации, является критерий подлинности электронных документов, вернее, оценка свидетельства их подлинности. По сути, это главное препятствие, которое не по-

звояет электронным документам оказаться в составе архивных фондов. В архивной среде сложилось стойкое убеждение, что в силу неопределенности методик подтверждения подлинности электронных документов они никак не могут быть отнесены к ценным документам. Думается, что это заблуждение, основанное на отождествлении понятий «подлинность» и «юридическая сила документа». Между тем это совершенно разные, хотя и связанные друг с другом понятия. «Подлинный документ» здесь играет роль родового понятия, а «документ, обладающий юридической силой», – видового. То есть всякий документ, обладающий юридической силой, является подлинным, однако не всякий подлинный документ может признаваться юридически значимым. Юридическую силу документу придает сфера компетенции его автора (должностного лица, организации) и порядок оформления, определенные в законодательстве или иных нормативных правовых актах¹⁶. Невыполнение этих двух условий делает документ необязательным к исполнению, но тем не менее не исключает его подлинности (свидетельств происхождения) и содержания достоверности, а значит не умаляет ценности.

Конечно же, подавляющая часть существующих в настоящее время электронных документов не обладает юридической силой, причем по чисто формальной причине – не существует нормативных правовых актов, определяющих порядок их оформления при создании, хранении или передаче (исключение составляют банковские, налоговые и таможенные документы). Однако это нисколько не мешает использованию в управленческой практике разнообразных баз данных, пусть и в справочно-информационных целях. Сам факт использования и хранения придает этим ресурсам статус служебных документов, если опираться на современную терминологию¹⁷.

Отечественная законодательная база такова, что юридическую силу могут иметь только те документы, которые заверены с использованием средств электронной цифровой подписи (ЭЦП). В настоящее время таких документов немного и относятся они, главным образом, к финансовой сфере и договорным отношениям. Но тенденция к расширению их видового состава за счет организационно-распорядительной документации заметна. Например, любое электронное сообщение, заверенное ЭЦП и переданное по телекоммуникационным сетям, сейчас признается электронным документом, равнозначным документу с собственноручной подписью¹⁸. Однако электронные документы с ЭЦП могут обладать лишь кратковременной юридической силой¹⁹, а крайняя технологическая зависимость ставит крест на возможности их долговременного архивного хранения. Следует признать, что развитие информационных технологий пока еще не достигло такого уровня, чтобы документы с электронными аналогами собственноручной подписи хранились столь же длительный срок, что и официальные документы с бумажной основой.

Сегодня гораздо более предпочтительными выглядят электронные документы, чьи контрольные характеристики и отдельные реквизиты заверены традиционным способом, т.е. зафиксированы в бумажном документе установленного образца. Если даже эти электронные документы и не будут иметь юридической силы, то, по крайней мере, на гораздо более длительный срок сохранятся возможности их воспроизведения и проверки подлинности. Этот вывод подтверждается практикой отбора традиционных доку-

ментов, когда критерий юридической силы является определяющим лишь применительно к документам с изначально установленными временными сроками хранения. Применение же этого критерия к документам постоянного хранения допустимо только в комплексе с другими критериями, которые и могут оказаться определяющими²⁰.

Своеобразие в применении к электронным документам сложившихся критериев экспертизы ценности не исчерпывается приведенными выше примерами. При их оценке критерии времени создания и внешних особенностей документа также обнаруживают специфику. Это свидетельствует в пользу того, что принятые в отечественной архивной практике подходы к экспертизе ценности нуждаются в корректировке и развитии. Они должны стать более гибкими. Вероятно, чтобы учесть все свойства электронных документов, потребуется разработка дополнительных критериев ценности, учитывающих их технические характеристики и возможности доступа и обработки. В противном случае нам грозит невосполнимая потеря целого пласта современной документации, той ее части, которая в отдаленном и весьма технологичном будущем могла бы стать ценнейшим источником ретроспективной информации для исторической науки, государства и общества.

¹ Об этом свидетельствуют материалы ежегодных конференций, проводимых ВНИИДАД («Документация в информационном обществе») и Гильдией управляющих документацией («Эффективный документооборот в органах государственной власти и местного самоуправления»).

² См.: Исследование практики работы с электронными документами в делопроизводстве федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: Аналит. обзор ВНИИДАД. М., 2003. С. 55.

³ Более подробно об этом см.: *Тихонов В.И.* Методологические и практические аспекты экспертизы ценности электронных документов // Вестник архивиста. 2007. № 3, 4.

⁴ См.: Ст. 3 Федерального закона «Об электронной цифровой подписи» от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ.

⁵ *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 150, 154.

⁶ Там же. С. 150–151.

⁷ Более подробно о философских концепциях информации см., напр.: *Хургин В.М.* Общая характеристика понятия «информация» // Документация в информационном обществе: парадигмы XXI века. Докл. и сообщ. на десятой Ме-

ждунар. науч.-практ. конф. 25–26 ноября 2003 г. М., 2004. С. 63–74.

⁸ *Урсул А.Д.* Социальная роль информатики. М., 1987. С.5.

⁹ Об этом подробнее см.: *Чурсин Н.Н.* Популярная информатика. Киев, 1982.

¹⁰ *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 150.

¹¹ Здесь стоит отметить работы А.Н. Колмогорова, А.И. Полетаева, А.Д. Урсула, Ф.Н. Цырдя, К.Черри.

¹² О работах М.М. Бонгарда, Б.А. Гришанина и других в этих направлениях см.: *Урсул А.Д.* Проблемы информации в современной науке. Философские очерки. М., 1975. С. 19.

¹³ Имеется в виду отчет исследовательской группы Г.Ноглера, работавшей в начале 1980-х гг. над проблемами сохранения машиночитаемых документов под эгидой ЮНЕСКО. См.: *Ноглер Г.* Архивная оценка машиночитаемых документов и руководящие указания. Париж, 1984 // Информационные технологии и автоматизация в архивном деле (Аналитический обзор по зарубежным материалам). М., 1993. С. 44–50.

¹⁴ См., напр., материалы международного проекта InterPARES («Обеспечение сохранности аутентичных документов в электронных системах»): InterPARES Project. Appraisal Task Force Final Report. October 31, 2001: <http://www.interpares.org>

¹⁵ Подробнее см.: *Танонин В.А., Циплин В.В.* О задачах, методах и концепции описания машиночитаемых документов, подлежащих передаче в государственные архивы // Советские архивы. 1986. № 1. С. 10.

¹⁶ См.: ГОСТ Р 51141–98. Делопродводство и архивное дело. Термины и определения. М., 1998.

¹⁷ Документ – зафиксированная на материальном носителе идентифицируемая информация, созданная, полученная и сохраняемая организацией или физическим лицом в качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или

деловой деятельности. См.: ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. СИБИД. Управление документами. Общие требования. М., 2007.

¹⁸ См.: Ст. 11, п. 3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 г.

¹⁹ Подробнее см.: *Тихонов В.И.* Методологические и практические аспекты экспертизы ценности электронных документов. № 4. С. 166–167.

²⁰ Экспертиза ценности управленческих документов и комплектование ими государственных архивов. (Теория и методика). М., 2006. С. 96.

Г.Н. Ланской

Фонды Архива РАН как источники по истории советской исторической науки

Развитие историографии (истории исторической науки) как самостоятельной области научного знания сдерживалось сохранявшимся в течение длительного времени отношением к ней как к сфере интерпретации описаний минувших событий, основанной на подвижных оценочных критериях и зависящей от воздействия социальных и в особенности идеологических факторов¹. Между тем в русле позитивистского подхода к истории, установившегося в XX в., историография получила шанс войти в состав уже сформировавшегося корпуса исторических дисциплин. Тогда в теоретическом источниковедении сложилось представление о том, что применительно к профессиональным историческим трудам можно с некоторой степенью условности (прежде всего, со скидкой на интерпретационную направленность историографических исследований) использовать те же критерии информационной оценки, что и для других исторических источников. Эта точка зрения, ставшая методологической основой современного источниковедения историографии, утвердилась в научной литературе², в результате чего постепенно сформировались базовые характеристики историографии как науки – ее объекта, предмета, факторов и целей развития³.

Хотя этот процесс еще не завершен⁴, очевидна возможность перехода на качественно новый этап в изучении историографии как «интеллектуальной истории». Смысл и содержание этого процесса заключается, на наш взгляд, в формировании эмпирического фундамента для историографии как области научного знания о нарративных памятниках прошлого. В этой связи важно очертить всю совокупность информационных ресурсов, которую це-

лесообразно привлекать для оценки сформировавшихся исследовательских подходов к восприятию различных событий прошлого.

Анализ информационной базы особенно актуален для историографии советской эпохи, когда утвердился большевистский подход к восприятию истории. Достаточно распространенным стало суждение о том, что историография как область научной интерпретации уже сложившихся представлений о прошлом может опираться в своем развитии главным образом на опубликованные научные работы (монографии, статьи, диссертационные исследования, доклады и др.) по различным профессиональным проблемам и директивные документы руководящих структур и государственных деятелей⁵. Лишь к концу 1990-х гг. появились отдельные работы, в которых одновременно в научном и социально-политическом аспектах анализировались значимые явления советской исторической науки, носившие отчасти продуктивный и в существенной мере трагический характер⁶.

Думается, что важным и эффективным ресурсом для перехода к новому качеству исследований по истории советской исторической науки может стать обращение к архивным материалам, которые по разным причинам еще не введены в научный оборот. Целесообразность их изучения продиктована не столько стремлением разнообразить массив традиционно исследуемых информационных источников, сколько своеобразием социокультурной среды, в которой развивалось творчество советских историков.

Путь создававшихся исследований к изданию лежал через исходившие от идеологического аппарата государственной власти цензурные препятствия. Они, как хорошо известно, оказывали воздействие прежде всего на содержание и концептуальную платформу подготовленных учеными монографий и статей. Хотя цензурные ограничения профессионального историографического творчества существовали в России всегда, их влияние на результаты исследовательской деятельности не было одинаковым. До революционных событий 1917 г. большинство ученых обычно имели относительно независимое от государства материальное положение и их достаток формировался, как правило, из иных источников (например, от педагогической деятельности), а не только от издания их трудов. В постсоветской России с интеграцией публикаторской деятельности в рамки рыночной системы хозяйства содержание научных исследований в плане выдвигаемых историографических концепций стало менее значимым фактором последующего издания рукописи по сравнению с социальной востребованностью тематики и формой стилистического изложения материала.

Таким образом, в советскую эпоху, когда историческое знание неизбежно становилось компонентом политической идеологии, монография или статья подвергались экспертизе и корректировке содержания. Чтобы упростить путь к читателю и сделать его более плодотворным для себя, многие ученые нередко под влиянием личных, вполне искренних политических убеждений шли на самоцензуру, отказываясь от освещения заведомо дискуссионных проблем и приводя свои теоретико-методологические представления в соответствии с каноническими для официальной идеологии текстами.

Советская историческая наука помимо кадровой основы имела собственную институциональную сферу развития. Речь в данном случае идет не только о системе учебных заведений, где в дополнение к существовавшим еще в дореволюционный период административным подразделениям воз-

ники структуры политико-идеологического контроля (партийные комитеты), но и об учреждениях, которые действовали в системе государства и от его лица управляли развитием исторических исследований в стране. В них создавались директивные документы по координации исторических исследований, проводились дискуссии по наиболее значимым и требовавшим однозначного и единодушного решения проблемам, формировалась стратегия дальнейших научных изысканий. Следует признать, что институциональный контроль практики исторических исследований существовал и в иные времена. Так, последние два десятилетия накануне событий 1917 г. государство ориентировало свою координирующую деятельность на предотвращение распространения чрезмерно политизированных, экстремистских по содержанию концепций и достаточно толерантно воспринимало умеренно-оппозиционные по отношению к своей идеологической позиции точки зрения на исторические события. В любом случае представляется очевидным тот факт, что именно в советскую эпоху контроль государства за развитием исторических исследований практически по всем периодам отечественной и всеобщей истории был наиболее предметным, углубленным и институционально организованным.

Отмеченные особенности развития советской исторической науки, касающиеся организации личной профессиональной деятельности ученых и функционирования контролировавших ее институциональных структур, можно проследить в документах Архива Российской академии наук. Эти документы раскрывают и другие важные стороны интеллектуальной жизни историков. Характеризуя ее сущность применительно к личному творчеству советских ученых и деятельности институциональных структур развития исторической науки, важно отметить идеологическую детерминированность складывавшегося диалога между представителями профессионального сообщества. На страницах архивных документов заметно и постоянное стремление государства разделить слой исследователей на представителей административной элиты, периодически обновлявшуюся группу «нуждавшихся в духовном перевоспитании» специалистов и коллегиальное большинство, выступавшее в качестве своеобразной воспитательной машины.

При этом приоритетной задачей историографического исследования является не изучение морально-этического аспекта интеллектуальной жизни советских историков, который прослеживается в материалах дискуссий по различным проблемам, а определение факторов, обусловивших проявление тех или иных личностных особенностей конкретных ученых.

Наиболее перспективным представляется параллельное обращение к архивным фондам, сосредоточившим документы учреждений Академии наук СССР и личного происхождения. Такой подход к определению источниковой базы историографических исследований может способствовать формированию целостного представления о профессиональной жизни советских историков, нередко сочетавшей в себе частную и публичную стороны.

Среди архивных фондов научных учреждений наибольший интерес для изучения особенностей организации историографического творчества в СССР представляют фонды Института истории Коммунистической академии ЦИК СССР⁷, Института истории⁸ и Отделения истории⁹ АН СССР. Сосредоточенные в них документы свидетельствуют не только о содержании предпринимавшихся исследований, но и о технологии планирования

их направленности и результатов. Наиболее информативны в этом плане материалы обсуждений (протоколы и стенограммы) научных докладов и публикаций.

Исследование фондов советских научных учреждений убеждает, что осуществлявшаяся их сотрудниками историографическая деятельность велась по двум приоритетным тематическим направлениям: демонстрация научно-практического потенциала теоретических положений работ К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И. Ленина (а применительно к периоду 1930-х – начала 1950-х гг. – И.В. Сталина) для изучения конкретных исторических явлений, а также обоснование закономерности и прогрессивности социалистической революции в России. Все остальные объекты профессионального изучения имели зачастую вторичный характер, что, несомненно, определяло свойственный советской исторической науке творческий климат.

Обращение к личным фондам ученых позволяет прежде всего выявить избиравшиеся ими способы профессиональной самореализации. Как правило, к их числу относились исследования по разнообразной, актуальной для своего времени тематике, педагогическая и организационная работа. Кроме того, сосредоточенные в личных фондах автографы статей и монографий, рецензии и комментарии к текстам других авторов, тексты публичных выступлений зачастую создают целостное представление о содержании и развитии взглядов конкретных ученых на проблемы, представлявшие для них интерес. Среди всего многообразия собранных в Архиве РАН документных комплексов советских ученых весьма насыщенными в информационном отношении являются фонды М.Н. Покровского¹⁰, М.В. Нечкиной¹¹ и других исследователей, оказавших существенное влияние на историографическое творчество многих отечественных авторов XX в.

Изучение фондов личного происхождения Архива РАН дает представление об их типовом составе и методике формирования. Отбор документов на хранение осуществлялся по признаку информационной, концептуальной значимости, а пофондовая организация – по типам и видам создававшихся историографических источников. Можно предположить, что в этом случае решающую роль в приеме документов на хранение играла их профессиональная экспертная оценка, где естественным образом сочетались историко-научный и идеологический аспекты¹². Для выявления и, по возможности, реконструирования соотношения последних необходимо масштабное обращение к личным фондам советских ученых, исследовавших различные исторические явления с позиций архивоведения. Это дает возможность воссоздать историю формирования личного фонда ученого, а сравнение опубликованной и неопубликованной частей историографического наследия – выявить методику их комплектования, сделать вывод о степени репрезентативности созданных к ним архивных справочников.

Такая работа, как часть историографических исследований биографического характера, представляется важной для дальнейшего обогащения эмпирической базы советской историографии. Ее результаты помогут развитию методики комплектования, организации хранения и описания историографических источников в архивах различного профиля и ранга. Перспективным представляется последующее выявление документов о профессиональной деятельности ученых не только в Архиве РАН, но и в федеральных и региональных государственных архивах, а также в музеях и библиотеках¹³.

Эти направления архивоведческих исследований наиболее приоритетны в сравнении с получившей в постсоветский период широкую популярность публикацией документов, отражающих организацию работы сотрудников советских исследовательских учреждений и коллективные обсуждения результатов их работы по анализу различных аспектов отечественной и зарубежной истории¹⁴. Данные источники действительно способны привлечь внимание археографов и широкого круга читателей, но, несмотря на очевидные информационные достоинства, требуют глубокого, а не публицистически поверхностного восприятия мировоззрения авторов, в течение длительного времени олицетворявших своей деятельностью отечественную историографию. В условиях начавшегося перехода к формированию основанного на духовной толерантности демократического общественного сознания, а в научно-профессиональной среде – к использованию культурно-феноменологического подхода необходимо правильное понимание работ и выступлений многих авторитетных и немало сделавших для изучения отечественной истории авторов. В них, как известно, прославлялись советская политическая система, деятельность И.В. Сталина и других руководителей страны; поддерживалось преследование членов явной и мнимой оппозиции господствовавшему режиму.

Подготовка общества к объективной оценке отечественного историографического наследия, заключенного в неопубликованных или малоизвестных архивных документах по истории советской исторической науки, является первостепенной задачей для профессионального сообщества исследователей.

¹ См., напр.: *Черепнин Л.В.* Утверждение марксистско-ленинских теоретических и методологических основ в советской исторической науке. Крах буржуазной историографии // *Очерки истории исторической науки в СССР*: В 5 т. М., 1966. Т. 4. С. 138–179; *Иванов В.В.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема (Очерки по марксистско-ленинской методологии исторического исследования). М., 1973.

² См.: *Шмидт С.О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии // *Проблемы истории общественной мысли* (к 75-летию академика М.В. Нечкиной). М., 1976. С. 264–274; *Он же.* Историографические источники и литературные памятники // *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 92–98.

³ *Зевелев А.И.* Историографическое исследование. М., 1987; О значении историографии как научной дисциплины. Выступление М.В. Нечкиной на научном совете по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР в 1984 г. // *Архив РАН*. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 164.

⁴ Например, еще окончательно не утвердилось представление о том, что считать историографическим источником: любое повествование о прошлом, востребованные в обществе описания прошлого или уже сложившиеся, самостоятельные историографические концепции.

⁵ *Сахаров А.М.* Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // *Вопросы истории*. 1962. № 8; *Он же.* О предмете историографических исследований // *История СССР*. 1974. № 3. С. 90–112.

⁶ См., напр.: *Артизов А.Н.* Школа М.Н. Покровского и ее влияние на развитие советской исторической науки: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

⁷ *Архив РАН*. Ф. 359. См. также: *Киселев М.Ю.* Электронный научно-справочный аппарат к документам Архива Российской академии наук: этапы создания // *Отечественные архивы*. 2008. № 4. С. 42–45.

⁸ *Архив РАН*. Ф. 457.

⁹ Там же. Ф. 1577.

¹⁰ Там же. Ф. 1759.

¹¹ Там же. Ф. 1820.

¹² См.: Отдел науки ЦК КПСС. 1953–1956: *Справочник*. Аннотирован-

ные описи. М., 2006; *Курапова Е.Р.* Академик М.В. Нечкина и исторический факультет МГУ (Краткий обзор по материалам личного фонда в Архиве РАН) // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 463–472.

¹³ См., напр.: *Шепелева В.Б., Осадченко Б.А.* Информационные возможности личных фондов историков для изучения становления «нового направления» в отечественной историографии

// Отечественные архивы. 2005. № 5. С. 60–72.

¹⁴ См.: *Поликарпов В.В.* «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 349–400; Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966–1968 гг. // Отечественная история. 2007. № 5. С. 44–80.

В фондах российских и зарубежных архивов

П.Г. Петин

Императорские грамоты XIX в. в отделах рукописей национальных библиотек России

Грамоты известны на Руси с X в.¹, но в XVIII в., с введением Петром I новой номенклатуры документов по западноевропейскому образцу, этот термин вышел из широкого употребления и применялся главным образом для императорских жалованных и удостоверительных грамот на чины, звания, титулы, а также награды (ордена и медали). В XIX в. эти документы были довольно многочисленны, однако исследователи, активно используя их в биографических и исторических трудах, до сих пор не изучали императорские грамоты того времени как особый исторический источник. Исключение составляют лишь работы д-ра ист. наук И.В. Левочкина по русской палеографии и древнерусским рукописным книгам. Он отметил своеобразие «русского гражданского письма XIX в.», ставшего вершиной многовековой письменной культуры России² и наглядно проявившегося в оформлении императорских грамот.

Сегодня императорские грамоты XIX в. можно увидеть в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива Военно-морского флота; рукописных отделов Государственного исторического музея, Российской государственной и Российской национальной библиотек, Библиотеки Российской академии наук, а также многих региональных музеев и библиотек страны. В данной статье мы ограничимся анализом грамот, отложившихся в фондах отделов рукописей РГБ и РНБ.

Основу отделения рукописей и славянских старопечатных книг Московского публичного музея, открывшегося в 1862 г., составили коллекция

рукописных книг графа Н.П. Румянцева и документы его личного архива. По свидетельству летописцев ОР РГБ, сначала «направление собирательской деятельности отделения рукописей музея определялось характерным для середины XIX в. усиленным интересом ученых к памятникам древнерусской письменности», однако уже тогда отмечалось их обращение к истории России XIX в. – Отечественной войны 1812 г., русской общественной мысли, внешней и внутренней политики, жизни и деятельности крупнейших представителей политической и культурной элиты России. Постепенно расширился круг собиравшихся в нем источников, отделение становилось хранилищем не только древнерусских памятников, но и рукописных материалов XVIII–XIX вв.³

Сначала сюда поступали главным образом отдельные автографы (и даже их коллекции) выдающихся государственных деятелей, ученых и писателей XIX в., но в конце 1870-х гг. отделение стало активнее приобретать личные архивы знаменитостей. Тогда, например, приняли архив известного государственного деятеля России второй половины XIX в. – военного министра, генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина⁴. Основная часть документов по истории XIX в. вошла в Отдел рукописей в 1920-е гг. Это архив князей Голицыных с уникальными документами Отечественной войны 1812 г. и восстания декабристов, огромный семейный архив князей Шаховских. Из имения Ольгово Дмитровского уезда был получен родовой архив семьи Апраксиных XVIII–XIX вв.; из того же уезда – родовой архив Корсаковых. В 1918–1922 гг. поступили архивы Барятинских, Воронцовых-Дашковых, Вяземских, Орловых-Давыдовых, Шереметевых и Юсуповых, в 1929 г. – документы из архива графа А.А. Аракчеева⁵.

Сегодня императорские жалованные и удостоверительные грамоты имеются в личных фондах С.Ф. Апраксина, А.И. Барятинского, А.Х. Бенкендорфа, И.В. Васильчикова, П.М. Волконского, М.С. Воронцова, П.А. Вяземского, А.Н. и Н.С. Голицыных, А.А. и В.А. Долгоруковых, М.С. Корсакова, А.Б. Куракина, А.С. Меншикова, В.Н. Панина, Н.П. Румянцева, А.И. Чернышева, П.В. Чичагова, Д.В., П.А., А.П., И.М. и Д.А. Толстых, И.Л. Шаховского, в фамильных фондах Воронцовых-Дашковых, Епанчиных, Каховских, Храповицких, Черкасских, Щербатовых, Юсуповых и др. Это, например, патент князю В.М. Шаховскому на получение чина штабс-капитана 1827 г.⁶, указы о его награждении орденами Анны 2-й и 3-й степени 1834 г. и 1858 г.⁷, грамота на чин статского советника 1850 г.⁸; патенты князю А.В. Шаховскому на чины титулярного, надворного и коллежского советника 1852, 1858 и 1864 гг.⁹, указ о его награждении орденом Станислава 2-й степени 1860 г.¹⁰

В том же фонде князей Шаховских хранятся несколько грамот, выданных графу Г.К. Раймонд-Модену¹¹: о пожаловании орденов Владимира 3-й степени 1811 г., Анны 1-го класса и 1-й степени 1816 г. и 1818 г.¹², на получение в 1828 г. знака отличия беспорочной службы¹³.

Внешние признаки этих типовых документов наиболее полно и наглядно иллюстрирует диплом на утверждение Н.П. Румянцева государственным канцлером Российской империи¹⁴. Это лист пергамена размером 54 × 48,5 см. По его краю нанесена красно-голубая кайма с орнаментом, по четырем углам в квадратиках на синем фоне изображены античные статуи правосудия и мудрости, по центру слева и справа – обрамленные лавром

овальные щиты, на них – символы правосудия. Внизу по центру каймы помещен в полном цвете государственный двуглавый орел со скипетром и державой, внизу слева находится сургучная государственная печать. Наверху по центру каймы нарисовано облако, на нем – две античных богини, они держат обрамленный ветвями лавра и пальмы овалный щит, увенчанный императорской короной. На заднем плане лазоревого щита с вензелем императора Александра I расходящиеся лучи солнца. Поле грамоты белое, в его верхней части золотыми буквами написано: «Божією милостію Мы Александръ Первый Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій и прочая, и прочая, и прочая». Далее идет рукописный текст грамоты о назначении графа Н.П. Румянцева государственным канцлером Российской империи с собственноручной подписью Александра I и дата (8 мая 1810 г.).

Не менее богаты подобными грамотами и фонды ОР РНБ, образованного в 1805 г. по рескрипту Александра I об учреждении при Императорской публичной библиотеке Депо манускриптов. Сюда начали поступать материалы не только из государственных учреждений, но и частные коллекции рукописных книг, монастырские собрания, личные архивы государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, композиторов, художников, архитекторов¹⁵. В настоящее время в отделе состоит на учете более 450 тыс. ед. хр. рукописных документов начиная с X в. до н.э.¹⁶ Здесь, так же как и в ОР РГБ, императорские грамоты XIX в. сосредоточены в основном в личных фондах государственных деятелей: А.А. Аракчеева, П.А. Валуева, П.П. Гагарина, А.Н. Голицына, А.В. Головина, К.К. Грота, И.Д. Делянова, П.Н. Игнатьева, В.П. Кочубея, Д.И. Лобанова-Ростовского, Н.Н. Новосильцева, А.С. Норова, В.К. Плева, К.П. Победоносцева, А.А. Половцева, М.М. Сперанского¹⁷. Последний в этом отношении достаточно представлен, поскольку включает грамоты о пожаловании Сперанского в кавалеры орденов Св. Иоанна Иерусалимского 1800 г.¹⁸, Св. равноапостольного князя Владимира 3-й степени 1806 г. и 1-й – 1826 г.¹⁹ и др.

Наиболее типичной выглядит грамота о пожаловании тайного советника, государственного секретаря М.М. Сперанского в кавалеры ордена Св. Александра Невского 1 января 1812 г. Текст написан черными чернилами на бумаге с водяными знаками (на просвет надпись: Iву Mill 1804): два листа размером 31 × 20 см. Имеются подпись императора Александра I, а в нижней части документа слева – тисненая белая круглая печать ордена Св. Александра Невского в обрамлении четырехугольной звезды с вытянутыми углами²⁰.

Результаты анализа большого числа императорских жалованных и удостоверительных грамот из архивных фондов РГБ и РНБ позволяют сделать важные выводы об их происхождении и других особенностях как самостоятельного исторического источника.

Императорские дарственные и жалованные грамоты претерпели значительные изменения на протяжении всего XIX в. Они создавались, как и прежде, на бумаге или пергамене, редко – на шелке. Многие грамоты в первой четверти XIX в. писались на простой бумаге без украшений. Например, написанные или подписанные собственноручно Александром I во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг. грамоты, как правило, выполнены на самой простой бумаге, а иногда на небольшой части листа. Они вручались за проявленный героизм и самопожертвование непосредственно после сражений. Клочок бумаги

с подписью и рескриптом императора о пожаловании награды, которая порой даровала право личного и даже потомственного дворянства, становилась особым государственным документом, тщательно хранившимся в семейных дворянских архивах на протяжении столетий.

В эпоху Николая I текст императорской дарственной или жалованной грамоты уже наносился типографским способом с включением в него рукописных фрагментов, поля украшались различными орнаментами в несколько красок. Правда, было немало чисто рукописных, без каких-либо украшений документов. При Александре II оформление грамот не изменилось. С середины XIX в. они в подавляющем большинстве изготавливались типографским способом с сохранением чистого поля для внесения записи о награждении и пожаловании. Все грамоты подписывались непосредственно императором, иногда с добавлением каких-либо личных пожеланий и свидетельства особой монаршей милости. В последней трети XIX в. данные документы фактически приобрели законченный вид. Для них использовали специальную бумагу с защитными знаками, их украшали тем или иным орнаментом соответственно награде или пожалованию; при этом неизменно оставляли чистое поле для написания текста. Рукописный текст выполнялся каллиграфическим почерком и подписывался императором.

Именно по образцу императорской грамоты в советское время изготавливались почетные грамоты для вручения отличившимся лицам.

Что касается рукописного текста грамот, то в них русское гражданское письмо на протяжении всего XIX в. выглядело самостоятельным явлением письменной культуры и одним из его высочайших достижений. Только в конце века после изобретения в 1873 г. в США пишущей машинки и появления ее в России основное государственное делопроизводство в Российской империи было постепенно переведено на машинописные тексты. Однако и позднее изредка письмо еще сохранялось в государственном делопроизводстве, но уже не будучи стандартом (например, в XIX в. «письмо писарское»). Действительно, «письмо XX–XXI вв. существенно отличается от письма, которым русский народ пользовался в X–XIX вв., как по внешнему виду, так и по своим функциям, но, главное, по своим дополнительным признакам, выходящим за рамки письменности»²¹.

В настоящее время наблюдается постепенное исчезновение многовековой рукописной культуры. Однако государственные, ведомственные и общественные грамоты нашего времени (различные дипломы, наградные удостоверения и др.) все еще создаются с использованием традиционного, главным образом каллиграфического, письма. Это свидетельствует о неразрывной связи времен и научной значимости императорских и государственных грамот XIX в. как объекта культурного наследия.

¹ Подробную классификацию русских грамот X–XVII вв. см.: *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 11–13.

² *Левочкин И.В.* Основы русской палеографии. М., 2003. С. 82.

³ *Зимина В.Г.* Отдел рукописей за 100 лет. История Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина за

100 лет. 1862–1962. М., 1962. С. 247–248; и др.

⁴ *Шлихтер Б.А.* Архив Д.А. Милютина // Зап. Отд. рукописей ГБЛ. 1954. Вып. 16. С. 17–77; *Сафронова Г.Ф.* Фонды и деятельность Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Библиография 1836–1962 // Там же. 1962. Вып. 25. С. 59.

⁵ *Зими́на В.Г.* Указ. соч. С. 253; *Герасимова Ю.И.* Архив А.А. Аракчеева // Зап. Отд. рукописей ГБЛ. 1980. Вып. 41. С. 56–80.

⁶ ОР РГБ. Ф. 336. Архив Шаховских. Т. 1. Опись деловых бумаг. Папка 17. Личные дела князей Шаховских. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 2, 15.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 24–26, 28.

¹⁰ Там же. Л. 16.

¹¹ Вторым браком князь Валентин Михайлович Шаховской был женат на графине Софье Гавриловне Раймонд-Моден (Raymond Moden), дочери графа Гавриила Карловича Раймонд-Модена.

¹² ОР РГБ. Ф. 336. Архив Шаховских. Т. 1. Опись деловых бумаг. Папка 18. Дела графа Г.К. Раймонд-Модена. Л. 10, 18, 22.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же. Ф. 255. Архив Румянцевых. Картон 18. 10.

¹⁵ «Жемчужина в короне»: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. 1805–2005. СПб., 2005. С. 3.

¹⁶ *Любимова М.Ю.* Отдел рукописей Российской национальной библиотеки: Век нынешний и век грядущий // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 230.

¹⁷ «Жемчужина в короне»... С. 59. В настоящее время завершается работа над проектом «Личные фонды Отдела рукописей Российской национальной библиотеки: Путеводитель». В справочник войдет информация о более чем 1200 личных фондах государственных и общественных деятелей России. См. об этом: *Любимова М.Ю.* Указ. соч. С. 231.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 731. Архив М.М. Сперанского. Д. 4. Л. 1, 1 об.

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ Там же.

²¹ *Левочкин И.В.* Указ. соч. С. 6.

Р.Р. Садиков

Экспедиционные материалы финских ученых конца XIX – начала XX в. по этнографии закамских удмуртов в финляндских архивах*

В XIX – начале XX в. финские ученые совершили множество научных экспедиций практически ко всем местам расселения финно-угорских народов России и их локальных подгрупп, что было связано со становлением финно-угроведения как научного направления и пробуждением национального самосознания финского народа. Не остались в стороне Уфимская и Пермская губернии с закамскими удмуртами, которые были некрещеными и сохраняли традиционные верования. В архивах Финляндии имеется значительный корпус письменных и изобразительных источников по этнографии закамских удмуртов, проживающих ныне на территории Рес-

* Автор выражает искреннюю признательность старшему научному сотруднику Музея культур (г. Хельсинки) Илдико Лехтинен и магистранту Хельсинкского университета Кирси Мякеля, а также руководству и сотрудникам архивохранилищ за организацию исследовательской работы с документами.

публики Башкортостан и Пермского края. Это в основном рукописное наследие, а также фотографии и зарисовки финно-угроведов, проводивших полевые исследования среди названной группы удмуртского народа. До последнего времени документы практически не были известны российским исследователям и поэтому не включены в научный оборот¹.

В 1883 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) было создано Финно-Угорское общество (Suomalais-Ugrilainen Seura) в целях содействия «получения сведений о финно-угорских народах для изучения их языков, археологии, древней истории и этнологии»². Благодаря государственным субсидиям и частным пожертвованиям общество имело возможность финансировать экспедиции финно-угроведов в глубинную Россию, а собранные в ходе экспедиций полевые материалы откладывались в его научном архиве (Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto). Таким образом, в фондах последнего накопились уникальные материалы по финно-угорским народам России, находящиеся сегодня на депозитарном хранении в Национальном архиве Финляндии.

Летом 1894 г. на средства Финно-Угорского общества совершил экспедицию к закамским удмуртам финский лингвист Юрьё Вихманн (1868–1932). Около месяца он пробыл в д. Большой Качак Киебаковской волости Бирского уезда Уфимской губернии (ныне Калтасинский район Республики Башкортостан), изучая диалект и фольклор местных удмуртов³. Ученый собрал значительный фольклорный материал, опубликованный в транскрипции на латинице с переводом на немецкий язык (пословицы, загадки) во второй части «Образцов удмуртской речи»⁴, а также (те же тексты, дополненные описаниями обрядов) в латинской транскрипции в «Удмуртской хрестоматии со словарем»⁵. Диалектологический материал ученого включен в удмуртский словарь Ю.Вихманна⁶. Весь фольклорный материал (удмуртские пословицы, загадки, песни, описания обрядов, мужские и женские имена в латинской транскрипции) из этой деревни был записан в одну тетрадь⁷, судя по содержанию которой не все собранное Ю.Вихманном опубликовано.

Помимо сбора сведений по диалекту и фольклору удмуртов д. Большой Качак, попутно Ю.Вихманн изучал также их религиозные верования и обряды. Об этом говорит имеющая неограниченное значение при изучении религиозных традиций закамских удмуртов 43-страничная рукопись на финском языке (полевые этнографические заметки ученого) из того же архива, озаглавленная «Сведения об обычаях и религиозных обрядах бирских удмуртов (Уфимская губерния)»⁸. О ней упоминают отечественные (директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН А.Е. Загребин в книге о творчестве финских ученых, занимавшихся удмуртской этнографией⁹) и зарубежные (финский этнолог У.(Хольмберг-) Харва в монографии о религиозных верованиях пермских народов¹⁰) специалисты. Однако рукопись никогда не публиковалась¹¹ и не использовалась российскими финно-угроведами; в Финляндии она тоже практически неизвестна.

Записи велись в большой тетради в линейку: на правом листе разворота автор фиксировал основной текст, на левом – примечания. Видимо, по ходу записи он делал на левом листе тетради пометки о необходимости выяснения того или иного момента обряда. Позднее, найдя соответствующий ответ, вписывал его рядом с пометкой. Например, на л. 14 Ю.Вихманн, опи-

сывая моление Мер-вось (Моление миром), отмечал, что жителей деревни созывают на жертвоприношение всадники в белой одежде. На левом листе напротив этой строки пометил: «Слова?» Тут же он привел удмуртскую фразу «Вöse мынэлэ ини» («На жертвоприношение идите уже»), т.е. зафиксировал возгласы всадников, обращенные к жителям деревни. Вероятно, эта запись произведена позднее основного текста, когда был получен ответ на вопрос. Текст рукописи и пометки написаны черными чернилами, пояснения – карандашом.

Рукопись содержит описания жертвоприношений в святилищах куала и луд, молений Мер-вось, Эльын-вось (Моление страной), Покшур ошмес вось (Жертвоприношение у родника Покшур), Тыпывыр вось (Жертвоприношение на местности Тыпывыр), Зор куриськон (Моление о дожде), Мудор вось (Моление Мудор) и др. Приводятся краткие характеристики похоронных и поминальных обрядов, некоторых персонажей удмуртской мифологии, например Му-Кылчин (Бог земли), Зу-Кылчин (Бог хлебных злаков), Корка-кузё (Домовой), Тёлпери (Дух ветра), Вумурт (Водяной), Ньюлэсмурт (Леший), Сюреспери (Дух дороги).

Основную часть сведений Ю.Вихманн собрал с помощью информаторов, но иногда лично присутствовал на некоторых обрядах и вел наблюдения. Так, в одном из писем он отмечал, что «все здешние удмурты чистые, некрещеные язычники. Вскоре здесь будут 2 праздника жертвоприношений, на которые соберутся люди из 25 удмуртских деревень, следовательно, несколько сотен человек. Попробую со своим аппаратом сделать фотографии о ходе жертвоприношения, если позволят»¹². В другом послании он писал, что уже «принял участие на обоих праздниках жертвоприношения. С удовольствием разрешили присутствовать, ибо сочли, что меня направил сюда царь»¹³. Исследователю удалось побывать на молении Мер-вось, которое, начавшись 2 июля, продолжалось несколько дней («Только утром четвертого дня приглашенные гости уезжают домой»¹⁴). Он присутствовал 6 июля на молении по поводу замены ограда священной рощи луд, а 13 июля – на ежегодном молении в этой же роще. Таким образом, материалы Ю.Вихманна имеют большую ценность как свидетельства очевидца.

Кроме того, в архиве находится многостраничная рукопись с текстом двух сказок, записанных со слов жителей д. Старый Варяж Кызыльярвской волости Бирского уезда Уфимской губернии (ныне Янаульский район Республики Башкортостан) местным учителем Гавриилом Аптиевым, и, видимо, подаренная финскому исследователю. Сказки записаны на удмуртском языке с переводом на русский¹⁵.

Весьма почетное место в удмуртской этнографии принадлежит уже упомянутому финскому исследователю, этнологу и религиоведу Уно (Хольмбергу-) Харва (1882–1949). Изданная им в 1914 г. книга «Верования пермских народов»¹⁶ содержит энциклопедические сведения по традиционной этнической религии удмуртов. Материал для нее ученый собрал в ходе своей удмуртской экспедиции 1911 г., когда посетил деревни закамских удмуртов (Старая Кирга Пермской губернии, а также Можга, Конигово и Каймашабаш Уфимской губернии). Полевые записи ученого полностью сохранились в черновом и беловом вариантах в Архиве рукописей Финского литературного общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjallisuusarkisto)¹⁷ в Хельсинки. Состоящая из нескольких тетрадей 338-страничная беловая

рукопись повествует о религиозных верованиях и обрядах удмуртов и марийцев (материалы по марийцам добыты в ходе экспедиции 1913 г.). Записи сопровождалась небольшими зарисовками культовых объектов. Описание полевых наблюдений ученого среди «восточных» (по определению автора) удмуртов Пермской и Уфимской губерний посвящено 156 страниц.

Помимо рукописей и рисунков финский исследователь занимался фотографированием объектов религиозного культа удмуртов. В настоящее время снимки хранятся в Фотоархиве Финского литературного общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kuva-arkisto). Большинство из них опубликовано в книге ученого, но есть и неизданные. Среди них, например, фотография удмуртской девушки с серебряными украшениями из д. Можга Бирского уезда, которую У.Хольмберг отправил по почте родственникам с надписью: «Я переехал в другую деревню, потому что в предыдущей подумали, что я принес им холодную погоду. Я не знаю, как долго буду здесь. Потому не могу дать вам свой адрес. Здесь вотская девушка у ткацкого станка. У нее на груди много серебряных монеток. Сердечный привет домой. Уно» (25 мая 1911 г.)¹⁸.

Приведем некоторые сведения о полевой работе ученого среди закамских удмуртов, основываясь на его записях и корреспонденциях в редакцию газеты «Туркусские вести» (Turun Sanomat), адресованных широкой аудитории. За весь период экспедиции 1911 г. газета опубликовала девять «путевых писем» (matkakirjeitä) У.Хольмберга. Четыре из них посвящены непосредственно закамским удмуртам и содержат описание экспедиционной работы и некоторых этнографических реалий («Старая Кирга», «На жертвенной горе», «Свадебные обряды вотяков», «Почитание умерших у вотяков») ¹⁹.

В конце марта 1911 г. У.Хольмберг приехал в Казань, где при поддержке местных ученых разрабатывал маршрут и изучал имеющуюся литературу²⁰. В начале мая по Каме приплыл к пристани Николо-Березовка, откуда направился к удмуртам Осинского уезда Пермской губернии в деревню Старая Кирга²¹. В самом начале исследовательской работы в одном из писем на Родину он отмечал, что «деревня подлинно языческая. Здесь повсюду священные рощи... Я успел на первый весенний пароход как раз вовремя потому, что уже на следующий день здесь проводился обряд начала сева, и я его фотографировал. Скоро здесь будут проводиться и другие ритуалы. Жизнь здесь очень интересна»²². Ученый побывал на молении Буэ дюк вось (Моление у реки Буй) при участии жителей нескольких деревень; осматривал святилища и кладбища, беседовал со сведущими стариками. Он писал: «Я ходил в гости во многие дома вотяков, везде угощали меня чаем и белым хлебом. Старики сообщили мне хорошие сведения...»²³

Но вскоре ситуация резко изменилась, и финский ученый был вынужден покинуть удмуртскую деревню. Надо отметить, что еще в самом начале своего пребывания там У.Хольмберг встретился с определенными трудностями: «Когда я приехал в деревню, трудно было устроиться на ночлег. Никто не понимал, зачем я приехал. Трудно было объяснить, что я приехал изучать их обряды. Я сказал, что послал меня царь, т.к. он хочет знать, как живут вотяки»²⁴. Но тогда он все же вошел в доверие сельчан, хотя некоторые, по словам ученого, «цивилизованные» местные жители приняли его даже за японского шпиона. На этот раз ситуация оказалась критической: «В одну ночь выпал снег, что земля стала совершенно белой. Такого не было 10 лет,

и старики удивились. Мудрецы собрались обсудить, что надо делать и какую жертву надо принести. Я узнал, что, по мнению многих, причиной снегопада является “вотьяк” из Финляндии, который в один день ходил по всем святым роцам без жертвоприношений. Умершие рассердились и сильно отомстили. Они все были единодушны и решили прогнать гостя»²⁵. К У.Хольмбергу пришли два уважаемых старика и попросили уехать из деревни.

Подобные курьезы приключались с ним еще не раз. Так, например, в Мамадышском уезде Казанской губернии сельские полицейские усомнились в его благонадежности и задержали, в результате чего он провел одну ночь в полицейском околотке с. Старый Канисар²⁶. Таким образом, финский ученый, не найдя понимания у местных удмуртов, был вынужден прервать свои исследования и отправиться в другие места. Несмотря на это, он успел собрать значительный материал по верованиям жителей деревни, сделать интересные фотоснимки.

Экспедиционная работа в Уфимской губернии, видимо, проходила в спокойной обстановке. По крайней мере, У.Хольмберг не сообщал о каких-либо препятствиях для его исследований. Затем он продолжил свой путь к удмуртам Мамадышского уезда Казанской губернии.

Полевые записи ученого также совершенно не знакомы русскоязычным исследователям, хотя уникальны по содержанию: в них заключено описание полного календарного цикла жертвоприношений, родильных и похоронных обрядов, мифологических представлений. Лишь небольшая часть этих сведений вошла в книгу.

Хорошо известно финно-угроведам имя финского этнографа Акселя Олая Хейкеля (1851–1924), изучавшего традиционное жилище и одежду в ходе экспедиции 1884 г. по деревням российских финно-угорских народов. Сохранился его маршрутный лист по Уфимской губернии, где указаны такие населенные пункты: Чураево (черемисы), Бураево (татары), Большой Качак (вотьяки), Кильбахтино (черемисы), Киебак (черемисы), Тюльди (черемисы), Касево (русские), Березовка (пристань на Каме)²⁷. Это маршрут его следования от г. Бирска до пристани на р. Каме в с. Березовке, откуда он отправился дальше, к мордве Самарской губернии. Полевые записи и дневник Хейкеля хранятся в Архиве этнографических рукописей Музейно-го ведомства Финляндии (Museovirasto: Kansatieteen käsikirjoitusarkisto).

В архиве имеется также письмо инспектора Бирской инородческой учительской школы от 6 августа 1884 г. следующего содержания: «Имею честь покорнейше просить оказать свое содействие исследователю этнографии магистру философии г[осподину] Гейкелю, – не отказать в просимом для изучения здешних черемисских одежд и украшений. О том же просить и деревенских старост»²⁸. Обращение было адресовано учителям Зайнакаю Менликаеву (д. Большой Качак), Николаю Дмитриевичу Абрамову (д. Кильбахтино), Сергею Евгеньевичу Жданову (д. Тюльди); все эти пункты указаны в маршрутном листе ученого.

В полевом дневнике А.О. Хейкеля освещены условия его экспедиционной работы. Так, он записал, что приплыл до Бирска из Малмыжа на пароходе по рекам Вятке, Каме и Белой. В Бирске ему пришлось ждать денежного перевода 11 дней. Оттуда он направился в марийскую д. Чураево. На первый взгляд ему показалось, что здесь живут татары и марийцы, ибо все мужчины были одеты по-татарски. В дальнейшем он выяснил, что это чис-

то марийская деревня, но национальную одежду носят только женщины. Его поселили на квартиру в доме для приезжих официальных лиц напротив волостного правления.

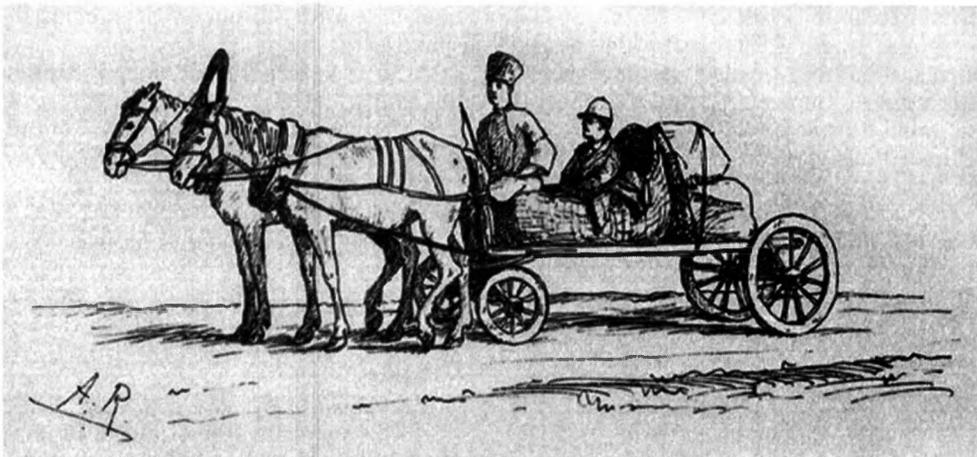
Финский ученый отмечал, что на марийцев и удмуртов оказывает большое влияние ислам, позиции которого очень сильны в данной местности. Так, например, проезжая татарскую (точнее, башкирскую, как замечает сам автор) деревню, он узнал, что там имеется пять мечетей с мусульманскими школами при них. Поэтому все мужчины умеют читать и писать на татарском и арабском языках. Была здесь и русская школа, но под давлением мусульманских священнослужителей ее закрыли. Скорее всего, данные сведения касаются д. Бураево Бирского уезда, которая значится в маршрутном листе ученого.

В то же время, по наблюдениям Хейкеля, здесь процветало и язычество, особенно распространенное среди «финских племен». Например, школа в удмуртской д. Большой Качак являлась «языческой», поскольку все ученики и сам учитель были некрещеными. Жители деревни спрашивали его, почему царь не разрешает совершать им свои жертвоприношения, ведь они, как и остальные, платят налоги, а чтобы делать это исправно, им необходимо устраивать жертвоприношения.

В дневнике есть сведения о посещении жертвенного места удмуртов, расположенного в безлесном пространстве на окраине поля, где были еще заметны следы пяти кострищ с прошлого жертвоприношения. Во время жертвоприношения священная территория отделялась веревочным ограждением на кольях. Согласно верованиям, учитель, сопровождавший ученого, одел белую ритуальную одежду. Хейкель завершил поездку по Бирскому уезду в с. Березовка на Каме, откуда поплыл на пароходе в Самару²⁹.

Самостоятельный научный интерес представляют полевые записи ученого. Так, например, здесь отмечено, что в удмуртской д. Большой Качак женщины носят головное полотенце (чалма), которое в дальнейшем вышло из употребления и редко упоминалось в источниках³⁰.

Ценным источником по истории традиционной одежды закамских удмуртов являются акварели и графические рисунки художника А.Рейнголь-

А.Рейнгольм. А.Хейкель по дороге в марийскую деревню. 1885 г.

ма, сопровождавшего А.О. Хейкеля в экспедиции. Так, в д. Большой Качак художник изобразил местного учителя и его жену в традиционной праздничной одежде, женщину в чалме, внешний вид святилища³¹. В настоящее время изобразительные документы хранятся в Фотоархиве Музейного ведомства Финляндии (Museovirasto: kuva-arkisto). Здесь же отложились фотографии, сделанные Ю.Вихманном в 1894 г. в д. Большой Качак во время экспедиционной работы. На них запечатлены моления в священной роще луд, Мер-вось, молодежь в повседневной и праздничной одежде, виды улиц, двора, деревни, строительство дома, деревенские староста, старшина и др.³² По всей видимости, это самые ранние фотоснимки закамских удмуртов.

Таким образом, в архивах научных обществ и государственных учреждений Финляндии сосредоточены уникальные и все еще не исследованные материалы по этнографии закамских удмуртов конца XIX – начала XX в. Помимо них в архивах Финляндии накапливается также современный научный материал, собранный новым поколением финских ученых.

¹ Исключение составляет: *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 46.

⁴ *Wotjakische Sprachproben.* Herausgegeben von Yrjö Wichmann. II. Sprachwörter, ratsel, märchen, sagen und erzählungen. Helsingfors, 1901.

⁵ *Wotjakische Chrestomatie mit Glossar* von Yrjö Wichmann. Helsingfors, 1901.

⁶ *Wotjakischer Wortschatz.* Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987.

⁷ Wichmann Y. Kielennäytteitä Ufan alueelta // *Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto: kotelo 726.* Wichmann Y. *Udmurttilaisaineisto.*

⁸ Wichmann Y. Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskon. menoista y.m. // *Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto: kotelo 727.* Wichmann Y. *Udmurttilaisaineisto.*

⁹ *Загребин А.Е.* Указ. соч. С. 46.

¹⁰ *Holmberg U.* *Permalaiusten uskonto.* Porvoo, 1914. S. 46.

¹¹ Автор совместно с К.Мякеля недавно предприняли попытку перевода текста рукописи Ю.Вихманна на русский и удмуртский языки. См.: *Вихманн Ю.* Сведения об обычаях и религиозных обрядах бирских удмуртов (Уфимская губерния) // *Финно-угроведение.* 2008. № 1. С. 46–56; *Он же.* Бирск удмуртъёслэн (Уфа губерния)

вось сям-нергеоссы сярсы // *Вордскем кыл.* 2008. № 1. С. 32–34. Готовится к печати также оригинал текста на финском языке.

¹² Цит. по: *Чуч Ш.* Письма Юрьё Вихманна с удмуртских земель // *Пермистика 2: Вихманн и пермская филология.* Ижевск, 1990. С. 39–40.

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ Wichmann Y. Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskon. menoista y.m. // *Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto: kotelo 727.* Wichmann Y. *Udmurttilaisaineisto.* S. 3, 19.

¹⁵ Wichmann Y. *Udmurttilaisaineisto* // *Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto: kotelo 727.*

¹⁶ *Holmberg U.* *Permalaiusten uskonto.*

¹⁷ Uno Harvan matkamuistiinpanoja // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjallisuusarkisto.*

¹⁸ *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kuva-arkisto.* Н 1.

¹⁹ *Holmberg U.* *Matkakirjeitä* // *Turun Sanomat.* 1911. № 1938, 1975, 1982, 1999.

²⁰ *Загребин А.Е.* Указ. соч. С. 73.

²¹ Там же. С. 74.

²² Цит. по: *Загребин А.Е.* Указ. соч. С. 74.

²³ *Holmberg U.* *Matkakirjeitä.* *Staraja Kirga* // *Turun Sanomat.* 1911. № 1938.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Ibid.*

²⁶ *Загребин А.Е.* Указ. соч. С. 76.

²⁷ *Museovirasto: Kansatieteen käsikirjoitusarkisto.* Heikel A.O. *Kirjeenvaihto.* *Kirjekokoelma N: 01/4.*

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. Heikel A.O. II. Kirjallinen toiminta. 1. Tieteellisten teosten käsikirjoitukset. 6. Tseremissien ja votjakkien luona Birskin seuduilla, mordvalaisten luona Samaran läänissä kesällä. 1884. S. 2–13.

³⁰ Чалма – длинное головное полотенце, которое обертывают вокруг го-

ловы дважды и украшенные концы опускают на спину. См.: Ibid. Heikel A.O. IV. Tutkimusmatkat Venäjälle ja Siperiaan. I/4. 1884. Muistiinpanokirja «D». S. 84.

³¹ Museovirasto: kuva-arkisto: SUK 21:283–284; 21:314–318.

³² Ibid. SUK 905: 32–53.

Н.С. Андреева

Донесения французских дипломатов в МИД Франции об общественно-политической ситуации в прибалтийских губерниях Российской империи (1905–1917 гг.)*

Документы Архива Министерства иностранных дел Франции, затрагивающие историю прибалтийских губерний Российской империи в начале XX в., прежде не являлись объектом специального исследования. Лишь материалы о деятельности Лиги инородцев России использовались в работах зарубежных исследователей об этой организации¹.

Информация о прибалтийских губерниях сосредоточена главным образом в документах фонда «Политическая и коммерческая корреспонденция (1897–1918). Новая серия. Россия. Внутренняя политика». Это донесения о событиях в Прибалтике французского консула в Риге А. Ле Брена и его преемника Ж.Эйльмана министрам иностранных дел Французской Республики Т.Делькассе, Р.Пуанкаре, С.Пишону и премьер-министру Р.Вивиани, а также посла Франции в Санкт-Петербурге М.Бомпара и поверенного в делах Французской Республики в России А.Бутирона министрам иностранных дел Т.Делькассе и М.Рувье. Помимо названных документов, освещавших текущие события, в фонде имеются консульские записки об общественно-политической ситуации в прибалтийских губерниях, которые касались конкретных вопросов (прессы, государственных деятелей и т.п.).

Донесения направлялись в МИД Франции при необходимости срочно, но обычно по мере накопления материала с промежутками от двух–четырёх до десяти дней, двух недель, иногда с перерывом до одного или же нескольких месяцев. Объём их также различен: в среднем от двух–трех до шести–восьми страниц.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Россия и Западная Европа: взаимовлияние культур, контакты и посредники (с начала XVII века до конца 1920-х годов)» (проект РГНФ № 07-01-94651а).

В фонде находятся преимущественно оригиналы донесений; их текст с начала XX в. печатался на пишущей машинке и скреплялся собственноручной подписью чернилами. В некоторых из документов подчеркнуты слова или фразы; отчеркнуты на полях, предположительно министром иностранных дел Франции, отдельные абзацы; встречаются его резолюции, например: «Свяжитесь с посольством» и т.п. В ряде случаев на донесениях есть пометы консула в Риге, например, о передаче копии документа в посольство.

Анализ содержания архивных документов свидетельствует, что если в конце XIX в. ситуация в прибалтийских губерниях практически не интересовала французский МИД (его внимание было сосредоточено на политике русского правительства в отношении финляндской автономии), то с подъемом революционного движения в 1905 г. приоритет меняется: Франция проявляет интерес к событиям в Прибалтике. Особый акцент в своих донесениях этого периода французские дипломаты делали на политике русского правительства по отношению к национальным меньшинствам прибалтийских губерний, на межнациональных отношениях в регионе и, прежде всего, обострявшемся конфликте между привилегированными прибалтийскими немцами, с одной стороны, и латышами и эстонцами, с другой. Заметим, что А. Ле Брен являлся лишь наблюдателем социальных катаклизмов, тогда как его коллеге, германскому консулу в Риге В.Онесайту, в силу занимаемой должности пришлось организовывать эвакуацию германских подданных (поскольку насилие со стороны восставших направлялось, главным образом, против немцев, независимо от их гражданства). Ле Брен откровенно симпатизировал эстонцам и латышам. В донесении от 18 декабря 1905 г. он оценил предоставленное им Николаем II Манифестом 17 октября избирательное право как «конец германского владычества». В то же время, по его мнению, одни только легальные средства не позволяли окончательно избавиться от «германского ига». Освободиться от него можно было не иначе как «с оружием в руках». Ле Брен считал, что латыши к этому готовы и «ожидают сигнала к началу выступления», который в лифляндских и курляндских деревнях уже прозвучал: «отряды крестьян под предводительством революционных вожаков наводнили поместья землевладельцев, большей частью немецкого происхождения»². С сочувствием к эстонцам и латышам он сообщал в донесении от 5 января 1906 г. о подавлении революции, осуждал российское правительство за террор и «злоупотребление силой» при реальной возможности уладить конфликт гуманными методами, с помощью справедливых уступок³.

В донесениях французской миссии нашли отражение и вопросы внутренней политики правительства России в прибалтийских губерниях: учреждение должности временного прибалтийского генерал-губернатора (существовала с 28 ноября 1905 г. по 15 апреля 1909 г.) и созыв Особого совещания при нем (действовало с 12 июня 1906 г. по 29 сентября 1907 г.). М.Бомпар в донесении от 13 декабря 1905 г. из Петербурга министру иностранных дел М.Рувье называл созыв Особого совещания более чем либеральным шагом российского правительства, усматривал в нем «зародыш административной автономии» Прибалтики и полагал, что того же будут добиваться Литва, Польша и «даже Малороссия»⁴. Однако он ошибался, считая это совещание административным органом. На самом деле оно созывалось исключительно с целью разработки неотложных реформ для прибалтийских губерний (земского само-

управления, крестьянского общественного управления, школьной, аграрной, приходских учреждений, евангелическо-лютеранской церкви).

В свою очередь А. Ле Брен в донесении от 1 января 1906 г. из Риги сообщил М. Рувье о прибытии туда временного прибалтийского генерал-губернатора В. У. Соллогуба (креатуры С. Ю. Витте) и об устроенном им приеме представителей местной администрации, дворянства, духовенства и городских властей, на который консульский корпус Риги не получил приглашения⁵. Можно предположить, что генерал-губернатор не посчитал нужным в этом случае общаться с представителями иностранных держав либо желал подчеркнуть, что его назначение и дальнейшая деятельность относятся исключительно к внутренней политике России.

В поле зрения французских дипломатов попали такие события, как празднование в 1910 г. двухсотлетия присоединения Прибалтики к России, в 1912 г. – юбилея Отечественной войны 1812 г., муниципальные выборы 1913 г. в Ревеле и Риге. Не осталось незамеченным и обсуждение в 1913 г. рижской прессой российско-шведских отношений.

С особым вниманием преемник А. Ле Брена на посту консула Ж. Эйльман следил за событиями в Риге, вызванными осложнением ситуации на Балканах в октябре 1912 г. и феврале 1913 г. (в канун Первой Балканской войны). Как отмечал Эйльман в донесениях 3 октября 1912 г. «Осложнения на Балканах и балтийские немцы» и 16 февраля 1913 г. «Слухи о войне и балтийские провинции», среди прибалтийских немцев преобладали пацифистские настроения и в российском общественном мнении война не пользовалась популярностью, поскольку Россия усиленно развивала экономику и не стала бы рисковать, ввязываясь в «авантюры». В то же время его беспокоило влияние на общественное мнение группировок, близких к газете «Новое время». Остзейская пресса также выражала недовольство кампанией панславистских изданий и их нападками на Австро-Венгерскую империю. Французский консул считал, что прибалтийские немцы в этом отношении руководствовались своими экономическими интересами, осознавая угрозу «процветанию» остзейских губерний в случае военного конфликта.

По свидетельству Эйльмана, молва о грядущей войне вызвала в Курляндии и Лифляндии массовое снятие денег со счетов, прежде всего в латышских банках. Чтобы успокоить общественность, курляндский губернатор встретился с редакторами газет и опроверг слухи о всеобщей мобилизации, появившиеся, по мнению французского консула, отчасти из-за назначения командующим пограничным Виленским военным округом генерала П. К. фон Ренненкампа, популярного в обществе⁷. Эйльман неоднократно подчеркивал важное экономическое и стратегическое значение прибалтийских губерний для Российской империи. В упомянутом выше донесении от 16 февраля он отмечал, что в случае войны прибалтийские губернии «неизбежно станут театром важных событий», и просил внешнеполитическое ведомство снабдить его «теми же средствами к действию и дать... то же материальное обеспечение», которыми располагали его коллеги в Харькове и Одессе, дабы обеспечить исход этих событий в интересах Франции⁸. Речь шла, скорее всего, не только об увеличении финансирования консульства, но и о неких инструкциях, вероятно, по организации сбора необходимой информации. Сведений о том, удовлетворил ли МИД просьбу консула, в документах архива обнаружить не удалось.

Важным источником информации об общественных настроениях в Прибалтике для французской миссии служила местная пресса. В донесении от 30 октября 1913 г. министру иностранных дел С.Пишону «Враждебность либеральной немецкой прессы Риги по отношению к правительству» Эйльман высказывал мнение, что большая часть остзейской периодики редактировалась в Берлине и отражала взгляды германских политических кругов, являясь особым «инструментом... пропаганды коварной, систематической, опасной в своем постоянстве и полной ненависти, а порой даже грубой по отношению к нам (Франции. – Н.А.)»⁹. В донесении от 2 ноября 1913 г. он обращал внимание на растущее недоверие и ненависть местной немецкой прессы к Франции: вся смута и зло исходят из Парижа, и именно Франция поощряет революцию в России¹⁰. В подтверждение своих слов Эйльман приводил опубликованную в «Rigasche Zeitung» 29 октября 1913 г. статью о «вкладе» Французской Республики в российскую революцию. Подобные публикации имели пропагандистский характер, с их помощью политические круги Германии стремились возбудить антифранцузские настроения в России, отколоть ее от Антанты и тем самым ослабить Францию.

Однако объективность суждений Эйльмана в отношении прибалтийско-немецкой прессы нередко вызывает сомнения, которые лишь усиливают донесения недовольного критикой в остзейской прессе внешней политики Германии германского консула В.Онесзайта¹³.

Из общественно-политических проблем прибалтийских губерний внимание Эйльмана привлек актуальный для местного общества вопрос о языках преподавания в начальной школе. Введенное еще при Александре III обязательное обучение на русском языке было отменено 18 июня 1905 г. Комитетом министров, а циркуляр попечителя Рижского учебного округа Д.М. Левшина от 9 октября 1906 г. расширил права местных языков в школе, разрешив в городских и сельских начальных училищах при однородном национальном составе учеников в первые два года обучения преподавать на их родном языке. Благодаря циркуляру в городских начальных школах Эстляндской губернии впервые использовался эстонский. Лишь в Ревеле, где Эстляндское губернское правление не позволило образовать однородные по национальному составу классы, обучение продолжалось на русском языке¹⁴. Однако 27 августа 1913 г. попечитель Рижского учебного округа А.И. Щербаков, в соответствии с политикой министра народного просвещения России Л.А. Кассо по отношению к национальной школе, отменил циркуляр Левшина. О последовавшей за этим реакции прибалтийской общественности Эйльман сообщал С.Пишону в донесении «Вопрос о языках в балтийских провинциях» от 2 ноября 1913 г. Он отмечал, что против выступил Рижский либеральный клуб¹⁵. На его собрании в присутствии депутата Государственной думы от Риги С.П. Мансырева было решено внести в Думу запрос по поводу отмены циркуляра Д.М. Левшина¹⁷. Позицию Рижского либерального клуба критиковал орган консервативной Латышской народной партии «Rigas Awise», мнение которого поддержал в своем донесении и Эйльман¹⁸.

По наблюдениям французского консула, вопрос о языках преподавания в учебных заведениях прибалтийских губерний все больше обострялся и коснулся даже русской гимназии мадемуазель Депрео, находившейся под патронатом французского консульства и, по мнению Эйльмана, сильно раздражавшей местные российские власти. В связи с этим консул стремился

своими действиями не давать повода заподозрить «правительство Республики» в намерениях ввести в этой гимназии французские порядки¹⁹.

В своих донесениях Эйльман неоднократно возвращался к этой проблеме. Так, 12 ноября 1913 г. он сообщал С.Пишону со ссылкой на «Рижский вестник» и местную немецкую прессу о том, что министр народного просвещения утвердил отмену циркуляра Д.М. Левшина. Однако документ продолжал применяться, а 30 марта 1915 г. был официально восстановлен²⁰. В донесении Эйльмана премьер-министру и министру иностранных дел Р.Вивиани «Вопрос о языках в балтийских провинциях. Немецкие школы» от 18 июня 1914 г. сообщалось о дальнейшем развитии ситуации вокруг вопроса о языках преподавания в школах, приводились данные о количестве школ в прибалтийских губерниях и по всей России, в которых обучение велось на немецком. Основываясь на данных из журнала «Revue pedagogique Russe», консул пришел к заключению, что число учеников в этих школах в 1913 г. не только не сократилось по сравнению с 1912 г., но, наоборот, увеличилось²¹.

С началом войны ситуация для проживавших в Российской империи, в том числе в прибалтийских губерниях, немцев складывалась неблагоприятно. Антинемецкая кампания в консервативной и правой прессе способствовала формированию в общественном мнении образа российского немца как внутреннего врага. Повлиять на настроение общества не могли ни защита граждан России немецкой национальности в кадетской прессе, ни заявления об их лояльности со стороны прибалтийско-немецких депутатов в Государственной думе²³. Российским немцам было запрещено в общественных местах употреблять немецкий язык; он запрещался и как язык преподавания (начиная с 1916/17 уч. г.); были закрыты немецкие газеты, общества и учебные заведения при них; ликвидированы объединявшие лиц немецкой национальности организации. Вместе с тем правительство, возглавляемое И.Л. Горемыкиным, которого в вопросе о пресечении антинемецких настроений в обществе поддерживали министры иностранных дел С.Д. Сазонов и внутренних дел Н.А. Маклаков²⁴, на заседании 28 октября 1914 г. высказалось за принятие мер в отношении прессы, возбуждавшей антинемецкие настроения. Обсуждался вопрос о приобретении правительством главного рупора антинемецкой кампании – газеты «Новое время». Было решено просить начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Янушкевича для смягчения кампании в прессе против немцев воздействовать на нее через военную цензуру²⁵. Однако эти меры не имели долговременного эффекта из-за противоречивой политики правительства в «прибалтийско-немецком вопросе». Усилению антинемецких настроений способствовало назначение управляющим Министерством внутренних дел, а с октября 1915 г. министром, лидера правых А.Н. Хвостова, лично возглавившего кампанию по «борьбе с немецким засильем» в экономике и общественной жизни государства. Так, 2 февраля 1915 г. был принят закон о ликвидации землевладения и землепользования австрийских и германских подданных, дополненный 13 декабря 1915 г. законом, аннулировавшим земельную собственность немецких колонистов. Рассматривался вопрос о ликвидации административной автономии прибалтийских губерний, который МВД попыталось решить в январе–феврале 1916 г., но с отставкой А.Н. Хвостова (в марте того же года) более не поднимавшийся²⁶.

Документы периода Первой мировой войны объединены в серию «Война 1914–1918 гг.» и включают донесения глав французских миссий в Стокгольме и Берне премьер-министру и министру иностранных дел А.Бриану. Из них выделим донесение французского консула в Женеве о Латышском комитете в Швейцарии и копию составленной 1 июля 1915 г., предположительно, Ж.Эйльманом записки «События в прибалтийских губерниях и прибалтийско-немецкое общественное мнение в Риге»²⁸, которая несет на себе печать антинемецких настроений. В документе сообщается о нелояльности прибалтийских немцев, «многочисленных агентах и агитаторах», которых якобы имела Германия во всех слоях прибалтийско-немецкого общества. В целом автор записки критически оценивал «внешние проявления лояльности» прибалтийских немцев и предостерегал от иллюзий насчет нее³². Он отмечал, что лифляндский губернатор Н.А. Звегинцев своевременно не принял меры против германских подданных и они в течение первых месяцев войны по-прежнему занимали должности в муниципалитете, а это якобы способствовало успешному продвижению противника³³. Говоря о неприязненном отношении прибалтийских немцев к германцам, автор записки замечал, что перед ненавистью к латышам эта неприязнь отступала на второй план. Остзейцы якобы были заинтересованы в германском завоевании Прибалтики, поскольку оно позволяло им подчинить латышей³⁴.

Следует отметить, что для депеш французского консула в Риге характерны субъективные оценки в отношении остзейцев. В отличие от его германского коллеги, имевшего информаторов среди прибалтийских немцев, у Ж.Эйльмана не было непосредственных контактов с прибалтийско-немецкими кругами (по донесениям создается впечатление, что остзейцы игнорировали француза). Это, на наш взгляд, отчасти предопределило его резкость и некоторую пристрастность суждений о местном немецком обществе. Консул переносил враждебный французской внешней политике образ Германской империи на остзейцев, во всем разделявших, по его мнению, точку зрения своей исторической родины. Однако заметим, что в начале XX в. прогерманская ориентация среди прибалтийских немцев не преобладала. Немецкий историк Г. фон Раух, например, писал об амбивалентности образа России в прибалтийско-немецком общественном сознании в этот период, т.е. о равном сочетании в нем и русофобии, и русофилии. Свое влияние на этот образ оказывали «веяния времени» и общественное положение его носителя. В одной и той же социальной среде существовали различные представления; они зависели от особенностей политического мировоззрения конкретной личности, и в особенности от ее политического опыта³⁶.

Тем не менее субъективизм донесений французского дипломата в Риге не уменьшает их значения в сравнении с более информативными в вопросах прибалтийско-немецкой тематики донесениями его германского коллеги, поскольку внимание французского консула привлекли события, оставшиеся по разным причинам вне поля зрения представителей немецкой дипломатической миссии.

Особый интерес французских дипломатов вызывала роль прибалтийско-немецких эмигрантов в организации германской антирусской пропаганды. Так, посол Франции в Стокгольме Тьебо 10 мая 1916 г. информировал премьер-министра и министра иностранных дел А.Бриана о пропагандистской акции Германии. Речь идет об инспирированном ее МИД «Воззвании угнетен-

ных народов России» к президенту США В. Вильсону. В своем донесении Тьебо сообщал об участии в появлении этого документа немецкого агента Ф. фон дер Роппа³⁷, остзейца, одного из основателей Лиги инородцев России³⁸ и ее генерального секретаря. Посол назвал эту акцию германского МИД «ловкой проделкой», нацеленной на привлечение симпатий многочисленных американцев славянского или еврейского происхождения на сторону Германии, чтобы таким образом обеспечить себе союзника в лице США. Вполне обоснованно Тьебо задавался вопросом о том, почему «братья по расе... угнетавшихся» Россией народов раньше не замечали страданий своих соплеменников, и приходил к выводу, что организованный «по заказу... сигнал о бедствии» российских подданных по сути был «сигналом о бедствии самой Германии»³⁹. Как показали дальнейшие события, это наблюдение вполне оправдалось.

Депеши французских дипломатов в МИД, характеризующие ситуацию в прибалтийских губерниях в 1905–1917 гг., существенно дополняют документы российских архивов о положении, межнациональных отношениях и политике российского правительства этого периода в Прибалтике, в целом расширяют представление о внешнеполитических планах Франции и ее интересах в России, показывают, что МИД Франции располагал подробной и разносторонней информацией об общественно-политической ситуации в прибалтийских губерниях Российской империи.

¹ Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Rußlands 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Rußlands in Ersten Weltkrieg. Helsinki, 1978. При подготовке этой работы финский историк С.Цеттерберг исследовал документы серии «Война 1914–1918 гг.» Архива МИД Франции.

² Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее – АМАЕ). Correspondance politique et commerciale 1897 à 1918. Nouvelle Série (NS). Russie 6. F. 155.

³ Ibid. 178, 180.

⁴ Ibid. F. 150–150 rev.

⁵ Ibid. F. 175–175 rev.

⁶ Ibid. F. 349 rev., 351–351 rev., 355 rev.

⁷ Ibid. F. 352.

⁸ Ibid. F. 369.

⁹ Ibid. F. 374 rev., 375.

¹⁰ *Онесайт В.* Обзор политических направлений, сотрудников и сферы влияния издаваемых в Риге немецких, русских и латышских газет. 17.03.1906 г. // Politische Archiv des Auswärtigen Amtes (Политический архив Министерства иностранных дел ФРГ в Бонне). Rußland 74. Bd. 22. Bl. 86. В делах Политического архива МИД ФРГ отсутствует пагинация, поэтому ссылки на страницы даются условно. См. также: Анд-

реева Н.С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С. 92.

¹¹ *Raun T.U.* The Estonians // Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. E.C. Thaden. Princeton, 1981. P. 321.

¹² Рижский либеральный клуб действовал в 1909–1913 гг., объединил часть бывших членов Латышской конституционно-демократической партии, распавшейся в 1906 г., группу рижских русских и еврейских кадетов, а также немецких либералов. Первым его председателем стал князь С.П. Мансырев, впоследствии депутат IV Государственной думы. (См.: *Ронис И.Э.* Либерально-буржуазный лагерь в Латвии в период буржуазно-демократических революций 1901–1917 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Таллин, 1989. С. 36; *Idem.* Politische Organisationen in Lettland (1909–1914) // The Baltic Countries 1900–1914 / Ed. A.Loit. Uppsala, 1990. P. 154.)

¹³ АМАЕ. NS. Russie 6. F. 373–373 rev.

¹⁴ Ibid. F. 374.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. F. 377; *Raun T.U.* Op. cit. P. 321.

¹⁷ АМАЕ. NS. Russie 6. F. 378–378 rev.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Стенографический отчет заседания Государствен-

ной думы, созданной на основании Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20.07.1914 г. СПб., 1914. Стб. 20–21; *Андреева Н.С.* «Во имя своего прошлого, во имя всегдашней верности...» (Балтийские рыцарства и российское правительство. Из истории взаимоотношений 1914–1917 гг.) // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 203–214; *Она же.* Прибалтийские немцы и Первая мировая война // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 461–473; *Она же.* «Остзейский вопрос» и Первая мировая война // Россия и Балтия. Эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 26–47.

¹⁹ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 110.

²⁰ *Яхонтов А.* Записи о секретных заседаниях Совета Министров. Публ. А.Плигузова // Новый журнал. 2000. Кн. 221. С. 111–112.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1089. Л. 81; Ф. 1291. Оп. 65. Д. 2. Л. 1, 6–7.

²² АМАЕ. Guerre 1914–1918. Allogènes 700; Russie 701.

²³ Ibid. Russie 701. F. 10–11.

²⁴ Ibid. F. 10 rev.

²⁵ Ibid.

²⁶ *Rauch G. von.* Baltische Beiträge zur Vermittlung russischer Literatur in den erste Hälfte des 19. Jahrhunderts // Rauch G. von. Aus der baltischen Geschichte. Vorträge, Untersuchungen, Skizzen aus sechs Jahrzehnten. Hannover; Döhren, 1980. S. 416. См. также: *Garleff M.* Deutschbalten zwischen den Kulturen // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. Bd. 4. 19/20. Jahrhundert: Von Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. M.Keller. München, 2000. S. 427–481; *Idem.* Russen und Rußland in deutschbaltischen Erinnerungen // Ibid. S. 482–518.

²⁷ АМАЕ. Allogènes 700. F. 2–2 rev.

²⁸ Лига инородцев России была создана в 1916 г. при участии германского МИДа и действовала вплоть до ноябрьской революции 1918 г. в Германии. В ее задачу входила организация антигосударственной пропаганды среди национальных меньшинств России. Подробно о деятельности лиги и «Воззвании угнетенных народов России» см.: *Zetterberg S.* Op. cit.

²⁹ АМАЕ. Allogènes 700. F. 2–2 rev.

Представляем архив

С.Ю. Черепанова

Златоустовская архивная служба

История г. Златоуста началась с контракта на строительство железодельного завода на речках Сатка и Куваш, который «велено именовать и писать Златоустовским», заключенного в 1751 г. тульскими промышленниками И.П. и В.Д. Мосоловыми в Оренбургской губернской канцелярии. Тщательно изучив первоначально намеченное место, Мосоловы решили возводить заводские строения несколько восточнее – на реке Ай, в устье реки Тесьмы. Соответствующее разрешение на это было дано указом Берг-колле-

Об авторе: Черепанова Светлана Юрьевна, с 1997 г. начальник отдела документов по личному составу архивного отдела администрации г. Златоуста, с 2004 г. заместитель директора МУ «Архив города Златоуста», с 2005 г. начальник архивного отдела администрации Златоустовского городского округа. Неоднократно награждалась почетными грамотами и благодарностями Госкомитета по делам архивов Челябинской области.

гии от 31 августа 1754 г. (по н. ст. 11 сентября). Эту дату и принято считать днем рождения города. В нынешнем году ему исполняется 255 лет.

Очевидно, что название связано с именем византийского церковного деятеля и проповедника христианства Иоанна Златоуста (ок. 350–407 гг.), но мотивы выбора не совсем ясны. По одной из версий, контракт 1751 г. был заключен накануне дня Иоанна Златоуста (13 ноября), по другой – образ Иоанна Златоуста являлся фамильной иконой семьи Мосоловых.

Златоустовский завод начал действовать 14 августа 1761 г., когда задумали его первую домну. С этого дня история города связана с производством металла и его обработкой. Зарождению златоустовской качественной металлургии способствовала исключительная чистота местных руд. В 1769 г. завод перешел в руки тульского купца Л.И. Лугинина. Несмотря на то что в ходе Пугачевского восстания завод и поселок при нем были почти полностью разрушены, к концу 1780-х гг. очередной хозяин не только восстановил свой завод, но и построил новые (Миасский, Кусинский, Артинский), составившие вместе с приобретенным ранее Саткинским заводом графа Строганова обширные владения на Южном Урале. После смерти Л.И. Лугинина все его уральские заводы перешли в аренду московскому купцу А.А. Кнауфу, а 3 октября 1811 г. решением Государственного совета «обращены в казенное управление». Тогда же был образован Златоустовский горный округ с центром в Златоусте. В него вошли четыре завода: Златоустовский, Саткинский, Кусинский, Артинский, а в 1815 г. еще Миасский завод и Златоустовская оружейная фабрика. Это был один из крупнейших горных округов Урала, а Златоуст быстро превратился в промышленный центр. Значительную долю его производства составляла военная продукция: артиллерийские снаряды Златоустовского завода и холодное оружие Златоустовской оружейной фабрики.

С оружейной фабрикой связано возникновение самобытного искусства златоустовской гравюры на стали. Для работы на фабрике из Золингена и Клингенталя были приглашены немецкие оружейники, в том числе известный мастер по украшению клинков – Вильгельм Шаф с сыновьями. Однако вскоре златоустовские ученики Шафов – И.Н. Бушуев (прообраз героя сказа П.П. Бажова мастера Иванко Крылатко), И.П. Бояришинов, Василий Южаков и другие сумели создать свой самобытный стиль декорирования оружия, заложив основы уникального вида декоративно-прикладного искусства – златоустовской гравюры на стали. А точнее, они стали зачинателями златоустовской школы художественной обработки металла (авторское украшенное оружие, горнозаводская графика).

В 1817–1847 гг. в Златоусте жил и работал великий русский металлург П.П. Аносов, открывший тайну булатной стали. Свыше 15 лет он был главным начальником Златоустовских заводов, многое сделав для усовершенствования производства. Благодаря Аносову Златоуст с середины XIX в. становится признанным центром качественной металлургии, где разрабатываются и внедряются многие новинки в этой области. Продолжателем его дела стал горный инженер П.М. Обухов, стараниями которого в Златоусте в 1860 г. была отлита первая русская стальная пушка, выдержавшая при испытаниях более 4 тыс. выстрелов и получившая на Всемирной выставке в Лондоне в 1862 г. золотую медаль. Стальные пушки Обухова, изготовленные на Златоустовской Князе-Михайловской сталепушечной фабрике, были установлены перед зданием Арсенала, где находятся и сейчас.

31 мая 1865 г. Златоуст получил статус города – центра Златоустовского уезда Уфимской губернии. Население города составляло 14,8 тыс. человек. В июне 1874 г. в Златоусте было избрано местное самоуправление в составе городских думы и управы.

К концу XIX в. развитие города стало сдерживаться из-за отсутствия надежных транспортных путей с Центральной Россией, поскольку продукция заводов сплавлялась по рекам, как и век назад. Однако с 8 сентября 1890 г. началось регулярное движение поездов по Самаро-Златоустовской железной дороге. Это событие – второе рождение для города, численность населения которого с 1897 по 1917 г. увеличилась вдвое и достигла 40 тыс. человек.

В конце XVIII – начале XX в. Златоуст был своеобразной Меккой для геологов – здесь вели исследования крупнейшие российские и зарубежные ученые Г.П. Гельмерсен, А.Гумбольдт, А.Н. Заварицкий. А.П. Карпинский, Д.И. Менделеев, Р.И. Мурчисон, И.В. Мушкетов, П.С. Паллас. Живописность и неповторимость златоустовских горных пейзажей отмечали побывавшие здесь многочисленные ученые, исследователи, путешественники, художники и писатели, венценосные особы – императоры Александр I, Александр II, Николай II, а также великие князья Владимир и Михаил Александровичи, герцоги Лейхтенбергские. За свою красоту эти места часто сравнивали со знаменитыми альпийскими ландшафтами, называя их «Русской Швейцарией» и «Уральским Тиролем».

В конце XIX в. Златоуст имел развитую инфраструктуру. Здесь действовали два завода, две фабрики, земские больница и аптека, горнозаводские госпиталь и аптека, хорошо поставленная санитарная служба. Система образования была представлена двумя гимназиями, городскими, земскими и приходскими училищами. В Златоусте с 1896 г. работала публичная библиотека, имелись телеграф и телефон, развитая торговля, организованы места общественного отдыха (Фрейденталь – городской сквер на Свято-Троицкой площади, Видинеевский сад, городской пруд), работали «синематографы» «Марс», «Лира», «Колизей», театр и цирк. На восточной окраине города в 1892 г. был установлен обелиск «Европа – Азия», обозначающий линию географической границы между частями света. В Златоусте были представлены почти все религиозные конфессии России. Здесь действовали восемь храмов, в том числе крупнейший на Урале Свято-Троицкий собор, единоверческая церковь, католический костел, лютеранская кирха, мусульманская мечеть, синагога. Поэтому не будет преувеличением сказать, что Златоуст стал промышленным и культурным центром всего Южноуралья.

Не остался Златоуст и в стороне от революционных веяний. В конце XIX – начале XX в. он был одним из крупных центров революционного движения. В мае 1898 г. в результате забастовок рабочих в некоторых цехах Златоустовского завода впервые на Урале был установлен восьмичасовой рабочий день. В историю России вошли события 13 марта 1903 г., когда состоялся расстрел участников стачки на Златоустовском заводе. В декабре 1917 г. в Златоусте была установлена советская власть. Однако в течение года, с июня 1918 по июль 1919 г., город находился под властью Временного Сибирского правительства; в этот период сюда приезжал верховный правитель России адмирал А.В. Колчак.

С 1923 г. Златоуст постепенно оживает, начинает залечивать раны, нанесенные Гражданской войной. В 1924 г. на Златоустовском заводе введена в действие первая электродуговая печь открытого типа, а в 1931 г. здесь

впервые в СССР выплавлена шарикоподшипниковая сталь, в 1934 г. – построен мощный блюминг – третий в СССР.

В период Великой Отечественной войны в Златоуст был эвакуирован ряд крупных промышленных предприятий из Москвы, Ленинграда, Тулы, городов Украины; здесь размещалось девять госпиталей. Из 103-тысячного населения 30 тыс. человек ушли на фронт (более 9 тыс. не вернулись), многие работали на оборонных предприятиях. Пять уроженцев Златоуста стали Героями Советского Союза, с историей города связаны судьбы еще 34 человек, удостоенных этого высокого звания.

В послевоенные годы Златоуст вырастает в крупный индустриальный центр. Здесь бурно развиваются такие отрасли, как металлургия, машиностроение, приборостроение, энергетика, легкая и пищевая промышленность и, конечно же, златоустовская гравюра на стали. На Златоустовском металлургическом заводе в 1950–1960 гг. впервые в СССР разработано и освоено производство свыше 130 марок стали (всем им присвоен специальный индекс «ЗИ» – златоустовская исследовательская).

В 1990-е гг. город, как и вся страна, оказался в сложной экономической ситуации, но с 1999 г. наметился рост промышленного производства. Основное его ядро составляют 29 крупных и средних предприятий, среди которых заводы: машиностроительный, металлургический, абразивный, часовой, металлоконструкций, ПО им. И.Н. Бушуева, а также молокозавод, мясо- и хлебокомбинаты, кондитерская и обувная фабрики, ликероводочный завод. Широкую известность в последние годы получили ОАО «Гермес» и предприятие «Стройтехника», расширяется сеть оптовой и розничной торговли. Все большее значение приобретает сфера малого бизнеса. Наибольшую известность здесь получили фирмы, занимающиеся выпуском художественных изделий, украшенных в стиле златоустовской гравюры на стали. Художники-граверы Златоуста ежегодно участвуют в областных, региональных, всероссийских и международных выставках, на которых традиционно занимают первые места.

Разработки ученых Златоустовского филиала Южно-Уральского государственного университета востребованы авиационно-космическим комплексом, судостроением и автомобилестроением. В 1991 г. создан национальный парк «Таганай». Действуют библиотеки, музыкальные школы и школы искусств, кинотеатр, краеведческий музей, старейший на Урале, профессиональный государственный драматический театр «Омнибус». Работают спортивные школы, клубы, секции, стадионы, бассейны. Значительны и культурные силы города – сегодня в Златоусте трудятся более 70 членов различных творческих союзов России (художники, архитекторы, писатели, поэты, театральные деятели, журналисты). В школах возрождается такая традиция, как кадетские классы.

В 2007 г. в городе широко отмечалось 1600-летие преставления Иоанна Златоуста. Строятся новые храмы и мечети. Не закрылся ни один Дворец культуры, появились современные досуговые учреждения для молодежи, насыщенный информационный рынок: в Златоусте издается пять газет, работают теле- и радиокомпании. Сейчас население города составляет 198,4 тыс. человек*.

* При подготовке статьи использована литература: Златоуст – город крылатого кося / Сост. А.В. Козлов. Златоуст, 2004; Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10. С. 502–504.

Первые архивы в Златоусте возникли в XVIII в. с начала строительства Златоустовского завода. С ростом завода, появлением Златоустовского горного округа, превращением Златоуста в уездный город увеличивалось количество учреждений, организаций, предприятий, а следовательно, и их архивов.

Революции 1917 г. и Гражданская война нанесли ощутимый урон архивному богатству. Но уже 1 марта 1924 г. на основании решения президиума Златоустовского окружного исполкома было создано Златоустовское окружное архивное бюро¹. С этого дня на территории Златоустовского округа появился государственный орган, отвечающий за централизованное хранение документов заводов, учреждений и организаций. Этот день и является точкой отсчета в истории архивной службы Златоустовского городского округа.

Златоустовский архив приступил к работе в июне 1924 г., когда были выделены деньги для его организации и назначена заведующая архивным бюро – Анна Константиновна Пьянкова. Она взяла на свои плечи нелегкую заботу об устройстве архивного дела в Златоустовском округе. Упорядочить здесь архивное дело, взять на учет каждый ведомственный архив, спасти и сохранить документы, имеющие научно-историческую ценность, – такие задачи стояли перед архивным бюро, состоящим всего из трех сотрудников: заведующей, архивариуса и сторожа. В июле–сентябре 1924 г. заведующей было обследовано 30 учреждений и организаций².

Лишь в декабре 1924 г. архив получил помещение (93 кв. м) в верхнем этаже каменного дома № 3 по ул. Златоустовской³. К тому времени на учете было три фонда. С 1925 по 1932 г. архивом заведовала Татьяна Андриановна Сорокина, которая активизировала работу по учету и приему документов на хранение, а также оперативно решала организационные проблемы (помещение, штаты, финансирование). В 1925 г. на учете архбюро состояло уже 25 фондов, среди поступлений этого года – документы Златоустовской земской управы, продовольственного комитета и Миасского нефтяного склада. С апреля 1925 г. все архивные фонды поделены на дореволюционные (истарх) и послереволюционные (советские).

В то время, когда главной задачей являлось предотвращение гибели документов, их принимали на госхранение и учитывали по весу: согласно отчету 1926 г., в архиве хранилось 10 790 кг документов, разобрано пять мешков дел, опись составлена на 24 мешка. В течение двух лет архив «перебрасывали» из одного помещения в другое. В июле 1927 г. по распоряжению Златоустовского окрисполкома его перевезли в здание бывшего польского костела по ул. Ленина, совершенно не подходившее для архивохранилища. Здесь не было электричества, отопления и оборудования, а само помещение нуждалось в капитальном ремонте. Но даже в таких условиях работа по приему и обработке документов продолжалась. На учете значился 51 фонд, преимущественно архивы заводов горнозаводской зоны и ликвидированных организаций.

В октябре 1928 г. архив переселили в здание бывшего театра «Коллизей» по ул. Ключевской (ныне ул. Калинина), в котором он находился свыше полувека, что в целом благоприятно сказалось на сохранности фондов и работе в целом. К тому же архив получил солидную правовую основу для своей деятельности на территории округа: в 1928 г. было принято Положение о Златоустовском окружном архивном бюро, где перед ним по-

ставили следующие задачи: «Учет и концентрация в архивохранилищах материалов государственных, профессиональных, кооперативных учреждений, организаций и предприятий, а также бесхозяйственных архивов, находящихся на территории округа... Обследование и инструктирование учреждений по вопросам постановки архивной части делопроизводства; руководство организацией архивов в районах; выдача справок, выписей, копий документов по запросам учреждений, организаций и частных лиц», а также проведение мероприятий по «охране архивного материала от гибели»⁴.

К 1929 г. в архиве значилось 50 фондов, 32 473 ед. хр., на учете состояло еще 74 фонда (5673 ед. хр.)⁵, временно хранившихся в организациях.

В связи с ликвидацией округов Златоустовское окружное архивное бюро 19 июня 1931 г. было реорганизовано в Златоустовское отделение Уральского областного архива. С образованием в 1934 г. Челябинской области созданы областное архивное управление и областной архив, Златоустовское отделение Уральского областного архива переименовано в Златоустовское отделение Челябинского областного архива. В апреле 1941 г. Челябинский облархив переименован в Государственный архив Челябинской области, а Златоустовское отделение реорганизовано в Златоустовский филиал Госархива Челябинской области.

В годы Великой Отечественной войны сотрудники архива жили по законам военного времени. Объем работы значительно увеличился, в город прибыли 24 эвакуированных предприятия и учреждения, чьи документы необходимо было обработать и принять на временное хранение.

В середине 1950-х гг. возрос интерес к своему прошлому. История заводов Златоуста и горнозаводской зоны стала предметом исследования краеведов, ученых, учителей-историков, а документы архива использовались для написания научных работ. Тогда же, в связи с выходом в 1956 г. закона о пенсиях, резко увеличилось и количество социально-правовых запросов.

В послевоенный период многие руководители Златоустовского архива способствовали развитию архивного дела, но особый вклад внесли А.А. Лосева, возглавлявшая архив в 1943–1971 гг., и А.В. Иванова – в 1979–2005 гг. Они многое сделали для укрепления Златоустовского архива, поднятия его престижа, четкой организации работы, обеспечения сохранности документов, внимательно относились к запросам посетителей; при них заметно оживилось использование архивных документов.

В 1981 г. архив переехал в цокольное помещение общей площадью 713 кв. м пятиэтажного жилого дома, где и находится сегодня. С 1992 по 2004 г. архиву в связи с ростом объемов поступлений неоднократно выделялись дополнительные площади, которые быстро заполнялись. Последний раз 881,6 кв. м архиву было выделено в 2006 г. распоряжением главы Златоустовского городского округа для размещения документов бывшего машиностроительного завода им. В.И. Ленина. Решен вопрос и с проектно-сметной документацией для капитального ремонта, но из-за отсутствия средств его проведение отложено на неопределенный срок.

В 1992 г. Златоустовский филиал Челябинского облгосархива был преобразован в архивный отдел администрации г. Златоуста. Перед его сотрудниками встала новая задача – в связи с массовой ликвидацией государственных и частных организаций для обеспечения социальных прав граждан необходимо было сохранить комплекс документов по личному составу.

С этой целью в архивном отделе создали специальное подразделение, которое в январе 2004 г. постановлением главы города выделено в самостоятельное муниципальное учреждение «Архив города Златоуста» со штатом 15 сотрудников.

В настоящее время архивная служба Златоустовского городского округа состоит из архивного отдела администрации, осуществляющего управление архивным делом на территории округа, и муниципального учреждения «Архив города Златоуста». Ее деятельность регулируется, помимо федеральных и областных законов, Положением об общих принципах организации архивного дела на территории Златоустовского городского округа, утвержденным решением Собрания депутатов городского округа от 30 декабря 2005 г. Была разработана Программа развития архивного дела на территории Златоустовского городского округа на 2006–2010 годы, но она так и не утверждена.

Архивная служба финансируется из местного бюджета. В соответствии с законом Челябинской области «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по комплектованию, учету, использованию и хранению архивных документов, отнесенных к государственной собственности Челябинской области» от 27 октября 2005 г., архив получает также из областного бюджета субвенции, необходимые для осуществления государственных полномочий. Они поступают ежегодно, начиная с 2006 г., и используются на оплату труда двух сотрудников, услуг связи, содержание имущества, охранно-пожарную сигнализацию и другие цели. Администрация округа направляет их, в основном, на содержание архива, несмотря на рекомендации Госкомитета по делам архивов Челябинской области употреблять данные средства на улучшение материально-технической базы архива. Единого мнения по расходованию субвенций пока нет. Архивная служба имеет в своем распоряжении также средства, полученные от оказания платных услуг физическим и юридическим лицам.

Сегодня в архиве сосредоточено 486 фондов организаций (370 116 дел за 1786–2007 гг.), пять личных фондов (216 ед. хр.), 395 фотографий за 1890–2001 гг. Его документальные богатства дополняет научно-справочная библиотека, насчитывающая 4307 брошюр, книг и журналов, 293 подшивки газет (центральных, региональных, местных) за 1780–2008 гг.

Документы досоветского периода (последняя четверть XVIII в. – 1917 г.) дают достаточно полное представление о социально-экономическом положении Златоустовского горного округа. По историческим фондам златоустовских заводов можно проследить развитие металлургической промышленности на Южном Урале, населенных пунктов округа, производства стали, чугуна, холодного оружия, снарядов, технического оснащения заводов и рудников, положение горных инженеров, мастеровых и рабочих, участие златоустовских заводов на всемирных и российских выставках, узнать о полученных ими наградах (в Вене, Глазго, Копенгагене, Лондоне, Москве, Нижнем Новгороде, Омске, Париже, Санкт-Петербурге, Стокгольме, Филадельфии, Чикаго). Архивные источники содержат сведения о деятельности на Златоустовском заводе известных русских металлургов П.П. Аносова и П.М. Обухова, зарождении и совершенствовании искусства златоустовской гравюры на стали. Документы фондов городской и земской управ характеризуют быт и культуру населения города и уезда, а также развитие образования и медицины. Данные о состоянии лесного хозяйства, об охра-

не и восстановлении лесов имеются в фондах канцелярии Главного лесничего, лесничих Златоустовской и Кусинской дач. В фондах церквей г. Златоуста и уезда хранится множество клировых ведомостей, послужных списков священников и метрических книг. Не менее информативны документы периода Первой мировой войны и Октябрьской революции.

Советская эпоха представлена фондами местных органов государственных власти и контроля, учреждений юстиции, суда и прокуратуры, планирования и статистики, финансирования и социального обеспечения, здравоохранения, образования, культуры и промышленности. В них хранятся документы, отражающие становление советской власти в Златоустовском уезде, борьбу с голодом, бандитизмом, спекуляцией, детской беспризорностью, деятельность различных артелей, кооперативов, акционерных обществ в период нэпа. Историю Великой Отечественной войны раскрывают документы о выпуске оружия и боеприпасов на заводах горнозаводской зоны, работе госпиталей. Послевоенное время характеризуется многочисленными документами о восстановлении народного хозяйства, превращении горнозаводской зоны в крупный промышленный район, социально-культурной жизни Златоустовского района, развитии образования, науки, медицины.

Документы личного происхождения заключены в фондах златоустовских краеведов Н.К. Тимофеева, В.А. Костромина, М.В. Белюшина, изучаю-

Коллектив архивной службы г. Златоуста: С.Ю. Черепанова (во втором ряду первая справа), А.Б. Додин (в первом ряду в центре)

щих историю Южного Урала и Златоуста. Здесь сосредоточены копии заметок путешественников, воспоминания и статьи. В фонде собирателя южноуральского фольклора И.С. Зайцева хранятся уральские сказания, песни, частушки, а в фонде художника-любителя Ф.З. Ахмадуллина – альбомы с рисунками и набросками, стихотворения, письма, материалы об участии работ художника на Парижской выставке 1976 г.

Архив постоянно пополняется. Сейчас в список № 1 источников комплектования включено 35 организаций: из них семь относятся к федеральной собственности (городской суд, индустриальный техникум им. П.П. Аносова, металлургический колледж, инспекция Федеральной налоговой службы по г. Златоусту, отделение Федерального казначейства по г. Златоусту и др.); четыре – к государственной собственности (городской центр занятости населения, драматический театр «Омнибус», педагогический колледж, леспхоз); 14 – к муниципальной собственности (Златоустовское собрание депутатов, администрация Златоустовского городского округа, Управление социальной защиты населения Златоустовского городского округа и др.); две общественные организации (городской совет ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, городское отделение Челябинского областного отделения КПРФ); восемь негосударственных структур (ОАО «Агрегат», ОАО «Саткинский завод «Магnezит»», ОАО «Ашинский металлургический завод», ОАО «Златоустовский металлургический завод», ОАО «Златоустовский абразивный завод» и др.). Со всеми заключены договоры о сотрудничестве.

Златоустовские архивисты уделяют работе с организациями самое серьезное внимание. Во всех источниках комплектования документы постоянного хранения и по личному составу упорядочены по 2005 г. Заведующие архивами и ответственные за архив лица выполняют требования архивной службы по оформлению и хранению документов, сознавая свою важную социальную миссию. Сотрудники архивной службы проводят семинары, оказывают методическую и практическую помощь в работе с документами в организациях. Из-за частой смены ответственных за архив с ними проводятся индивидуальные занятия по делопроизводству и архивному делу, что, на наш взгляд, более эффективно.

Особую озабоченность архивистов вызывают сегодня вопросы сохранности десятков тысяч документов по личному составу ликвидируемых организаций, расположенных на территории округа. Только в прошлом году от них принято на постоянное и долговременное хранение 2878 дел. Часть документов поступила в россыпи, что потребовало от специалистов архивной службы большой работы по формированию дел (брошюровка, нумерация листов, оформление обложек, составление внутренних описей).

С теплотой и вниманием относятся златоустовские архивисты к участникам Великой Отечественной войны, труженикам тыла, краеведам, известным в Златоусте людям. С ними проводятся встречи, беседы с целью дальнейшего приема их личных архивов на постоянное хранение.

Одним из важнейших направлений в работе архивной службы является предоставление сведений о составе и содержании архивных документов заинтересованным учреждениям и организациям, отдельным гражданам, а также исполнение социально-правовых и тематических запросов, удовлетворение потребностей исследователей в изучении архивной информации.

Подготовка справок социально-правового характера (трудовой стаж, зарплата, награды, имущество) занимает большую часть рабочего времени. Возросший поток поступлений на хранение документов ликвидированных организаций, изменения пенсионного законодательства обусловили увеличение количества обращений в архив от юридических и физических лиц. Так, если в 2005 г. было исполнено 3111 запросов, в 2006 г. – 4112, то в 2008 г. – 5089, причем 95 % с положительным результатом. Каждая выданная архивом справка позволяет получить прибавку к пенсии, пособие или льготу, поэтому работу по обеспечению законных прав и интересов граждан златоустовские архивисты считают первостепенной, тесно сотрудничают с отделениями Пенсионного фонда России, управлениями социальной защиты населения.

В последние годы возросла и доля генеалогических запросов. Горожане активно интересуются историей собственной семьи, подтверждают родственные связи для выезда на постоянное место жительства на родину своих предков.

Архивные документы активно изучаются, вводятся в научный оборот. В течение последнего года в читальном зале архива занимались 86 исследователей (историков, краеведов, студентов, школьников и др.) из Екатеринбурга, Златоуста, Миасса, Москвы, Санкт-Петербурга, Троицка, Уфы, Челябинска, которым выдано 300 описей, 1997 дел, 66 подшивок газет, 86 книг. Тематика научных интересов разнообразна и охватывает широкий временной диапазон: «История традиционной культуры Южного Урала в XVIII – начале XX в.», «Духоборы в России и Канаде в конце XVIII – начале XX в.», «Немецкие мастера-оружейники в Златоусте», «Вклад златоустовцев в Отечественную войну 1812 г.», «Имущественные правоотношения супругов в Российской империи во второй половине XVIII – начале XX в.», «Архитектура Златоуста. 1800–1870 гг.», «История златоустовской гравюры на стали», «Взаимодействие органов советской власти и населения Южного Урала», «История культовых сооружений Южного Урала», «Златоуст – фронт», «Женский социум на Урале в 1920–1930-е гг.: гендерный аспект», «Банки Златоуста в условиях конкуренции» и др. Для исследователей созданы комфортные условия: читальный зал работает четыре дня в неделю с 9 до 16 часов (приезжие обслуживаются и в пятницу), предоставляется необходимый справочный аппарат (описи, каталоги – систематический, именной, газетных статей, тематические перечни документов), литература из научно-справочной библиотеки архива. Для читального зала приобретены новые удобные столы, стулья, настольные лампы; и хотя копировальный аппарат здесь не установлен, исследователи могут изготовить копии нужных текстов в другом служебном помещении.

По документам Златоустовского архива подготовлены и защищены диссертации, опубликованы научные статьи и монографии (И.В. Семенченко «Земство на Южном Урале в 1917–1918 гг.», Е.Д. Королева «Церковно-общественная жизнь православного населения Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX в.», И.И. Вишев «Становление и развитие золотопромышленности на Южном Урале в XIX в.», А.П. Абрамовский, А.В. Буданов «Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг.», О.А. Полянина «Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900–1917 гг.)», С.Н. Куликовских «Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815–1860 гг.)»

и др.). На базе архива проводятся практические занятия юных краеведов, студентов колледжей, изучающих делопроизводство, экскурсии школьников.

Сами архивисты активно популяризируют хранимые документы посредством выставок, публикаций, лекций. В течение пяти последних лет в холле архива были развернуты выставки документов «Автографы Златоустовского архива», «Златоустовская женская гимназия», «Златоуст в фотографиях», «Хранители истории». Налажено тесное сотрудничество с городским краеведческим музеем. Так, проведены совместные выставки «П.П. Аносов и его время», «Горнозаводской край в лицах», которые были размещены в музее, а подготовленная вместе с Госархивом Челябинской области выставка «90-летие государственной архивной службы России» в июне 2008 г. демонстрировалась в здании Законодательного собрания Челябинской области.

Плодом содружества коллектива Златоустовского архива с краеведами, журналистами и учеными стали около 45 документальных сборников и сборников исторических очерков и статей, других изданий, среди которых можно назвать двухтомник «Златоустовская энциклопедия» (Златоуст, 1994, 1997), «На службе Отечеству. По страницам военной истории Златоуста» (Златоуст, 1998), «Челябинская область. 1917–1945 годы» (Челябинск, 1999), «Златоуст – фронту» (Златоуст, 2000), «Златоустовские купола» (Златоуст, 2001), «Энциклопедия Челябинской области» в семи томах (Челябинск, 2003–2007), «Эпоха Аносова» (Златоуст, 2008).

Златоустовские архивисты внесли свой вклад в подготовку «Книги памяти “Златоустовцы – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.”»: по документам уточняли сведения, консультировали составителей. Во время презентации Книги памяти в 2005 г. ее экземпляр был передан в дар архиву на вечное хранение. Сейчас проводится работа по составлению «Книги памяти “Златоустовцы – труженики тыла”», в которой также участвуют архивисты.

Важное место в деятельности архивной службы отводится связям с общественностью и жителями города. Архив имеет свой электронный адрес, планирует создание собственного сайта.

Архивная служба г. Златоуста располагает современной оргтехникой: 13 компьютерами, семью принтерами, сканером, копировальными аппаратами; имеется цифровой фотоаппарат, и с 2006 г. архивисты ведут фотолетопись важнейших событий городской жизни, однако база данных (БД) электронных фотодокументов пока в проекте.

Для учета архивных фондов используется программный комплекс «Архивный фонд», поступающих запросов – БД «Регистрация социально-правовых запросов». Также имеются БД «Отвод земли», «Журнал регистрации постановлений главы города», «Присвоение звания “Ветеран труда”», которые постоянно пополняются.

В архивной службе Златоуста сложился коллектив профессионалов, каждый из которых вносит частичку своего труда в дело сбережения архивного наследия. Начальник архивного отдела, стоявшая у истоков организации массового приема дел от ликвидируемых организаций, почти четыре года руководит всей службой. Главный специалист отдела Ирина Борисовна Шубина трудится здесь 22 года, имеет высокую квалификацию, отвечает за использование документов, осуществляет организационно-методическое ру-

ководство и надзор за состоянием архивов и делопроизводством источников комплектования архивного отдела.

С 2007 г. директором муниципального учреждения «Архив города Златоуста» является Андрей Борисович Додин; он контролирует своевременное исполнение сотрудниками социально-правовых запросов юридических и физических лиц, активно сотрудничает с организациями по подготовке нового помещения архива. В штате архива еще 12 специалистов, стаж архивной работы которых составляет от пяти до двадцати лет: заместитель директора архива Евгений Петрович Пантюхин отвечает за исполнение запросов социально-правового характера, обеспечение оргтехникой и ее функционирование; главный архивист Наталья Александровна Осипова организует выставки документов, работу читального зала, комплектование личных фондов, занимается популяризацией документов в СМИ, проводит экскурсии по архиву; главный архивист Минсулу Мингалеевна Крапчинская участвует в подготовке радиопередач, занимается каталогизацией документов, выступает с лекциями; главный хранитель Ольга Владимировна Романова ведет учет документов, выдает дела исследователям и сотрудникам, вносит сведения в БД «Архивный фонд»; ведущие архивисты Валентина Борисовна Казначеевко, Елена Петровна Игупова и архивист Лена Рауфовна Рамазанова выполняют обязанности по упорядочению документов по личному составу ликвидированных предприятий, исполняют запросы социально-правового и тематического характера; ведущий архивист Олег Александрович Курышов и архивисты Любовь Георгиевна Закомлистова, Ирина Михайловна Богданова, Людмила Николаевна Клемчук исполняют запросы социально-правового характера.

Свое 85-летие архивная служба г. Златоуста встречает с оптимизмом. Несмотря на трудности и проблемы, связанные главным образом с отсутствием свободной архивной полки, ее развитие продолжается: пополняется и сохраняется архивный фонд города, граждане и организации получают необходимую документную информацию.

¹ Златоустовский архивный отдел. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 135. Л. 87 об.

² Там же. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.

³ Там же. Ф. Л. 14.

⁴ Там же. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 1251. Л. 325.

⁵ Там же. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 34. Л. 17.

**«...Наградить ученых, инженеров, конструкторов
за выполнение спецзадания правительства»
Воспоминания М.П. Дьячковой об истории дачного
поселка ученых-ядерщиков. 1950–2005 гг.**

В последние годы появляется все больше информации о работах, которые велись в СССР по атомной энергетике, почти не освещавшихся до 1990-х гг. прошлого века. Выходят в свет научные исследования, публикуются воспоминания и другие документы¹. С 1999 г. издается трехтомник «Атомный проект СССР: Документы и материалы»², где впервые за 60 лет открыто названы имена его участников.

Настало время дополнить известные публикации небольшой документальной зарисовкой о частной жизни ученых-атомщиков 1950–1960-х гг. в подмосковном дачном поселке. Он возник, когда после завершения в 1949 г. очередного этапа работ по созданию атомной бомбы и ее успешного испытания секретным постановлением Совмина СССР от 14 февраля 1950 г. было принято решение о награждении ряда ученых, стоявших у истоков ядерных исследова-

П.А. Деленс с женой и дочерью (Маргарита Дьячкова). 1951 г. Из семейного архива

ний и практического использования атомной энергии в СССР, собственными дачами, построенными за счет государства³.

Само по себе существование дачного поселка для работников одной отрасли не редкость. Однако все, что связано с данным поселком и его первыми жителями, уникально. Документация по проектированию, финансированию, подрядным работам была в основном засекречена. Фамилии и род деятельности обитателей дач не подлежали огласке, многих из них охраняли. Место для поселка выбиралось таким образом, чтобы не привлекать внимания к нему и его охране. Поэтому и спрятали новостройку внутри поселка Совмина Жуковка, достаточно известного среди местных жителей. Возводились они одновременно, но дачи для ученых – силами совершенно других, секретных подрядных организаций. В конечном итоге удалось достигнуть желаемого результата – ведомственная принадлежность и род деятельности его жителей не привлекали внимания.

Давно уже нет старожилов поселка, однако существует место, где они отдыхали и, конечно, не переставали работать. Хотелось бы сохранить память о появлении этого дачного места в Подмосковье, описать его первоначальный вид, а также рассказать, как мне, дочери одного из участников атомного проекта П.А. Деленса⁴ и архивисту по образованию и роду деятельности, удалось разыскать документы по истории строительства поселка.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **М.П. ДЬЯЧКОВОЙ.**

¹ Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995; *Файн Б.* Активная зона. Повесть об атомном институте. М., 1998; Создано под руководством Н.А. Доллежала. О ядерных реакторах и их творцах. М., 2002; *Лазарев Н.М.* Океанский ракетно-ядерный флот Советского Союза в биографиях его творцов, создателей и военноморских корабельных инженеров-механиков: В 2 т. М., 2003; У истоков атомной отрасли: Сб. ст. М., 2004; А.С. Займовский – путь ученого, портрет человека: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения член-корр. АН СССР А.С. Займовского. М., 2005; и др.

² Атомный проект СССР: Док. и материалы: В 3 т. 7 кн. М.; Саров, 1999–2005.

³ Там же. Т. 2. Кн. 5. С. 179–181.

⁴ Деленс Павел Антонович (1904–1985) – инженер-конструктор, д-р техн. наук, зам. директора Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники (НИКИЭТ), участник атомного проекта. Специалист в области реакторостроения. Разработчик корпуса ядерной энергетической установки для первой отечественной подводной лодки и ряда наземных реакторных установок. Дважды лауреат Сталинской премии, Ленинской премии, награжден двумя орденами Ленина, золотой медалью им. И.В. Курчатова и др.

История дачного поселка ученых-ядерщиков

В 1951 г. мой отец получил собственную дачу в небольшом поселочке в десяти минутах ходьбы от железнодорожной станции Ильинское Усовской ветки Белорусской железной дороги. В то время там были построены 14 дач, которые предназначались В.И. Алферову¹, А.Н. Вольскому², П.А. Деленсу, Н.А. Доллежалю³, Н.Л. Духову⁴, А.С. Займовскому⁵, Я.Б. Зельдовичу⁶, И.К. Кикоину⁷, В.Д. Никольскому⁸, Н.В. Риллю⁹, Г.Н. Флерову¹⁰, Ю.Б. Харитону¹¹, И.И. Черняеву¹², К.И. Щелкину¹³. Несколько участков оставались незастроенными.

Дома стояли в три ряда друг за другом, на больших лесистых участках, каждый около гектара. Заборы из редкого штакетника, отделявшие один участок от другого, и дома, которые, хотя и были двухэтажными, не портили общей картины лесного массива. Кругом были ели и елочки, вперемешку с березами, осинами и дубами и густые заросли орешника. Асфальтовые аллейки пролегали перед первым рядом дач и между вторым и третьим. Первая дорога вела на Рублевское шоссе. Перпендикулярно им, там, где кончались участки, шла дорога на железнодорожную станцию. В то время электрички здесь не было, и по Усовской ветке ходил паровоз с несколькими вагонами два раза в день. Электричка появилась только через несколько лет.

Лес, который продолжался за нашими участками с двух сторон поселка, был нетронутым, в нем водились дикие кабаны, лоси и множество белочек. С двух других сторон наш поселок непосредственно граничил с участком большого дачного поселка, где шло строительство. Было известно, что это поселок Жуковка, дачи которого предоставлялись чиновникам Совмина на летний сезон. Наш поселок тогда не имел названия, во всяком случае, его никак не называли.

Мы жили совершенно обособленно, на одном из наших участков находился «хоздвор», куда можно было обратиться в случае какой-либо надобности. Из 14 построенных дач 10 были деревянными и четыре кирпичными. Планировка их была довольно проста, но очень удобна. Дом имел большую кухню, столовую, гостиную, спальни располагались на втором этаже, где была ванная комната. У дома были две веранды, закрытая и открытая, и два балкона на втором этаже. В подвале находился котел, который топился дровами для подогрева воды в батареях, обогревающих комнаты. В начале 60-х гг., когда к поселку был проведен магистральный газ, его заменили на газовый. Обставлены дачи были добротной мебелью, кстати, не утратившей своего назначения до сегодняшних дней. Конечно, по сравнению с нынешними загородными коттеджами с бассейнами и саунами все это не впечатляет. Однако мне, жившей тогда в городе с папой и мамой в одной комнате в здании бывшего техникума (там жили многие сотрудники папиного института), дом казался невиданной роскошью.

Из всех жителей нашего поселка я знала, да и то только по фамилии, Николая Антоновича Доллежала, так как он был директором института, в котором папа работал его заместителем. Фамилии остальных мне были неизвестны, я не имела представления о том, где они работали и чем занимались. Впрочем, весьма смутно я представляла и то, чем занимался папа, и уж тем более не знала о том, что дачи являются наградой за достигнутые успехи в атомной отрасли. О своей работе дома папа никогда не говорил (во всяком случае, со мной), да и видела я его в послевоенные годы мало. Он практически всегда был на работе, и даже летом отпуска у него не было, а меня отправляли в пионерский лагерь. И, живя на даче, я никогда не слышала ни от папы, ни от других обитателей поселка каких-либо разговоров об их работе.

Скоро я познакомилась с детьми наших соседей и их родителями, которые к моему удивлению между собой были знакомы. Над тем, что могло быть общего в их жизни, я тогда не задумывалась, это меня не очень интересовало.

Я только что поступила в институт, у меня появилось много друзей, которые очень любили приезжать к нам на дачу собирать грибы и ягоды, рос-

шие как на участке, так и в лесу, в 10 м от дома. Папу я теперь видела чаще: летом вся наша семья жила на даче, и папа отсюда ездил на работу. И взрослые, и молодежь нашего поселка часто устраивали прогулки в лес, летом пешком, зимой на лыжах, там были чудесные тропинки и аллеи старых высоких елей. На участках играли в волейбол и настольный теннис. Иногда можно было увидеть кого-нибудь из взрослых обитателей, которые, беседуя между собой, прогуливались по двум аллеям нашего поселка. Это называлось ходить по «малому кругу». Много позже я узнала, что во время этих прогулок решались важнейшие научные вопросы, высказывались различные мнения, происходили споры.

Надо сказать, что на следующий год после заселения поселка за дорогой, которая проходила перед первым рядом наших дач, был построен забор и продолжилось строительство дачного поселка Жуковка. Таким образом, мы оказались в его центре, не выделяясь ничем особенным для постороннего глаза.

Через три года я вышла замуж, и у меня родился сын, а затем и дочка. Появились внуки и у наших непосредственных соседей Зельдовичей, семью которых я знала больше всего, хотя бывала и у Займовских, и у Доллежалей. Подрастало 3-е поколение и на других дачах. Теперь в волейбольных матчах на площадке у Зельдовичей наряду со старшими стали участвовать самые маленькие жители поселка. Матчи по настольному теннису проходили на нашем участке.

Я, конечно, уже, знала, кто эти люди, которые здесь на даче вели себя как обычные смертные, шутили, смеялись, с упоением ходили на лыжах. Однако по-прежнему не представляла, с чем конкретно связана их деятельность и насколько важны открытия, сделанные ими в теоретической физике, металлургии, химии, атомном машиностроении. Мне они представлялись обыкновенными людьми. Всегда улыбался при встрече Андрей Дмитриевич Сахаров¹⁴, который появился у нас в поселке несколько позже, шутил Яков Борисович Зельдович, а Александр Семенович Займовский очень любил читать наизусть стихи и знал их множество.

На наших свободных участках было построено еще пять дач, на двух из которых стали жить А.Д. Сахаров и И.Е. Тамм¹⁵ со своими семьями. Немецкий ученый физик Н.В. Риль продал свою дачу Мстиславу Ростроповичу, а академик И.И. Черняев – Дмитрию Шостаковичу. Наш поселок пополнился музыкантами. Вновь построенные дачи так же, как и первые четырнадцать, были двухэтажными, но несколько отличались планировкой. С этого времени как-то незаметно вошло в обиход называть наш поселок Жуковкой, хотя мы по-

П.А. Деленс (слева) и Н.А. Доллежалъ. Начало 1960-х гг. Из семейного архива

прежнему были совершенно обособлены. Правда, я посещала продовольственную палатку на территории соседей, проникая туда через дыру в заборе, отделявшем их территорию от нашей. А когда там построили кинотеатр, его стали посещать и старшее поколение, и молодежь нашего поселка. Однако для этого надо было на КПП перед территорией соседей предьявить специальный пропуск, который папа где-то получал (и все остальные тоже). Впрочем, молодежь и особенно дети предпочитали дыру в заборе, ее периодически заделывали, но она мгновенно появлялась в другом месте.

Иногда к нам в поселок, к Н.А. Доллежалю приезжал Игорь Васильевич Курчатов¹⁶, за глаза его называли Борода. Тогда к ним для беседы присоединялся и папа. Позже я узнала, что в это время началось проектирование первой советской атомной лодки. Было это в начале 50-х гг. прошлого века. Папа стал часто и надолго уезжать в Северодвинск, где проходили испытания лодки. Он участвовал в ее монтаже, загрузке атомным топливом, ходил в испытательные походы в море вместе с экипажем для наблюдения за состоянием ядерной установки. Все это я узнала, конечно, впоследствии, а тогда, живя на даче (это было уже в конце 50-х годов), я оказалась свидетелем лишь следующего эпизода. Как-то в один из дней папа привез на дачу деревянную конструкцию, похожую на носовую часть подводной лодки, и приспособил ее под сарай. Впрочем, сараем ее никогда не называли. Говорили: «Возьми пилу в лодке» или «Положи инструменты в лодку» и т.д.

На мои вопросы о том, что это такое, мне ничего толком не объяснили. И только много лет спустя я узнала, что это был макет отсека первой отечественной атомной подводной лодки, для которой папой была разработана конструкция корпуса ядерной энергетической установки. Макет находился на наземном стенде в Обнинске, где папа также проводил много времени. Когда же макет стал не нужен, папе, очевидно, было жаль с ним расставаться. Слишком много сил он отдал созданию своего детища. И наш сарай-лодка напоминал ему обо всем, что было связано с этой работой. За нее в 1959 г. папа получил Ленинскую премию.

Приходят на память и различные происшествия, которые случались в нашем поселке. Однажды, например, на участок Духовых забрел лось. Мой сын, сидя на заборе, руководил ватагой ребятишек, объясняя им, что надо делать, чтобы выманить его за пределы участка. В другой раз та же ребятня на полянке в лесу, к которому примыкал поселок, развлекалась тем, что бросала в костер банки из-под аэрозоля. Банки, естественно, взрывались, вызывая бурный восторг. Буквально через 10 минут появился из-за деревьев «грибник» с пустой корзиной, который устроил ребятам разнос и потребовал пригласить кого-нибудь из взрослых. Мне пришлось объясняться и обещать, что это не повторится. Такие «грибники, заблудившиеся в лесу» нередко встречались возле наших дач, хотя в то время мне каждый раз казалось это случайностью. Только теперь, познакомившись с опубликованными документами о том, как была организована охрана Н.Л. Духова, И.К. Кикоина, Ю.Б. Харитона и других, я до конца поняла, под каким бдительным оком жил наш поселок.

Вспоминается еще случай, когда разразился скандал по поводу того, что дети подкрасили дорожный знак скорости, который стоял при въезде в наш поселок. На этот раз пришлось объясняться не мне, так что подробностей я не помню.

Подобные детали быта дают некоторое представление о том особом положении, в котором находился поселок.

Желание собрать документальные сведения о поселке и его старожилах появилось у меня еще в 1999 г., когда широко отмечался юбилей первых успешных атомных испытаний в нашей стране. К тому времени жив был только Н.А. Доллежалъ.

Но сразу у меня ничего не получилось. Постановления Совмина и указы Верховного Совета СССР о наградах, касающиеся атомной проблематики, были на закрытом хранении. Я же на руках имела лишь выписку из постановления Совмина СССР от 14 февраля 1950 г., где предписывалось Мосгорисполкому «отвести Главгострою СССР... вблизи селений Барвиха, Жуковка 20 га земельной площади в одном массиве»¹⁷.

Фонд Мосгорисполкома в Центральном муниципальном архиве Москвы (ЦМАМ) также был недоступен для свободного пользования. Что за учреждение Главгострой и где хранится его фонд, я установить не смогла, так как в справочных пособиях он не значился. Мысль о том, что это название вымышленное, мне тогда в голову не пришла. Я знала, что началось издание сборника документов «Атомный проект СССР...» и что в нем будут опубликованы полностью постановления Совмина СССР за 1949 и 1950 гг. о награждениях. Они должны были войти во второй том сборника. Мне было известно также, что в РГАСПИ хранятся протоколы заседаний Политбюро ЦК компартии. Обратившись к ним, я нашла протокол заседания Политбюро от 29 октября 1949 г., где в п. 564 говорилось: «...наградить

Ю.Б. Харитон (слева) и Я.Б. Зельдович. 1974 г. Из семейного архива

ученых, инженеров, конструкторов за выполнение спецзадания правительства»¹⁸. Но суть «спецзадания» не раскрывалась. Оставалось ждать опубликования постановлений Совмина СССР за 1949 и 1950 гг.

Когда в 2005 г. вышел 2-й том сборника «Атомный проект СССР...», я смогла, наконец, прочитать полностью постановление правительства и указ Верховного Совета СССР о награждении лиц за достигнутые успехи и научные открытия в атомной отрасли. Оказалось, что в АП РФ документы хранились в «особой папке»¹⁹. Кроме того, я поняла, почему мои поиски фонда учреждения под названием Главгорстрой не давали результата. Из опубликованного в сборнике документа выяснилось, что это было условное наименование 1-го Главного управления Совмина СССР, возглавлявшего все теоретические и практические работы в области атомной энергетики. Большая часть материалов управления, разумеется, до сих пор недоступна, так как содержит государственную тайну.

Я решила подробнее ознакомиться с фондом Совмина в ГАРФ, чтобы понять, какие его структурные части могли иметь отношение к вопросам строительства вообще и, может быть, к строительству поселка Жуковка, которое особой секретности не представляло. Там я надеялась разыскать хоть какие-нибудь сведения о нашем поселке.

Действительно, в описи документов хозяйственного подразделения Управления делами Совмина СССР оказались документы о строительстве дач в Жуковке. Просмотрев их за 1950–1960 гг., узнала о том, что поселок, в центре которого находились наши дачи, назывался Жуковкой-2 и что строительство в нем велось в две очереди. Началось оно в 1950 г., потом почему-то число запроектированных дач уменьшили со 100 на 75²⁰, а после пересмотра и уточнения в декабре 1951 г. генерального плана строительство 2-й очереди продолжили только в 1952 г. На основании этих сведений удалось выяснить, что за период с 1950 по 1951 г. были размечены участки и выстроены первые дачи на земле, отведенной Главгорстрою для поселка, там, где ранее предполагалось строить дачи для Жуковки-2. После чего продолжилось строительство последней, расположившейся теперь за нашим поселком. Таким образом, поселок атомщиков оказался посреди дач Совмина.

Найденные документы называли Главгорстрой сторонней организацией; в них упоминалось о том, что забор со «стороны дороги поселка Главгорстроя» начали возводить в 1952 г.²¹ Нашлась также выкопировка из плана Кунцевского района, на котором дачный поселок Главгорстроя обозначен в середине дачного поселка хозяйственного управления Управления делами Совмина СССР²². Все это совпадало с моими воспоминаниями. Таким образом, я получила документальное подтверждение, хотя и косвенное: в 1951 г. наш поселок уже существовал и был в ведении Главгорстроя СССР, т.е. принадлежал 1-му Главному управлению Совмина СССР.

Из сборника «Атомный проект СССР...» выяснилось, что все объекты, находившиеся в ведении 1-го Главного управления, носили названия контор, баз, складов и других объектов Главгорстроя СССР. Отсюда и название нашего поселка в тех случаях, когда он упоминался в документах, открытых для общего пользования: поселок Главгорстроя.

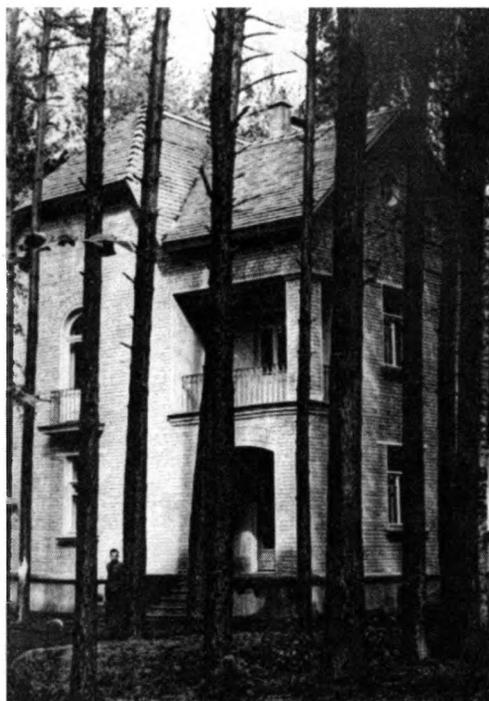
Из того же сборника было известно, что в 1953 г. 1-е Главное управление ликвидировали, а все его дела передали в Министерство среднего машиностроения. Передо мной возникла новая задача – подтвердить ведомст-

венную принадлежность поселка после 1953 г. Где искать подобные сведения, я не очень представляла, но решила ознакомиться с материалами Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО). Для просмотра были отобраны два фонда: «Бюро планировки и отвода земли» и «Кунцевский райсовет». Изучение документов первого фонда удачи не принесло, зато во втором оказался любопытный документ – протокол заседания исполкома Кунцевского райсовета, датированный 21 февраля 1950 г., т.е. неделю спустя после выхода постановления Совмина об отведении земли Главгосстрою. В нем говорилось о принятии решения выделить участок земли в 0,20 га под строительство фидерной электростанции на территории с. Барвиха для «спецобъекта Совмина»²³. 27 марта это решение было утверждено председателем исполкома Мособлсовета²⁴.

Мы видим, насколько оперативно началась подготовка к строительству поселка, хотя понять, о чем идет речь, невозможно, не зная других документов.

Ничего более конкретного в фондах ЦГАМО обнаружить не удалось. Можно было, конечно, сразу же идти в Центральный архив научно-технической документации Москвы (ЦАНТДМ), но надежда найти еще какие-нибудь косвенные сведения о строительстве поселка заставила меня обратиться сначала в Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Предполагалось, что в фондах Министерства городского строительства и сменившего его в 1950 г. Главгосстроя СССР может находиться информация об утверждении каких-либо документов по строительству нашего поселка (пусть даже под условным названием). Могла что-нибудь прояснить и переписка Главгосстроя и Министерства городского строительства с подведомственными им учреждениями. Однако желаемый результат не был достигнут. Встретилось множество технических проектов и других документов по строительству, утверждавшихся в Главгосстрое, но они не относились к нужному ведомству²⁵. Последнее убедило в том, что подобные документы о строительстве нашего поселка утверждались непосредственно в 1-м Главном управлении Совмина СССР и, соответственно, хранятся не в РГАЭ. К тому же, из постановления Совмина СССР от 14 февраля 1950 г. было известно, что стоимость работ по строительству поселка определялась в двухмесячный срок самим управлением²⁶.

Еще одна попытка выйти на какие-нибудь конкретные документальные сведения, оттолкнувшись от документов Главгосстроя, также не увенчалась успехом. В переписке Главгосстроя и Мосгорисполкома

Дом А.Д. Сахарова.
ЦАНТДМ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 1422. Л. 42

встретились упоминания о проведении во второй половине 1950 г. рядом организаций Мосгорисполкома «спецработ» по строительству в Подмоскovie. Просмотр хранящихся в ЦМАМ документов этих учреждений за 1950 г. ничего полезного не принес. В одном лишь документе фонда Управления водопроводно-канализационного хозяйства Подмоскovie глухо упоминалось, что Главгорстроем СССР технического задания на проведение работ не было представлено²⁷.

Последнее, что оставалось в поиске, это ознакомиться в ЦАНТДМ с документами Архитектурно-планировочного управления, которое в 1950-е гг. находилось при Мосгорисполкоме.

Я уже потеряла всякую надежду найти документы, подтверждающие существование дач, построенных по постановлению Совмина СССР от 14 февраля 1950 г. И тут меня ожидала награда за все труды! Нашлись ни больше ни меньше, как акты приемки наших 14 дач!²⁸ Теперь у меня было прямое документальное подтверждение даты основания поселка: это июнь 1951 г. К актам приложены фотографии внешнего вида строений²⁹. Неожиданно я узнала и официальное название поселка – Барвиха, оставшееся для его жителей тайной.

В одном из документов сообщалась дата принятия Мосгорисполкомом решения об отведении участка земли под строительство поселка. Оно было вынесено через два месяца после постановления Совмина – 27 апреля 1950 г. Само решение вместе с земельным планом до сих пор находятся на закрытом хранении в ЦМАМ. Управлением по делам архитектуры 8 июля 1950 г. был утвержден типовой проект строительства дач, начавшегося

Дом П.А. Деленса. ЦАНТДМ. Ф. 3. Оп. 27. Д. 1140. Л. 30

в том же месяце. В документах АПУ содержалось также подтверждение о передаче поселка из 1-го Главного управления Совмина в ведение Министерства среднего машиностроения. Схема водоснабжения, канализации и электроснабжения поселка подтверждала его автономность.

Значительный интерес представлял схематический план поселка, разделенного на 27 участков, на одном из которых находились «обслуживающие постройки» (водонапорная башня, электроподстанция и др.). На плане отмечено 14 дач, построенных в 1951 г., и пять дач – в 1957 г.³⁰

Типовой проект, по которому строились дачи в 1956–1957 гг., отличен от первого. Об этом строительстве сохранилось больше общедоступных документов: имеется рабочий проект и пояснительная записка к архитектурно-строительной части с подробным описанием дачи³¹, приложена фотография ее внешнего вида³² и др.

Интересно, что в одном из документов адресом строительства указывается Жуковка. Другие документы по-прежнему называют поселок Барвихой. Надо сказать, что именно под этим названием поселок в 1960 г. перешел в ведение Академии наук СССР.

Этот факт нашел подтверждение в документах, выявленных в архиве Академии наук. 27 января 1960 г. был составлен акт о передаче от Министерства среднего машиностроения «дач и сооружений в поселке Барвиха»³³ на баланс Академии наук СССР. Акт утвержден академиком А.Н. Несмеяновым и министром среднего машиностроения Е.П. Славским 2 февраля 1960 г.³⁴ По распоряжению Президиума АН СССР от 27 мая 1960 г. в жилищно-коммунальном отделе Управления делами АН СССР был организован аппарат управления дачным поселком Барвиха³⁵.

Всего в подмосковном дачном поселке для участников «атомного проекта» построили 16 дач. За год были сооружены и отлажены системы водоснабжения, электроснабжения и канализации поселка, дачи меблированы и сданы в эксплуатацию.

Так окончилось увлекательное путешествие по архивам в поисках документов о дачном поселке, в котором прошла моя юность рядом с людьми, причастными к одному из самых, пожалуй, значимых научных открытий XX в. Специфика деятельности наложила отпечаток и на их жизнь. Им вручали ордена, но знали об этом немногие, им присваивали звание Героев Социалистического Труда и лауреатов Государственной премии, но об этом молчала пресса, и поселок, состоящий из дач, дарованных в собственность «засекреченным» людям, старались сделать менее заметным.

Может быть, мои воспоминания и изыскания помогут создать небольшой музей поселка и подвигнут других дачников на воспоминания.

Семейный архив М.П. Дьячковой. Рукопись.

¹ Алферов Владимир Иванович (1904–1995) – физик, д-р техн. наук, контр-адмирал, разработчик нового вида торпеды. С 1948 г. зам. главного конструктора КБ-11 Приволжской конторы Главгорстроя СССР (научно-конструкторского центра создания атомной бомбы, Арзамас-16, ныне – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики). Участник первого испытания атомной бомбы. С 1950-х гг. работал в системе Министерства среднего машиностроения, с 1964 г. зам. министра. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, дважды лауреат Сталинской премии, награжден пятью орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, тремя – Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды и др.

² Вольский Антон Николаевич (1897–1966) – металлург, акад. АН СССР, участник атомного проекта. Специалист в области металлургического производства плутония и теории химических равновесий в расплавах в цветной металлургии. Дважды лауреат Сталинской премии, Ленинской премии, награжден тремя орденами Ленина и др.

³ Доллежалъ Николай Антонович (1899–2000) – инженер-теплотехник, акад. АН СССР. С 1942 г. главный инженер, затем директор НИИХИММАШа. С 1952 г. директор Специального института 1-го научно-исследовательского центра ядерного машиностроения, позднее НИКИЭТа (ныне – НИКИЭТ им. Н.А. Доллежала). Участник атомного проекта. Разработчик серии канальных уран-графитовых энергетических реакторов. Главный конструктор первой в мировом реакторостроении моноблочной установки и ее модификаций. Дважды Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии, дважды – Государственной и Ленинской премий, награжден шестью орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «За заслуги перед Отечеством» II степени, золотой медалью им. И.В. Курчатова и др.

⁴ Духов Николай Леонидович (1904–1964) – инженер-конструктор, член-корр. АН СССР, генерал-лейтенант. Разработчик конструкции первого отечественного плутониевого заряда. Зам. главного конструктора КБ-11. Участник испытаний атомной и водородной бомб. Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат пяти Сталинских премий, Ленинской премии, награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Суворова II степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и др.

⁵ Займовский Александр Семенович (1905–1990) – металлург, член-корр. АН СССР, специалист в области рафинировочной плавки черного металлического урана и термомеханической обработки урановых блочков. Участник атомного проекта, разработок по введению в производство плутониевых зарядов. Четырежды лауреат Сталинской премии, Ленинской премии, награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и др.

⁶ Зельдович Яков Борисович (1914–1987) – физик и астрофизик, акад. АН СССР, член более десяти иностранных АН, специалист в области релятивистской астрофизики и теоретической физики. Участник атомного проекта и разработки полной космологической теории. Трижды Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии, Ленинской и Государственной премий, награжден тремя орденами Ленина, золотыми медалями К.Брюс Тихоокеанского астрономического общества и Лондонского Королевского астрономического общества и др.

⁷ Киоин Исаак Константинович (1908–1984) – физик-экспериментатор, акад. АН СССР, специалист в области разделения изотопов урана диффузионным методом, участник атомного проекта. Руководитель исследований в области физики твердого тела. Дважды Герой Социалистического Труда, четырежды лауреат Сталинской премии, Ленинской и Государственной премий, награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, золотыми медалями им. И.В. Курчатова и им. П.Н. Лебедева и др.

⁸ Никольский Всеволод Дмитриевич (1896–1969) – химик, специалист в области разработки части технологического процесса металлургии. Участник атомного проекта. Руководитель радиохимической группы Всесоюзного электротехнического института. Дважды лауреат Сталинской премии, Ленинской премии, награжден двумя орденами Ленина и др.

⁹ Риль Николаус (Николай Васильевич) (1901–1991) – немецкий ученый, физик, радиохимик, профессор Мюнхенского технического университета. Специалист в области разработки и внедрения в производство технологии изготовления чистого металлического урана. Участник атомного проекта. С 1946 г. с группой немецких ученых занимался разработкой процесса получения урана. Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, награжден орденом Ленина и др.

¹⁰ Флеров Георгий Николаевич (1913–1990) – физик, акад. АН СССР, специалист по исследованию процессов, происходящих при столкновении сложных ядер. Участник атомного проекта. В 1943–1960 гг. руководитель сектора Института атомной энергии им. И.В. Курчатова, с 1960 г. директор лаборатории ядерных реакций Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна). Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Сталинской премии, Ленинской и Государственной премий, награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, золотыми медалями им. Д.И. Менделеева и им. И.В. Курчатова и др.

¹¹ Харитон Юлий Борисович (1904–1996) – физик и физикохимик, акад. АН СССР, один из основоположников ядерной физики в СССР, специалист в области

исследования процесса детонации и динамики взрыва. Участник атомного проекта. Главный конструктор атомной бомбы. Трижды Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской премии, награжден пятью орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, золотыми медалями им. И.В. Курчатова и им. М.В. Ломоносова и др.

¹² Черняев Илья Ильич (1893–1966) – химик, акад. АН СССР, специалист в области химии платиновых металлов и актиноидов, выделения и очистки плутония и создания его промышленной технологии. Участник атомного проекта. Четырежды лауреат Сталинской премии, награжден четырьмя орденами Ленина и др.

¹³ Щелкин Кирилл Иванович (1911–1968) – физик, член-корр. АН СССР, специалист в области горения, детонации и роли турбулентности в этих процессах. Участник атомного проекта. Зам. главного конструктора атомной бомбы. Участник первого испытания атомной бомбы. Трижды Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской и Государственной премий, награжден четырьмя орденами Ленина и др.

¹⁴ Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) – физик, акад. АН СССР, правозащитник. Разработчик научно-технической основы создания водородной бомбы. Специалист в области исследования элементарных частиц, гравитации и структуры Вселенной. Лауреат Нобелевской премии мира, Сталинской и Ленинской премий, трижды Герой Социалистического Труда, награжден орденом Ленина и др.

¹⁵ Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971) – физик, акад. АН СССР, специалист в области квантовой механики, физики твердого тела, ядерной физики. Впервые описал движение частиц в среде со скоростью, превышающей скорость света в этой среде. Лауреат Нобелевской премии, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Сталинской премии, награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, золотой медалью им. М.В. Ломоносова и др.

¹⁶ Курчатov Игорь Васильевич (1903–1960) – физик, акад. АН СССР, исследователь процессов нейтронной физики. Один из создателей ядерной физики в СССР. Специалист в области процесса деления тяжелых ядер и изучения самопроизвольного распада ядер урана. Научный руководитель работ по созданию атомного оружия. Руководитель работ по запуску первого отечественного уран-графитового реактора. Основатель и первый директор Института атомной энергии. Трижды Герой Социалистического Труда, четырежды лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской премии, награжден пятью орденами Ленина, Золотой медалью Ф. Жолио-Кюри и др.

¹⁷ АП РФ. Ф. 93. Коллекция постановлений и распоряжений СМ СССР за 1950 г. Публ.: Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 5. С. 179–180.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1078.

¹⁹ Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 5. С. 530–562, 565–605.

²⁰ ГАРФ. Ф. 9542. Оп. 1. Д. 143. Л. 97–100.

²¹ Там же. Оп. 7. Д. 1544. Л. 2–3.

²² Там же. Оп. 2. Д. 52. Л. 5.

²³ ЦГАМО. Ф. 7887. Оп. 1. Д. 441. Л. 8.

²⁴ Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 3330. Л. 141.

²⁵ См.: РГАЭ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1, 3, 13, 14, 17–31, 208–238, 248, 271, 340, 344; Оп. 2. Д. 1–5, 13, 63; Ф. 9510. Оп. 1. Д. 12–14, 17, 21–53, 61, 67–69, 73, 85, 86, 89, 102–107, 109, 131, 136, 153, 163, 164, 175–179, 345, 350, 353; Оп. 3. Д. 16; Оп. 4. Д. 57–62.

²⁶ Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 5. С. 179–181.

²⁷ ЦМАМ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

²⁸ ЦАНТДМ. Ф. 3. Оп. 27. Д. 1140. Л. 2–3 об., 10–11 об.

²⁹ Там же. Л. 26, 30.

³⁰ Там же. Оп. 22. Д. 1421. Л. 28.

³¹ Там же. Д. 1421. Л. 1–2, 23–27.

³² Там же. Д. 1422. Л. 42.

³³ Архив РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 291. Л. 14.

³⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 13. Д. 262. Л. 106.

³⁵ Там же. Л. 104.

«Они сохраняли традиции старой университетской дореволюционной школы...» Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. Конец 1940-х – 1960-е гг.

Историко-архивный институт (ИАИ) по праву признан одним из немногих вузов, обеспечивавших в условиях идеологизации советской высшей школы достижение подлинного профессионализма, традиционного для российской исторической науки. Он фактически стал социокультурным феноменом, становлению и развитию которого посвящено множество работ¹, в том числе касающихся конкретных кафедр и студенческих научных кружков².

Источниковая база подобных исследований продолжает пополняться публикациями интервью и воспоминаний бывших студентов и преподавателей института³. Одновременно растет и корпус неопубликованных источников; значительную их часть составляют аудиовизуальные документы, отложившиеся в структурных подразделениях РГГУ и других организаций, в государственных и частных архивах.

Настоящая публикация – опыт издания текстов фонодокументов, возникших в ходе подготовки сборника мемуаров выпускников ИАИ, из личного архива одного из его составителей. Идея создания книги к 75-летию института для последующего тиражирования или размещения в Интернете, выдвинутая группой студентов факультета архивного дела, не была полностью реализована. В течение 2007 г. удалось собрать и изучить библиографию, составить примерный список интервьюируемых лиц, а затем осуществить звукозапись их воспоминаний. Мемуаристам предлагался перечень из 11 вопросов, подготовленный в традициях устной истории⁴: 1. Поступление. 2. Интересные случаи на экзаменах и зачетах. 3. Столовая. 4. Досуг. 5. Учителя и преподаватели. 6. Кружковая культура, интересные и запомнившиеся доклады. 7. Дипломное сочинение и диссертация. 8. Преподавательская работа (если была). 9. Организация работы института. 10. Ректор и атмосфера вуза, партийная организация и институт, диссидентство. 11. Общежитие.

В процессе работы по проекту состоялись беседы с М.Е. Андросовой⁵, Т.Г. Архиповой⁶, А.П. Гудзинской⁷, В.А. Колядой⁸, А.И. Комиссаренко⁹, А.В. Крушельницким¹⁰; И.В. Курукиным¹¹, Р.В. Овчинниковым¹², А.Г. Сергеевой¹³, Е.В. Старостиным¹⁴ и А.Д. Степанским¹⁵, где нашли отражение отсутствующие в других исторических источниках сюжеты из жизни института конца 1930–1970-х гг. Фонограммы общим объемом 218,6 Мб хранятся в памяти ПЭВМ, а их резервные копии – на компакт-диске.

Для публикации в журнале отобраны фрагменты воспоминаний Т.Г. Архиповой, В.А. Коляды, Р.В. Овчинникова, А.Г. Сергеевой и Е.В. Старостина. В них наиболее ярко обрисованы персоны выдающихся преподавателей ИАИ, внесших существенный вклад в создание его научной школы. Устные мемуары переведены в письменную форму, тексты отредактированы респондентами и санкционированы ими на издание. При этом сохранены индивидуальные особенности речи мемуаристов, исправлены шероховатости устной речи и нарушения языковых норм. Опущены вопросы интервьюера и технические моменты записи, не меняющие общего смысла свидетельств. Высказывания о конкретных лицах объединены в четыре группы по принадлежности к прототипам (С.О. Шмидт, А.А. Зимин, Ф.А. Коган-Бернштейн, Н.П. Ерошкин), а в пятую группу выделены размышления респондентов об утраченных традициях институтской жизни.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии собеседницы мемуаристов и владелицы фонодокументов **А.Ю. КЛИМЕНКО**.

¹ См., напр.: *Рослова А.С.* 25 лет работы Московского государственного историко-архивного института // *Тр. МГИИ-АИ.* М., 1958. Т. 11; *Вяликов В.И.* 40-ле-

тие МГИИИ // Там же. М., 1972. Т. 20; *Красавченко Н.П., Вяликов В.И., Муравьев В.А.* Московский государственный историко-архивный институт (к 50-летию

со дня открытия) // Советские архивы. 1980. № 6; *Хорхордина Т.И.* Корни и кроны: Штрихи к портрету Историко-архивного института: 1930–1991. М., 1997.

² *Каштанов С.М., Шингарева Е.А.* Кружок источниковедения истории СССР // Тр. МГИАИ. М., 1961. Т. 16; *Каштанов С.М.* 20 лет спустя (Юбилей научного студенческого кружка) // Материалы науч. студенч. конф. Май 1970 г. М., 1970. Вып. II. Источниковедение историографии; *Чирков С.В.* Научная работа кружка источниковедения истории СССР (1950–1980 гг.) // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. ст. М., 1980; *Простоловцова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990; *Басовская Н.И.* Двадцать лет спустя // Зеркало истории: Двадцать лет кружку истории древности и средневековья: Сб. ст. М., 1992; *Шмидт С.О.* Наш кружок // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии М., 1999; и др.

³ «Не люблю всякую неточность... и мемуарную». Воспоминания Т.П. Коржиной / Публ. Т.М. Горяевой, В.Е. Антонец // Отечественные архивы. 1994. № 6; «Нет, не жалею я, что всю жизнь была архивистом...» (Из воспоминаний В.Е. Дербиной) / Публ. А.Д. Степанского, Н.С. Зелова, С.В. Пузырева // Там же. 1996. № 6; «Мы не увидим плоды наших посевов. Но они будут...» (Из воспоминаний А.А. Зимина) / Публ. В.Г. Зиминной // Там же. 1998. № 6; «Историко-архивный институт навсегда останется в моей памяти». Из воспоминаний И.И. Белоносова / Публ. Н.С. Зелова // Там же. 2001. № 2; «Историко-архивный стал моим родным домом». Воспоминания Н.А. Ковальчук о годах учебы в институте (1940–1947) // Там же. 2003. № 4; «Наш набор 1945 г. был первым послевоенным...» Воспоминания профессора Т.В. Батаевой об Историко-архивном институте // Там же. 2005. № 1; «Из воспоминаний об Историко-архивном институте» (Интервью Н.Ф. Демидовой А.Ю. Клименко и Е.В. Пчелову) // Гербовед. 2007. № 95; «Тогда в молодые годы» (Воспоминания А.В. Елпатьевского) // Вестник архивиста. 2008. № 2.

⁴ *Хубова Д.Н.* Устная история «Verba Volant»: Метод. пособие. М., 1997; и др.

⁵ Андросова Марина Ефимовна – вып. МГИАИ 1974 г., канд. ист. наук, доцент кафедры теории и методики архивоведения ИАИ РГГУ.

⁶ Архипова Татьяна Григорьевна – вып. МГИАИ 1963 г., д-р ист. наук, проф., декан факультета документоведения ИАИ РГГУ, зав. кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ.

⁷ Гудзинская Аэлита Павловна – вып. ИАИ 1947 г., ст. науч. сотрудник группы рукописей научно-просветительского отдела Московского центра Рерихов.

⁸ Коляда Владимир Александрович – вып. МГИАИ 1970 г., директор Российского государственного архива фондокументов.

⁹ Комиссаренко Аркадий Иванович – вып. МГИАИ 1959 г., д-р ист. наук, проф. Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

¹⁰ Крушельницкий Александр Владимирович – вып. МГИАИ 1977 г., канд. ист. наук, доцент кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ.

¹¹ Курукин Игорь Владимирович – вып. МГИАИ 1975 г., д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории древнего мира и средних веков ИАИ РГГУ.

¹² Овчинников Реджинальд Васильевич (1926–2008) – вып. МГИАИ 1952 г., историк и литературовед, д-р ист. наук, ведущий науч. сотрудник Института российской истории РАН.

¹³ Сергеева Алла Герцевна – вып. МГИАИ 1966 г., канд. ист. наук, зав. Отраслевым центром научно-технической информации по документоведению и архивному делу.

¹⁴ Старостин Евгений Васильевич – вып. МГИАИ 1963 г., д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ.

¹⁵ Степанский Александр Давидович – вып. МГИАИ 1957 г., д-р ист. наук, проф., проф.-консультант кафедры архивоведения и археографии ИАИ РГГУ.

О С.О. Шмидте¹

Е.В. Старостин: Первая лекция по истории России была в 42-й аудитории, читал ее Шмидт. Она была вступительной. Мы были в восторге. Он читал без бумаги, иногда ходил по проходу между столами. Свободное изложение довольно сложного материала, и не только с точки зрения первокурсников, конечно же, привлекало студентов. По ходу лекции он изящно цитировал наших поэтов – Пушкина: «Архивны юноши толпою / На Таню чопорно глядят...» и т.д., других поэтов, которые так или иначе отзывались об архивах. Все было довольно, хотя имелись студенты, которые искали большей глубины и методичности в изложении. Шмидт рисовал историческое полотно широкими мазками, и это было полезно для первокурсников, выбравших историко-архивоведение своей будущей специальностью... Он настолько увлекательно освещал историю древней и средневековой Руси, что мы все, а девочки в первую очередь (он был молодой и элегантный), были в восторге и иногда устраивали ему овации. Потом я пытался разгадать секреты ораторского мастерства Шмидта, но, увы, этот феномен так и остался его тайной. Нужно родиться Шмидтом... Шмидт имеет особый талант – притягивать к себе людей. Он просто родился для этого, и у него, по-моему, самая большая школа учеников в системе высшего образования и Академии наук, т.е. кружок Шмидта – это явление какого-то планетарного характера, во всяком случае, в рамках России...

В.А. Коляда: Мы все знали, что Сигурд Оттович даже тройки старается не ставить. Он всегда к студентам относился очень доброжелательно и старался помочь, и экзамен у него всегда проходил как беседа «на тему...». Кружков тогда было несколько, и жесткого посещения не было – ходили туда, где интересней. Узнавали по объявлениям, чему будет посвящено следующее заседание. На кружок Сигурда Оттовича, нам повезло, приезжали и там выступали те же Б.А. Рыбаков² и Н.М. Дружинин³, которых стоило послушать. Рыбаков, кроме всего, был прекрасный популяризатор – он умел очень эффектно подавать информацию.

И кружки имели большое значение, потому что давали студентам какой-то опыт уже в научной работе, причем это было не формально, но в форме беседы, в форме обсуждения: иногда со спорами, иногда доходило до шума и крика. Это было уже совершенно другое общение даже с [научными] руководителями, с тем же Сигурдом Оттовичем, – это уже общение коллег, а не преподавателя со студентом. Студентам это

С.О. Шмидт. 1950-е гг.

давало привычку на будущее и определенный опыт существования в архивном и научном мире – опыт построения отношений, подготовки научных работ. Я бы сказал, что атмосфера была более творческая, нежели сейчас, ведь часто доклад являлся только поводом к началу дискуссии, а дальше споры уходили очень далеко и могли продолжаться хоть на следующем заседании.

Об А.А. Зимине⁴

Р.В. Овчинников: Историю России, поскольку я заочник, у нас читал Александр Александрович Зимин. Он стал главным моим Учителем впоследствии. Он абсолютно не следил за своей внешностью. Я помню, ходил он с поднятым воротником, в калошах. И его лекции какое-то странное впечатление производили... у него лекции-размышления были. Он ходил и раздумывал, о чем рассказывал: такой не канонический у него был опыт чтения. Потом он у меня был руководителем диплома и руководителем диссертации. Диссертацией он руководил своеобразно, сосредоточив основное внимание на крупных методических вопросах и предоставив мне полную самостоятельность в решении конкретных проблем истории и источниковедения Пугачевского восстания. Он сказал: «Ну, ты сам разберешься во всем».

Диплом я писал у Зимина по теме «Источники по истории восстания Болотникова». Я занимался разрядными книгами, записями в разрядных книгах. Писал я с трудом, поскольку до этого не имел такого опыта в изучении источников, вот меня в этом и наставлял Зимин. Он вообще был замечательный человек, великолепно знал средневековую Русь, увлекался библиофильством: собирал книги; увлекался филателией, великолепно знал поэзию Серебряного века, впервые я от него услышал, как он читал стихи Николая Гумилева и другие по памяти...

Помню, Зимин вызывал меня для консультаций на свою дачу, но все ограничилось игрой в шахматы. Когда он узнал, что я играю в шахматы, он обрадовался, что нашел себе партнера, и мы часами сражались. Однажды, когда я приехал к нему на дачу, мы играли, и далеко уже за полночь было, и вдруг открывается дверь, и его разъяренная супруга говорит: «Саша, дай ты человеку поспать!» Она его с треском, чуть ли не подзатыльником прогнала в семейную спальню, а я где-то там, на ве-

А.А. Зимин. 1950-е гг.

ранде, спал. Потом вдруг минут через 30 открывается дверь, и снова входит Зимин и говорит:

- Режинальд Васильевич, Вы еще не спите?
- Нет.
- А то я тут шашки нашел.

Мы еще долго играли в шашки, крепко заснувшая супруга Зимина не могла нас потревожить. Часто, когда мне попадались шахматные книги, я ему дарил, а он мне в ответ дарил всякие книги, и свои, и других авторов. Помню, он мне подарил первое посмертное издание сочинений Пушкина, вышедшее в 1841 г., то, что издавал В.А. Жуковский, довольно ценное издание, редкостное сейчас. Он всегда опекал меня, помог устроиться в Институт истории, где я писал докторскую диссертацию уже по манифестам и указам Пугачева.

О Ф.А. Коган-Бернштейн⁵

Е.В. Старостин: Древний мир читал профессор Сергей Львович Утченко⁶. Ровно, без эмоциональных взлетов, он рукою мастера рисовал историю Древнего Рима, Древней Греции в лицах, и мы получали глубокие аналитические знания о тех далеких временах. Его сменила профессор Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн, не менее интересно читавшая Средневековье. Отличный преподаватель. Мне казалось, что текст лекции она знает наизусть, и если бы я или кто-то другой смог записывать ее от начала до конца занятий, то будущие студенты получили бы полный, законченный учебник по Средним векам, который не надо было бы редактировать.

Ф.А. Коган-Бернштейн. 1940-е гг.
Архив РАН. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 94. Л. 2 об.

В.А. Коляда: Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн могла просто сразить студентов. У нас учились студенты из Прибалтики, и одна девушка пыталась сделать вид, что плохо говорит по-русски. Фаина Абрамовна:

- А Вы откуда?
- Из Вильнюса.

– Ну, говорите по-литовски, я понимаю прекрасно. Я хорошо могу ориентироваться в польском и литовском.

Образованного человека удивить было трудно такими моментами.

А.Г. Сергеева: Фаина Абрамовна была женщиной совершенно потрясающей. Она всегда нам говорила: «Когда вы будете в Париже...», а мы сидели, смотрели на нее и думали: «Во дает! Когда это мы в Париже будем?»

О Н.П. Ерошкине⁷

Т.Г. Архипова: У меня отношение к Николаю Петровичу особое – он определил мою судьбу. Благодаря ему я стала историком-государствоведом и преподавателем вуза. Поступить на дневное отделение мне не удалось, я недобрала одного балла, и, идя по институту в «растрепанных чувствах», плача, – встретила Николая Петровича Ерошкина, с которым я общалась ровно год назад в стенах института, когда, учась в десятом классе, забрела в него узнать, что же он из себя представляет. Он говорит: «Девочка, что Вы плачете? Зайдите ко мне в кабинет».

Он тогда был деканом заочного отделения. Я ему сказала, кто я и что я. Говорю: «Вот, я окончила школу с золотой медалью, но недобрала баллов» – в том году впервые было отменено собеседование, никаких преимуществ не было для выпускников школы с золотой медалью. Он меня выслушал и сказал: «Ну вот, даю Вам неделю, попробуйте устроиться на работу по профилю, и я тогда Вас с этими оценками возьму на заочное отделение». Он всегда всех студентов и аспирантов на Вы называл, и я у него переняла эту манеру.

Я вернулась домой (мы тогда жили в Подольске), попросила папу попытаться меня куда-то устроить. Он, конечно, отправился первым делом в архив Министерства обороны (тот находится на территории г. Подольска). Ему сказали: «Мы ее на работу возьмем, пусть работает, но ставки делопроизводителя у нас нет. Но можем оформить уборщицей с исполнением обязанностей делопроизводителя». Папа приходит домой и говорит, что вот так и так. Я говорю: «Конечно!». И первая запись у меня в трудовой книжке – «уборщица архива Министерства обороны». И когда я защищала докторскую [диссертацию], ученый секретарь совета говорил о том, что Архипова «прошла славный путь от уборщицы архива Министерства обороны до защиты докторской диссертации».

И я проучилась первый год на заочном, сдала все экзамены на «отлично» и была переведена на дневное отделение... С этого времени я всегда была недалеко от Николая Петровича... Под его руководством я написала диплом, защитила кандидатскую... Николай Петрович Ерошкин – это для меня, конечно, эталон. И чтение лекций, и манера общения со студентами. Лекции он читал вообще, как бы Вам сказать... можно было сидеть, разинув рот, все полтора часа. Так вот читал. Потому что это всегда был

Н.П. Ерошкин. 1960-е гг.

какой-то всплеск – неожиданных умозаключений, юмора, иронии, сарказма, хотя дисциплина – история государственных учреждений – она довольно-таки сухая, и, наверно, ее читать только так и можно, иначе у студентов «уши завянут». Но вот он умел будить интерес у студентов, и, знаете, когда начала преподавать сама, я ему в какой-то степени даже поначалу завидовала, потому что он мог рассказывать про «царских саграпов», про царей. А что мы могли рассказать, читая историю советских государственных учреждений, что мы могли сказать о государственных деятелях советского периода? Информация о них была скупая, мемуаров не было. Как можно было привлечь внимание студентов? Ну, как-то привлекали...

Николай Петрович потом, когда мы уже становились его соратниками, коллегами, очень любил приглашать к себе в гости, радушно угощать. Он замечательно пел своим незабываемым голосом, не гнушался хорового пения, любил послушать пение коллег. Мы отмечали дни рождения друг друга, носовоселья. Очень любил он кафедральные чаепития. При нем на кафедре работали одни Татьяны, и в день заседания он заезжал в ресторан «Прага» и покупал пирожные «Танечка». Он оставил кафедре эту культуру общения и, несмотря на занятость, мы часто собираемся и обязательно вспоминаем его...

Е.В. Старостин: Читал у нас лекции по истории государственных учреждений хорошо поставленным голосом Николай Петрович Ерошкин. Однажды, рассказывая о военном ведомстве, он остановился и говорит: «Ну, кто из вас знает слово «infanterie»?» Абсолютная, зависшая в воздухе тишина, хотя у нас на курсе было пять-шесть «французов». «Кто даст правильный перевод этого слова, тому поставлю на экзаменах отлично». Я привстал и говорю: «Пехота, Николай Петрович». В офицерском училище мы изучали французскую военную лексику. «Хорошо, напомните мне этот случай на экзамене». Совершенно естественно, что я ему не напомнил. И при сдаче чрезвычайно сложного и трудного экзамена (он заставлял зубрить все эти отделы департаментов, министерств, Третьего отделения его императорского величества канцелярии и т.п.) я получил четверку, одну из немногих в моем, в принципе приличном, дипломе. Утешает только то, что этот педагог божьей милостью к ребятам был более строг, чем к красивым девушкам. Николай Петрович оставил лучшие в России учебники по истории государственных учреждений. И на издании 1983 г. я с неуходящей болью перечитываю: «Евгению Васильевичу Старостину на добрую память, дружески. Н.Ерошкин». Нам, друзьям, его очень не хватает...

В.А. Коляда: Это была легендарная личность: перед первой сессией весь первый курс дрожал, потому что говорили: «Живыми от Ерошкина не уходят». Но, надо сказать, что никогда он не цеплялся и никогда искусственно никому отметку не занижал: если человек предмет знал, то никаких проблем не возникало. Он всегда очень спокойно ставил хорошие отметки и отличные, и в нем не было желания кого-то уколоть или докопаться, что именно человек не знает.

Об утраченных традициях

Е.В. Старостин: Преподаватели не отгораживались «китайской» стеной. Мы могли поесть у Шмидта, когда были голодны. Звонили и говорили: «Сигурд Оттович, мы к Вам приедем чаю попить», он никогда не от-

казывал: «Приезжайте». Мы, 5–6 человек его учеников, шли к нему на Арбат. Или другой случай, когда мой товарищ и спортсмен Володя Волков звонил Коган-Бернштейн и говорил: «Меня жена выгнала из дома, можно я заночую у Вас?» «Приезжайте, Володя, у меня для Вас найдется раскладушка. Но с женой надо жить мирно». И он ночевал неделю у Файны Абрамовны. Это то, чего нет сейчас, да и не может быть, потому что жизнь изменилась. Причины лежат в изменении отношений между преподавателями и студентами, в понижении социального статуса преподавателей – тогда преподаватели были уважаемые люди, во всяком случае, они располагали какими-то финансовыми возможностями, чтобы принять студента. Они сохраняли традиции старой университетской дореволюционной школы. Эта традиция русской науки позволяла иногда проводить занятия дома у преподавателя, за чаем. Она прослеживается, наверное, через Герье⁸, Кареева⁹, Виппера¹⁰, Петрушевского¹¹ и многих других. Из переписки Платонова¹², Любавского¹³, Готье¹⁴ видно, что они нередко проводили занятия у себя дома не только потому, что были стары и не могли приехать в университет, но потому, что дорожили той невидимой внутренней связью, которая возникает в этой неформальной обстановке между Учеником и Учителем. Сейчас этого нет и, насколько я понимаю, эта потеря обеднила обе стороны. Вы меня понимаете? Здесь надо быть очень тонким психологом, чтобы распутать клубок причин, которые вызвали эту потерю. Это, конечно, нанесло определенный ущерб развитию отечественной науки. Эта традиция умерла совсем недавно вместе с последними могиканами: Зимин уходит в начале 1980-х, вслед за ним – Пашуто¹⁵. У Зимина вообще его ученики составляли семью. Он их возил на дачу, дома принимал, чаем поил, благословлял на браки.

В.А. Коляда: В тот период, когда ректором был Леонид Алексеевич Никифоров¹⁶, институт воспринимался не только формальным учреждением, но и чем-то вроде клуба: студенты «толклись» здесь целый день. Ходили, конечно, в библиотеку, но в основном пропадали в институте. Преподаватели со студентами всегда были вместе, и никакой формальной номенклатурщины не ощущалось. В столовой и то стояли в одной очереди, и ничего не было из ряда вон выходящего, если Леонид Алексеевич стоял за каким-нибудь студентом и перебрасывался с ним словами: «Да, сегодня вот что-то у нас котлетки-то неважные...»

Была какая-то другая атмосфера в институте, которую позже, когда пришел новое руководство, начавшее проводить борьбу с тем, что оно называло «идеологическим браком», всячески пыталось изменить, но до конца, по-моему, так и не сумело этого сделать. Да и люди были несколько другие. Может потому, что им незачем было что-то подчеркивать: они и так многое значили в науке, и со студентами умели прекрасно контактировать, да и между собой тоже.

¹ Шмидт Сигурд Оттович – д-р ист. наук (1965 г.), акад. Российской академии образования (1992 г.), заслуженный деятель науки Российской Федерации (1989 г.), почетный д-р (honoris causa) Российского государственного гуманитарного университета, проф. (1970 г.) МГИАИ, заслуженный проф. РГГУ (2006 г.), зав. кафедрой московведения, руководитель учебно-научного центра РГГУ. Специалист в области отечественной истории, истории культуры, источниковедения, историографии, археографии, архивоведения, памятниковедения, краеведения, методологии истории.

² Рыбаков Борис Александрович – археолог, историк и общественный деятель, акад. АН СССР (1958 г.), проф. МГУ (с 1943 г.), директор Института археологии АН СССР (с 1956 г.), акад.-секретарь Отделения истории АН СССР (1973–1975 гг.).

³ Дружинин Николай Михайлович (1886–1977) – историк, акад. АН СССР (1953 г.), науч. сотрудник Института истории РАНИОН (1921–1929 гг.), Института методов внешкольной работы (1925–1926 гг.), зав. отделом в Музее революции СССР, одновременно в 1929–1952 гг. преподавал в МГУ (с 1934 г. и.о. проф., затем проф.), ст. науч. сотрудник (1938–1964 гг.), зав. (1945–1950 гг.) сектором истории СССР XIX – нач. XX в. Института истории АН СССР.

⁴ Зимин Александр Александрович (1920–1980) – д-р ист. наук (1959 г.), проф. (1970 г.). С 1951 г. ст. науч. сотрудник Института истории (с 1968 г. Института истории СССР) АН СССР. Специалист в области истории России с XI по XVIII в.; занимался преимущественно проблемами социально-политической истории и общественной мысли России XVI в., вопросами историографии и источниковедения.

⁵ Коган-Бернштейн Фаина Абрамовна (1899–1976) – д-р ист. наук (1943 г.). Преподаватель МИФЛИ (1933–1935 гг.), проф. МГУ (1937–1949 гг.), Воронежского педагогического института (1949–1950 гг.), МГИАИ (1956–1971 гг.). Специалист в области общественно-политической мысли эпохи Возрождения, латинской палеографии, западноевропейского источниковедения.

⁶ Утченко Сергей Львович (1908–1976) – д-р ист. наук (1949 г.), проф. (1950 г.). С 1950 г. зав. сектором древней истории Института истории (с 1968 г. Института всеобщей истории) АН СССР. Преподавал в ЛГУ, МГУ, ИАИ и МГПИ им. В.И. Ленина. С 1966 г. главный редактор журнала «Вестник древней истории».

⁷ Ерошкин Николай Петрович (1920–1988) – д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций СССР МГИАИ.

⁸ Герье Владимир Иванович (1837–1919) – историк и общественный деятель, создатель и первый директор Высших женских курсов (историко-филологические курсы 1872–1878 гг. и 1900–1905 гг.).

⁹ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк и социолог, член-корр. Петербургской АН (1910 г.), член-корр. АН СССР (1925 г.), почетный член АН СССР (1929 г.), председатель Исторического общества при Петербургском университете (1889–1917 гг.), проф. Варшавского (1879–1884 гг.), Петербургского (1885–1889 гг., 1906–1918 гг.) университетов. Представитель классического позитивизма в социологии, один из ее основателей в России.

¹⁰ Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – историк, акад. АН СССР (1943 г.), проф. Новороссийского университета в Одессе (1894–1897 гг.), Московского университета (1897–1922 гг.), Латвийского университета в Риге (1924–1941 гг.), МИФЛИ (1941 г.), Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте (1941–1943 гг.), МГУ (1941–1950 гг.). С 1943 г. работал в Институте истории АН СССР.

¹¹ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) – историк-медиевист, акад. АН СССР (1929 г.). Преподавал в Москве, Варшаве, Петербурге, Иванове. С 1906 г. проф. Московского университета, который покинул в 1911 г. в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л.А. Кассо. Вернулся в университет в 1917 г. В 1920-е гг. директор Института истории РАНИОН.

¹² Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, акад. РАН (1920 г.), акад. АН СССР (1925 г.), акад.-секретарь гуманитарного отделения АН (1929–1930 гг.), председатель Археографической комиссии (1918–1929 гг.), д-р, проф. Петербургского университета (1890–1925 гг.). После Октябрьской революции работал в межведомственной комиссии по охране и устройству архивов упраздненных учреждений, затем зам. председателя Главного управления архивным делом, зав. Петроградским отделением ГУАД. После инициированного М.Н. Покровским

отстранения от архивной работы трудился директором Пушкинского Дома (1925–1929 гг.) и Библиотеки Академии наук (1925–1928 гг.). Осужден по сфабрикованному «Академическому делу» на 5 лет ссылки в Самару, где и умер.

¹³ Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) – историк, славяновед, акад. АН СССР (1929 г.), проф. (1901–1917 гг.), с 1911 г. ректор Московского университета. С 1913 г. председатель Московского общества истории и древностей российских. После Октябрьской революции работал в структуре Главархива (Центрархива), преподавал историко-архивные дисциплины сначала на курсах, затем в Московском университете. Осужден по сфабрикованному «Академическому делу» на 5 лет ссылки в Уфу. В 1931–1936 гг. сотрудник Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры.

¹⁴ Готье Юрий Владимирович (1873–1943) – историк и археолог, акад. АН СССР (1939 г.). Приват-доцент (1903–1915 гг.), проф. (1915–1925 гг.) Московского университета, главный библиотекарь Румянцевского музея (1909–1924 гг.), ученый секретарь (1898–1930 гг.), зам. директора (с 1931 г.) Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. Вел большую педагогическую работу на Московских высших женских курсах (1902–1918 гг.), в Межевом институте (1907–1917 гг.), университете А.Л. Шанявского (1913–1918 гг.), Институте народов Востока (1928–1930 гг.), МИФЛИ (1934–1941 гг.).

¹⁵ Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) – историк, член-корр. АН СССР (1976 г.), проф. Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской (с 1970 г.). С 1948 г. в Институте истории (с 1968 г. Институте истории СССР) АН СССР, с 1969 г. зав. сектором истории древнейших государств на территории СССР, с 1977 г. одновременно зав. отделом истории докапиталистических формаций. Основные труды по истории СССР эпохи феодализма, источниковедению и историографии.

¹⁶ Никифоров Леонид Алексеевич (1911–1987) – д-р ист. наук, дипломат, проф. МГИМО, МГИАИ, ректор МГИАИ в 1960-е гг. Автор монографий «Русско-английские отношения при Петре I», «Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир» и др.

Репрессия. 1937–1938 гг.: Документы и материалы. Ташкент: Шарк, 2005. Вып. 1. – 288 с. – 1000 экз.

Катагон Курбонлари 1937 йил 10 август – 5 ноябрь: Иккинчи китоб. Ташкент: Шарк, 2007. Вып. 2. – 496 с. – 1000 экз.

Репрессия. 1937–1938 гг.: Документы и материалы. Вып. 3: Жертвы Большого террора из Узбекистана. 1937 год, ноябрь. Ташкент: Шарк, 2007. – 496 с. – 1000 экз.

Репрессия. 1937–1938 гг.: Документы и материалы. Вып. 4: Жертвы Большого террора из Узбекистана. 1937 год, декабрь. Ташкент: Шарк, 2008. – 576 с. – 1000 экз.

Работа над этим многотомным изданием ведется в соответствии с распоряжением (от 12 мая 1999 г.) и указом (от 1 мая 2001 г.) Президента Республики Узбекистан, постановлением Кабинета министров Республики Узбекистан «Об увековечении памяти патриотов, отдавших жизнь за свободу Родины и народа» (от 22 июля 1999 г.), направленными на возрождение в сердцах и сознании соотечественников, особенно молодого поколения, чувства уважения и почитания памяти тысяч и тысяч людей, пожертвовавших жизнью во имя свободы Родины. Наглядным подтверждением созидательной работы по восстановлению исторической справедливости является мемориальный комплекс

«Шахидлар хотираси», созданный по инициативе Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова в 2000 г. на берегу о. Бозсу в г. Ташкенте. В его составе образованы музей и фонд «Памяти жертв репрессий». С 2001 г. в стране 31 августа отмечается День памяти жертв репрессий.

В годы независимости в республике были созданы благоприятные условия для объективного изучения истории советского Узбекистана, и проблема политических репрессий является одним из важных направлений отечественной историографии. Для пользователей открылись архивные документы, недоступные в прежние годы. Постановлением правительства республики от 22 июля 1999 г. перед благотворительным фондом «Шахидлар хотираси» были поставлены задачи подготовки и издания многотомной Книги Памяти, установления связей с различными архивами, музеями, библиотеками, другими научно-просветительскими учреждениями, иностранными специалистами, а также организации научных экспедиций по поиску и изучению зарубежных источников о жизни и деятельности репрессированных соотечественников.

Определенные успехи в этом деле достигнуты международной научно-практической экспедицией «Мерос» (Наследие) в г. Андижане во главе с известным историком, проф. Р.Т. Шамсутдиновым и фондом «Шахидлар хотираси»: организовано несколько результативных научных экспедиций не только по Узбекистану, но и городам России, Украины, Казахстана. На основе нового осмысления отечественных и зарубежных источников подготовлены научные статьи, монографические исследования, сборники документов и ма-

териалов, защищены кандидатские диссертации. В целом идет активный процесс накопления предпосылок для создания историографии проблематики, все более глубоко исследуются важные ее направления, в том числе «Большой террор 1937–1938 гг. в Узбекистане».

Для первого выпуска сборника «Репрессия. 1937–1938 гг.» (сост.: Р.Т. Шамсутдинов, Н.Ф. Каримов, Э.Ю. Юсупов) документы выявлены в 1993–2004 гг. в фондах Российского госархива социально-политической истории, Госархива Российской Федерации, Центрального архива ФСБ России, архива УВД Ставропольского края Российской Федерации; государственных и партийных архивов Николаевской и Херсонской областей Украины, архива УВД Херсонской области; Архива Аппарата Президента Республики Узбекистан и его Андижанского и Ферганского отделений, архивов СНБ и МВД Республики Узбекистан, архива УВД Андижанской области, а также официальные материалы. Они позволяют восстановить подлинную картину массовых репрессий 1937–1938 гг. и рассмотреть их в контексте евразийских процессов. В выпуске приведены персональные сведения и биографические справки о руководителях общесоюзного и республиканского НКВД, основополагающие документы репрессивной политики СССР.

Кампания террора против партийных и государственных руководителей, высшего командования Красной армии и лучших представителей интеллигенции в союзных республиках осуществлялась согласно оперативному приказу наркома внутренних дел Н.И. Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» № 00447 от 30 июля 1937 г. В нем все репрессируемые разбивались на две категории: к первой относились наиболее враждебные элементы (они подлежали немедленному аресту и по рассмотрении их дел «тройкой» – расстрелу), ко вто-

рой – остальные (подлежали аресту и заключению в лагерь на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные – на те же сроки в тюрьме). По Узбекской ССР надлежало репрессировать 4750 человек (С. 35).

Большой террор открылся массовыми операциями, для осуществления которых территории республик, краев и областей делились на «оперативные сектора», где формировались «оперативные группы». На их начальников возлагалось руководство «учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров “троек” в исполнение» (С. 37). В Узбекской ССР операция началась 10 августа, а к 30 сентября было арестовано и осуждено 10 700 человек (вместо 4750 запланированных). Из них бывших кулаков – 5924, уголовников 1679, других контрреволюционных элементов – 3097. Череда этих лиц представлена постановлениями о предъявлении обвинения, анкетами арестованных, протоколами допросов и выписками из них, обвинительными заключениями, прощальными письмами заключенных и данными об их дальнейшей судьбе, списком лиц по Узбекской ССР, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 марта 1938 г. (165 представителей элиты узбекского общества), завизированным членами Политбюро Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ждановым, Ворошиловым (С. 224–262).

Завершают первый выпуск Книга Памяти Республики Узбекистан, в которой приведены имена и краткие биографические справки свыше 200 репрессированных в 1937–1938 гг. узбеков, а также карты ГУЛАГа (С. 262–284).

Второй выпуск сборника «Катагон Курбонлари» («Жертвы репрессии»; сост. Р.Т. Шамсутдинов) подготовлен на узбекском языке по ранее закрытым фондам и секретным источникам, хра-

нящимся в архиве Службы национальной безопасности Республики Узбекистан. Публикуемые материалы дают общую картину проведения в жизнь чудовищного оперативного приказа об операции по репрессированию бывших кулаков от 30 июля 1937 г. Это протоколы 20 заседаний «тройки» НКВД Узбекской ССР, состоявшихся в период с 10 августа по 5 ноября 1937 г. Здесь обнародованы имена 3083 осужденных, из которых приговорены к расстрелу 1687 человек, к 10 годам лишения свободы – 1278, к 8 годам – 94, освобождены из мест заключения – 24 человека. По социальному составу это 1543 бывших кулака (50 %), 781 колхозник (25 %), 437 священнослужителей (14 %), 149 работников торговли (5 %), 132 уголовных преступника (4 %), 645 работников сферы обслуживания (20 %). По принадлежности к бывшим политическим партиям и движениям 20 человек составляли исламисты, 91 – иттихадисты, 17 – эсеры, 5 645 – мусаватисты, 5 – члены интернационально-демократической партии, 2 – общества «Туран», 4 – организации «Иттихад и таракки», 3 – ВКП(б), 3 – дашнаки. Из общего числа репрессированных 454 (15 %) являлись участниками басмаческого движения, 111 (3,6 %) – кулацких и антиколхозных восстаний.

Следует отметить, что не менее трагическим было и второе направление Большого террора – по признаку национальной принадлежности граждан. В «национальных операциях», начавшихся одновременно с операцией против кулаков, в наибольшей степени пострадали советские поляки, немцы, иранцы, афганцы, китайцы и так называемые «харбинцы» (бывший персонал КВЖД, реэмигрировавший из Маньчжурии в СССР после продажи железной дороги). Среди репрессированных в рамках «национальных операций» узбеки составили 2361 человек, русские – 462, турки – 31, немцы – 20, поляки – 12, харбинцы – 19, афган-

цы – 3, китайцы – 3 человека. (Эти репрессии отражены как в данном, так и в последующих выпусках издания.)

В третий выпуск сборника (сост. Р.Т. Шамсутдинов, Э.Ю. Юсупов, А.М. Мамаджанов, Э.П. Дусматов) включены протоколы № 33–43 заседаний «тройки» НКВД Узбекской ССР за 13–28 ноября 1937 г. Здесь упомянуты имена расстрелянных и приговоренных к заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а также даны краткие биографические сведения (дата и место рождения, национальная принадлежность, специальность или последнее место работы), меры наказания относительно 1611 репрессированных узбекистанцев. По социальному составу среди них бывших кулаков – 181 (50,5 %), рабочих и служащих – 207 (13 %), священнослужителей – 138 (8,6 %), лиц без определенных занятий – 240 (15 %); 3,4 % осужденных были членами ВКП(б), двое – ВЛКСМ; 159 человек (10 %) – уголовные элементы. Отметим, что выходцы из трудовых слоев населения (колхозники, рабочие, животноводы, бухгалтера, экономисты, пожарники, строители, инженеры-техники, заготовители сельхозпродуктов, железнодорожники, работники здравоохранения, просвещения и сферы обслуживания, служители религиозного культа, учащиеся) образовали известную долю репрессированных по обоим категориям. Среди наших соотечественников, подвергшихся репрессиям, были представители различных наций и народностей, проживавших в Узбекистане.

Для ареста гораздо большее значение имели не собранные органами НКВД доказательства преступления, а такие факторы, как классовая принадлежность, политическое и социальное прошлое, связь с преступной средой, отсутствие работы. Приведенные в сборнике материалы наглядно подтверждают, что мелкоуголовные рецидивисты, лица без определенных занятий, священники, бывшие кулаки, чле-

ны оппозиции «Шура-и-Ислам» и «Милли-Иттихад», эсеры, представители старого режима и эмир-чиновники, участники басмаческого и Белого движений периода Гражданской войны, а также дети «врагов народа» и стали жертвами политического террора в 1937–1938 гг., будучи обвиненными в «контрреволюционных преступлениях» (ч. I ст. 66, ст. 67 УК УзССР). Как показывают документы, пик репрессированных за контрреволюционные преступления, особенно по части «антисоветской агитации и пропаганды», пришелся на 1937–1938 гг.: в Узбекистане были осуждены более 41 тыс. человек, 6920 из которых расстреляны.

Четвертый выпуск (сост.: Р.Т. Шамсутдинов, М.А. Абдуллаев, Э.П. Дусматов, Х.Р. Курбанов) включает протоколы № 44–65 заседаний «тройки» НКВД Узбекской ССР, состоявшихся в декабре 1937 г. Они свидетельствуют, что в это время репрессивные органы оказались в критическом положении из-за огромного числа обвиняемых и необходимости ежедневно проводить по несколько заседаний (например, 10 декабря было рассмотрено 625 дел, а в течение восьми дней – 3082).

Этот выпуск в отличие от предыдущих снабжен подготовленными составителями сборника статистическими сведениями о численности репрессированных по округам, городам и районам УзССР и мерах наказания с учетом национального, партийного и социального состава осужденных (С. 562–572). В числе преследуемых в декабрьских операциях состояли бывшие кулаки, раскулаченные, а также их сыновья – 2822 (62 %), басмачи – 430, торговцы, байы – 169, единоличники – 51, чиновники эмира, жандармы, белые офицеры – 146 и спец(труд)переселенцы – 9. Причем в момент ареста почти все они были заняты общественно полезным трудом: 411 человек (11 %) являлись

рабочими, 1379 (38 %) – колхозниками, 33 из них – председателями колхозов, 1424 (39 %) человека были представителями духовенства (имамы, ишаны, муллы и христиане-баптисты), 36 – интеллигенции, 45 – лицами без определенных занятий, стоявшими в самом низу социальной иерархии.

В протоколах заседаний «тройки» НКВД УзССР за декабрь 1937 г. среди репрессированных по национальному признаку значатся представители 21 народа, при этом наибольший удельный вес составили узбеки (2987 человек), русские (366) и каракалпаки (127 человек). Среди репрессированных были лица, действительно имевшие в своей биографии факты оппозиционного или национального толка и считавшиеся «националистами», выступавшими с позиций местничества в ущерб «пролетарскому интернационализму», а фактически против всевластия центра. Окончательный разгром носителей идеи национальной независимости завершился именно в 1937 г. Таким образом, не только политическая элита Узбекистана, но и лучшие представители интеллигенции, мусульманского духовенства, бывшие кулаки, сочувствовавшие «националистическим» деятелям, а также люди труда, подвергшиеся ранее судебному преследованию по классовым и социальным признакам, оказались принесенными в жертву социалистической идее. Под одну статью «О контрреволюции» попали и рабочие, и бывшие кулаки, и коммунисты.

Опубликованные документы раскрывают организационную сторону отторжения от узбекистанского общества значительного числа его граждан, являются достоверным отражением времени и призваны восстановить историческую память по отношению к тысячам и тысячам пострадавших от массового террора, государственного беззакония и произвола.

**Б.М. РАСУЛОВ,
Х.Р. КУРБАНОВ**

Спитакское землетрясение. Зона бедствия вчера и сегодня. Взгляд через 20 лет: Сборник документов / Сост. А.Вирабян, А.Арутюнян, С.Мирзоян и др. Ереван, 2008. – 640 с. – 2000 экз.

Издание подготовлено и опубликовано Национальным архивом Армении к 20-летию грандиозного разрушительного землетрясения на севере республики 7 декабря 1988 г., «поистине одной из библейских катастроф» в истории человечества (С. 5).

В сборник включено 333 документа за 1988–2001 гг., сгруппированных в шесть тематических разделов. Они «охватывают первые дни бедствия и до первого десятилетия независимой Республики Армения, для которой ликвидация последствий землетрясения была еще одним испытанием в ее нелегкой судьбе» (С. 15). Здесь представлены документы высших органов власти Армении, Армянского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Госкомитета по делам церкви и союзной Комиссии Политбюро ЦК КПСС по ликвидации последствий землетрясения в Армении под председательством Н.И. Рыжкова. Это прежде всего организационно-распорядительная документация (постановления, распоряжения, информации, сообщения, докладные записки), официальная переписка, решения), а также телеграммы и письма юридических и частных лиц. Большинство документов публикуется впервые, в первых пяти разделах – на русском языке, в последнем – на армянском*. В конце сбор-

ника помещена «Хроника сорока дней», описывающая события в период с 7 декабря 1988 г. (начало землетрясения) по 17 января 1989 г. (собрание партийно-хозяйственного актива республики). Имеются историко-археографическое предисловие, именной указатель.

Первый раздел «Трагедия» открывают постановление Бюро ЦК КП Армении о создании правительственной комиссии по ликвидации последствий землетрясения, распоряжение Совмина СССР об образовании правительственной комиссии для оказания помощи по ликвидации последствий землетрясения от 7 декабря 1988 г., постановление секретариата ЦК ВЛКСМ о первоочередных мерах по ликвидации последствий землетрясения в Армянской ССР и оказанию помощи пострадавшим (Док. № 1–3). Вслед за ними приведены составленные республиканским и союзным министерствами иностранных дел обзоры сообщений («информации») западных СМИ, уделявших особое внимание вкладу армянских общин США, Франции, Швейцарии, Греции и других стран в дело помощи пострадавшим и активно комментировавших «беспорядочность и неэффективность спасательно-эвакуационных мероприятий в первые дни землетрясения в Закавказье» (Док. № 5, 8).

В сообщении постоянного представителя СССР при ООН А.Белогова приведены прозвучавшие на заседании Национальной академии наук в Вашингтоне выводы экспертов США о причинах крупных разрушений в Ленинакане, Спитаке и Кировакане. В их числе «характер почв, на которых построены эти го-

* Автор рецензии благодарит сотрудника Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна) Г.Торосяна за перевод на русский язык всех заголовков и текста ряда документов раздела «Испытание».

рода», что, по мнению американских специалистов, «следует учитывать при осуществлении проектировочных и строительных работ в ходе восстановления разрушенных городов и поселков» (Док. № 11). Здесь же помещены тексты указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом «За личное мужество» иностранных граждан, особо отличившихся при ликвидации последствий землетрясения (Док. № 21), и публикации в республиканской газете «Коммунист» с указанием фамилий видных деятелей и рядовых граждан СССР, перечисливших пострадавшим часть своих сбережений (Док. № 10).

Второй раздел «Мир скорбит» составляют в основном письма и телеграммы официальных лиц и советских граждан с выражением соболезнований и предложением помощи жертвам стихии. Очень трогают строки письма Даши Боровиковой из Воронежской области: «Маленькие девочки и мальчики Армении! Мне 5 лет, и я знаю, от землетрясения разрушены ваши дома, и не стало у многих пап и мам. Чтобы поскорее вам построили новые детсадики и дома, я с папой и мамой послала вам мои деньги, что берегла на велосипед» (Док. № 35) и телеграмма жителя Барнаула Петричко: «Предоставляю жилплощадь на трех человек в частном доме, сроком на один год пострадавшим от землетрясения в городе Ленинакане» (Док. № 50).

Самый объемный раздел «Помощь мира» наглядно демонстрирует масштабность практических мер по оказанию помощи пострадавшим районам в восстановлении инфраструктуры (прежде всего жилого фонда), материально-техническом снабжении, обеспечении жизнедеятельности населения. На случившуюся в Армении трагедию откликну-

лись бизнес-сообщество и общественные организации Бразилии (Док. № 78), Великобритании (Док. № 89, 96, 104, 108, 134), Греции (Док. № 98, 111), Италии (Док. № 76, 77, 82, 85, 97, 112, 119), Монголии (Док. № 120), Никарагуа (Док. № 129), США (Док. № 80, 83, 84, 86, 87, 100, 105, 132, 136, 140), Финляндии (Док. № 95, 131), Франции (Док. № 79, 81, 122), ФРГ (Док. № 137, 142), Чехословакии (Док. № 88, 90, 117), Югославии (Док. № 93, 130) и др. По данным, приведенным в информации замминистра иностранных дел СССР В.Никифорова в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по ликвидации последствий землетрясения в Армении об иностранной помощи Армении от 10 мая 1989 г., она «поступила из 113 стран, от 7 межправительственных организаций, фирм, корпораций, частных лиц и в той части, которая была официально оценена долларами, составила сумму, эквивалентную 551 млн 584 тыс. долларов... Общее число иностранных специалистов, работавших в Армении, составило свыше 3,6 тыс. человек... Поступили предложения о строительстве свыше 70 объектов, включая госпитали, клиники, оздоровительные комплексы, детские сады, школы, деревни, учебные и научные учреждения, центры матери и ребенка, заводы по изготовлению бетона и строительных конструкций и др., а также по восстановлению памятников культуры... Налаживаемые контакты могут перерасти в перспективе в широкое, выгодное для нас сотрудничество с зарубежными фирмами» (Док. № 158).

Четвертый раздел «Восстановление» содержит распоряжения, переписку, протоколы, докладные записки, постановления, раскрывающие трудности объективного и субъективного характера, с которыми республика столкнулась при реализа-

ции планов ликвидации последствий землетрясения. Центральным документом здесь является протокол собрания республиканского партийно-хозяйственного актива от 17 января 1989 г. (Док. № 195), в котором приводятся доклад первого секретаря ЦК КП Армении С.Г. Арутюняна, выступления ряда руководителей горкомов партии и республиканских министров, министра легкой промышленности СССР и председателя Совета министров СССР Н.И. Рыжкова (в тексте документа ошибочно названного Л.И. Рыжковым. С. 318). Перед читателями разворачивается ужасающая картина тотального разрушения жизни в районах бедствия и сложной экономической, социальной, психологической ситуации в республике в целом.

Масштаб необходимых восстановительных работ, с учетом политических событий начала 1990-х гг. в СССР (развал Советского Союза, нагорно-карабахские события), можно назвать фантастическим. О конкретных проблемах их реализации и процессе преодоления повествует пятый раздел «Трудности». Помещенные в нем документы говорят в основном о координации деятельности союзных и республиканских министерств и ведомств.

В завершающий раздел «Испытание» включены документы 1989–2001 гг. на армянском языке, в том числе «Слово» Католикоса всех армян Ваазгена I, произнесенное в годовщину землетрясения в церкви Святой Богородицы в Ленинакане (Док. № 298). Его мудрость помогла пережить боль утрат: «Перед могилами погибших, после вашей молитвы за упокоевание их душ, встаньте на ноги, запечатав в конвертах вашу печаль, и обратитесь опять к жизни, к работе, к светлому утру с непоколебимой верой и оптимизмом, к бу-

дущему нации, к будущему вашего разрушенного мира». Официальную часть составляют распоряжения и решения Правительства Армении по экономическим и хозяйственным вопросам восстановления и развития зоны бедствия, указы Президента Республики Армения о награждении в 1998 и 2000 гг. государственными наградами бывшего председателя Совета министров СССР Н.И. Рыжкова, музыканта В.Т. Спивакова, академика АН СССР Н.П. Лаверова, председателя правления Советского детского фонда писателя А.А. Лиханова и др. (Док. № 328–333).

Издание удачно дополняют подборки репродукций с фотографий: «До землетрясения», «7 декабря 1988 г.», «Мир спешит на помощь», «От разрушений к восстановлению».

Оценивая подготовленный армянскими коллегами сборник документов, российский историк-архивист не может не ориентироваться на отечественный, в том числе личный, опыт подобной работы. Так, в моем активе имеется документальное издание, посвященное известному советскому и армянскому ученому, биохимику, одному из основателей космической биологии и медицины академику Н.М. Сисакяну (1907–1966)*. В рамках мероприятий юбилейного симпозиума 2007 г., впервые побывав в Армении, я была очарована страной и людьми. Поэтому с большим трепетом изучала документы и их освоение архивистами в сборнике «Спитакское землетрясение».

Думаю, идейный замысел и его воплощение соответствуют друг другу. Выстраивание разделов и их наполнение документами логично. Сборник по праву может быть синтезирующим первоисточником по государственной, экономической, социальной, дипломатической, церковной, советской, армянской и всеобщей ис-

тории. Но масштабная работа редко обходится без недочетов. В данном случае они скорее досадны, поскольку носят технический характер: опечатки в заголовках и текстах русскоязычных документов (Док. № 5, 8, 11, 13, 19, 24, 32, 80, 162, 164 и др.).

* Академик Н.М. Сисакян. Портрет на фоне эпохи. К 100-летию со дня рождения / Под общ. ред. О.Г. Газенко, А.И. Гри-

Восточная мудрость гласит: «Человек жив, пока его помнят». Это высказывание можно отнести и к сборнику документов о Спитакском землетрясении, позволяющему сохранить память о погибших для будущих поколений.

горьева, Н.А. Платэ и др.; сост. Е.Р. Курапова, А.Н. Сисакян, И.И. Филиппович. М., 2006.

Е.Р. КУРАПОВА

Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой; сост.: З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. М.: РОССПЭН, 2009. – 519 с.: ил. – 1000 экз.

Публикаторы из США и России, по достоинству оценив мемуары как специфический, эмоционально насыщенный источник, на содержание которого огромное влияние оказывает личность автора, предприняли данное издание документов из собрания Бахметевского архива Колумбийского университета. В книге помещены воспоминания Константина Ивановича Глобачева (1870–1941), одного из ярких представителей элиты российского политического сыска. Выходец из семьи потомственных дворян, выпускник Полоцкого кадетского корпуса, Павловского военного училища, Николаевской академии Генерального штаба, с 1915 г. генерал-майор, он один из первых, кто сразу же «по горячим следам» начал фиксировать со-

бытия тех лет, доведя описание до конца 1922 г.

Воспоминания К.И. Глобачева состоят из двух частей, первая из которых охватывает период с момента его назначения начальником Петроградского охранного отделения в 1915 г. до начала Февральской революции, вторая – от его ареста в феврале 1917 г. до эмиграции в декабре 1922 г. В них с личных позиций мемуариста раскрывается деятельность возглавляемого им ведомства, приводятся сведения о его структуре, штатах, излагаются суть и особенности работы с секретными сотрудниками.

К.И. Глобачев, принадлежавший к высокопоставленным чиновникам, в своих воспоминаниях свидетельствует о безразличии министров внутренних дел к работе руководимого учреждения. Все они плохо разбирались в революционном движении России и мало им интересовались. Ни один «не проявил достаточно воли и таланта, чтобы умелым руководством парализовать и разъединить те силы, которые сознательно вели осаду власти и повергли Россию во прах» (С. 92–93). К этим силам, например, Глобачев относит Центральный военно-промышленный комитет, укомплектованный кадрами,

стоявшими в оппозиции к правительству и трону, заседания которого считал политическими совещаниями и митингами. Подобным же образом характеризуется деятельность Земгора, призванного помогать больным и раненым воинам, дублируя работу Красного Креста, что, по мнению мемуариста, привело эту организацию к антиправительственной деятельности.

Самостоятельная глава воспоминаний посвящена личности Г.Е. Распутина и его отношениям с царской семьей. С точки зрения К.И. Глобачева, это был «человек сильной воли, способный подчинять себе волю других». Сам же автор воспринимал Распутина как «заурядного неглупого мужика» (С. 80). Что касается влияния старца на императрицу, то оно «объяснялось исключительной верой ее в Распутина как в молитвенника, охранителя драгоценного здоровья ее сына, наследника престола» (С. 86). Подобное мнение разделяла и супруга мемуариста С.Н. Глобачева, отметившая, что общество «само создает силу Распутина, приписывая ему несуществующее огромное влияние на царскую семью» (С. 239). Это отражено в написанных к началу 1950-х гг. специально для внуков воспоминаниях Софии Николаевны «Прелюдия происходящих в мире событий», ставших весьма важным и правомысленным дополнением воспоминаний К.И. Глобачева.

В своих записках С.Н. Глобачева предстает женщиной с сильным характером, преданной мужу и детям, стремившейся выстоять в сложных условиях революции, Гражданской войны и эмиграции. Не думая о своей безопасности, всеми возможными способами она старалась спасти и облегчить жизнь мужа. Ее воспоминания, а также вошедшие в книгу письма К.И. Глобачева жене – это гимн любви и преданности.

В заключительной части книги помещен очерк внука К.И. Глобачева, специалиста по русской истории

В.Г. Маринича «Судьба русского офицера», написанный им специально для данного издания по рассказам матери Лидии Константиновны, а также по документам Бахметевского архива Колумбийского университета, Государственного архива Российской Федерации и материалам семейного архива.

Безусловного одобрения заслуживает решение составителей поместить в приложение доклад, письма, донесения К.И. Глобачева в Департамент полиции с анализом причин волны погромов и голодных бунтов, приведших к Февральской революции, а также другие официальные документы, известные специалистам лишь частично. Они существенно дополняют текст воспоминаний, написанных К.И. Глобачевым исключительно по памяти. (Несмотря на это, многие переданные им события и факты соответствуют их описанию в других источниках.) Кроме того, высокую профессиональную квалификацию Глобачева как главы охранного отделения и дипломата подтверждают рекомендация, данная генерал-майором Генерального штаба Юга России В.П. Никольским (С. 438), и приказ военного атташе российского посольства в Константинополе (С. 440).

Несомненным достоинством издания является представительный научно-справочный аппарат. В предисловии даны источниковедческая характеристика публикуемых мемуаров, а также объемный исторический очерк о деятельности Петроградского охранного отделения, слабо освещенной в литературе. Здесь составители сборника уделили пристальное внимание предшественникам К.И. Глобачева на посту главы данного учреждения, что, на наш взгляд, выходит за рамки издания.

Сборник снабжен необходимыми и весьма содержательными комментариями, включающими не только справочные данные, но и цитаты из исторических источников. Самостоятельную ценность представляет аннотированный именной указатель, подготов-

ленный на основе широкого круга источников и литературы. В нем сообщаются основные биографические сведения об упомянутых лицах, дается представление о сфере их деятельности и роли в развитии освещаемых событий.

Профессионально сделанный НСА существенно облегчает пользование сборником, а включенные иллюстрации (репродукции фотодокументов из

фондов ГАРФ и других российских архивов, а также семейного архива Глобачевых) повышают его информационную насыщенность. Книга прекрасно издана и предлагает исследователям новый материал о внутренней политике России, истории учреждений политического сыска. Она подготовлена с соблюдением правил археографии и вполне оправдывает марку научного издания.

Ю.С. ВОРОБЬЕВА

Центральный московский архив-музей личных собраний: Путеводитель / Сост. М.В. Добренькая. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2008. – 368 с.: ил. – 1000 экз.

В Центральном московском архиве-музее личных собраний (ЦМАМЛС) хранится 303 фонда, свыше 60 тыс. ед. хр. и около 6 тыс. вещественных источников. Настоящий Путеводитель состоит из двух частей: в первую, наибольшую по объему, включены сведения о 198 фондах личного происхождения, во вторую – о 16 коллекциях, прошедших научное описание. В них представлены ценнейшие документы по истории науки, культуры, просвещения, общественно-политической жизни не только страны, но, прежде всего, Москвы конца XIX – начала XX в.

В справочнике приведены характеристики личных и семейных фондов советских государственных, партийных и общественных деятелей (В.В. Гришин, М.Д. Ковригина, В.И. Конотоп и др.); писателей (В.Г. Брагин, Л.И. Славин и др.); филологов (В.П. Адрианова-Перетц, Д.Н. Ушаков и др.); музыкантов (Б.А. Александров,

М.Я. Магиденко и др.); историков-архивистов, преподавателей Московского государственного историко-архивного института (Д.С. Бабурин, М.С. Вишневский, И.Л. Маяковский, К.Н. Тарновский, М.С. Селезнев, Д.М. Эпштейн), а также военнотружеников, врачей, педагогов, литераторов, мастеров искусств, изобретателей и многих других, деятельность которых, как правило, связана с Москвой.

В аннотациях сообщается о наличии творческих произведений, биографических документов, переписки, фотографий фондообразователя, а также собранных им рукописей других авторов, книг с дарственными надписями, документов из личных и семейных архивов друзей и коллег. Например, в фонде государственного и партийного деятеля Н.А. Кубяка (1881–1937) хранятся воспоминания большевиков А.А. Андреева, Е.Д. Стасовой, фотографии Николая Афанасьевича с П.А. Кобозевым, П.П. Постышевым, И.П. Уборевичем, снимки Н.И. Бухарина, Р.С. Землячки, М.И. Калинина, А.И. Микояна и др. В фонде организатора внешкольной работы с детьми Я.Е. Берлина (1902–1983) имеются фотографии А.Барбюса, С.М. Буденного, Ю.А. Гагарина, Д.Б. Кабалевского, А.П. Маресьева, И.М. Москвина, С.Т. Коненкова, М.А. Шолохова.

В личных фондах историков-архивистов присутствуют научные труды (доклады, статьи, лекционные курсы) по архивному делу и отечественной истории А.И. Андреева, С.Н. Валка, Г.А. Князева, И.Ф. Колесникова, В.К. Лукомского, В.В. Максакова, К.Г. Митяева, С.Ф. Платонова, Н.Л. Рубинштейна, М.Н. Шобухова; письма С.И. Вавилова, А.Я. Вышинского, Н.М. Дружинина, И.И. Минца; фотографии В.Д. Бонч-Бруевича, В.В. Максакова, А.Н. Толстого, Л.В. Черпина и др.

Характеристики архивных коллекций раскрывают состав и содержание небольших по объему собраний документов, объединенных по тематике (история и культура г. Москвы второй половины XX в., политических репрессий и др.), профессиональному (деятели литературы, изобразительного искусства, актеры и режиссеры, рабочие и др.), номинальному (рукописи архитектора В.А. Бакарева, депутатская переписка И.А. Лихачева) и иным признакам.

Самостоятельный интерес представляют сведения о вещественных памятниках, отражающих быт, профессиональную деятельность, интересы, вкусы различных слоев московского общества. Информация о них имеется во многих характеристиках архивных фондов. Театральный бинокль, шкатулки, посуда начала XX в., медали, значки хранятся в фонде филолога, члена-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц (1888–1972) и ее племянницы химика О.Н. Адриановой (1919–2002); настольные часы, китайский гобелен, нагрудный знак «Народный артист СССР» – в фонде композитора Б.А. Александрова, художественного руководителя и главного

дирижера Ансамбля песни и пляски Советской армии им. А.В. Александрова (1905–1994); боевые и трудовые награды, памятные знаки, сувениры и подарки от китайских архивистов, личная печать в форме стилизованного льва в деревянном лаковом футляре с инкрустацией – в фонде историка, профессора МГИАИ М.С. Селезнева (1915–1998).

Несомненным достоинством издания является представительный научно-справочный аппарат. В предисловии дана краткая характеристика состава и содержания хранящихся в ЦМАМЛС документных комплексов личного происхождения. В конце книги помещены именной (более 3 тыс. фамилий), географический и топонимический указатели; списки сокращений, 289 проаннотированных и 86 не прошедших научное описание фондов. В последнем – документы архитектора А.В. Власова (1900–1962), историка С.Н. Гурвич-Бухариной (1924–2003), поэта Е.А. Долматовского (1915–1984), композитора А.А. Николаева (1931–2003), журналиста Е.И. Рябчикова (1909–1996), других лиц и организаций, а также старинных и редких книг.

Путеводитель содержит 24 страницы с цветными репродукциями уникальных документов из фондов Героя Советского Союза Б.Н. Дмитриевского (1922–1945), актера Г.С. Епифанцева (1939–1992), поэта Л.А. Озерова (1914–1996), актрисы Е.А. Фадеевой (1914–1999) и других фондообразователей, что, несомненно, украшает издание и повышает его информационную ценность.

Книга прекрасно издана и дает исследователю представление о составе фондов ЦМАМЛС.

Н.С. ЗЕЛОВ

День архивов в регионах

В зале Музея изобразительных искусств Республики Карелия 10 марта состоялось торжественное собрание архивистов с участием представителей Министерства культуры и по связям с общественностью РК, Консерватории им. А.К. Глазунова, Историко-архитектурного музея-заповедника «Кижы», Детско-юношеской библиотеки, Национального ансамбля «Кантеле». Их приветствовали член комиссии Общественной палаты по сохранению культурного и духовного наследия, руководитель Музея изобразительных искусств РК Н.И. Вавилова и директор Национального архива РК Т.М. Анохова, поздравившие архивистов с профессиональным праздником и отметившие социальную значимость их деятельности. Особенным моментом мероприятия стало обращение НАРК к семье Вавиловых с предложением о передаче документов на хранение.

В рамках Дня архивов прошла встреча с членом Союза композиторов России, проф. Петрозаводской государственной консерватории Г.А. Вавиловым, рассказавшим о своем творчестве и порадовавшим присутствовавших исполнением музыкальных произведений; стартовал конкурс методических разработок сотрудников НАРК, организованный в целях стимулирования, совершенствования и поощрения актуальных и практически значимых разработок современного архивного дела; проведены экскурсии по экспозициям музея «Живая Калевала» и «Товарищество передвижных выставок XXI век».

День архивов позволил не только привлечь внимание к профессиональной деятельности архивистов, но и показал ее общественное значение, тесную взаимосвязь с культурой, наукой и образованием.

Э.Ю. Тароева, Ю.А. Новикова, Е.А. Лебедева

* * *

В Госархиве Калининградской области 10 марта открылась выставка «Гумбиннен–Гусев: прошлое и настоящее города», подготовленная ГАКО и Гусевским историко-краеведческим музеем им. А.М. Иванова. Ее презентацию приурочили к моменту передачи в архив муниципальным музеем Гусева (современное название Гумбиннена) коллекции электронных документов.

Более 60 лет бывшие жители Гумбинненского округа, депортированные в 1947–1948 гг. в Германию, собирали материалы о своей Родине: книги, альбомы, карты, фотографии, воспоминания современников и др. Создав солидную коллекцию и оцифровав значительную ее часть, Общество бывших жителей Гумбиннена подарило ее администрации Гусевского муниципаль-

ного района и местного историко-краеведческого музея. Последние внесли свой вклад в популяризацию исторического прошлого города, не только передав в ГАКО электронные материалы, но и существенно дополнив их современными.

Из фондов ГАКО были показаны документы палаты военного и государственного имущества г. Гумбиннен и правительства округа Гумбиннен, рассказывающие о ярких моментах истории города, в частности о прибытии в 1732 г. в опустевший после эпидемии чумы Гумбиннен переселенцев из Зальцбурга. Широко представлены и документы советского периода: приказы Управления по гражданским делам за 1945–1946 гг.; эшелонные списки первых переселенцев, осваивавших

район в 1946–1952 гг.; материалы об образовании органов конституционной власти в районе и создании его крупнейших предприятий.

Завершали экспозицию российские и германские издания разных лет, посвященные истории Гумбиннена-Гусева, а также подборка номеров районной газеты «За доблестный труд». Параллельно на двух экранах демонстрировался

CD-альбом, смонтированный из фотодокументов, отображающих облик старинного европейского города и его уникальную планировку.

В презентации участвовали представители областных, муниципальных административных и общественных организаций, преподаватели калининградских вузов, архивисты, сотрудники музеев и библиотек, журналисты и краеведы.

В.И. Егорова

* * *

В День архивов, 10 марта, в Госархиве Кировской области произошло радостное событие: после реконструкции открылось здание № 2 (здесь хранятся, в основном, документы досоветского периода). Впервые за 45 лет были отремонтированы архивохранилища, установлены автоматическая система вентиляции и кондиционирования воздуха, а также новые металлические стеллажи, современные системы охранно-пожарной сигнализации и пожаротушения. За счет сооружения в 2006 г. пристройки к зданию № 2 его вместимость увеличилась вдвое (составляет 1150 тыс. ед. хр.), в одном из архивохранилищ оборудованы мобильные металлические стеллажи протяженностью 1617 пог. м.

В связи с ростом числа исследователей значительно расширена площадь читального зала (теперь в нем могут заниматься 26 посетителей), где установлена система видеонаблюдения.

На первом этаже здания два кабинета занимает отдел реставрации и страхового фонда архивных документов. В цокольном этаже пристройки находится хранилище микрофильмов страхового фонда, которые помещены в специально изготовленные металлические шкафы.

В реконструированном здании обеспечены оптимальные условия не только для хранения документов, но и для труда архивистов. На открытии присутствовали представители органов власти, вузов, организаций, сотрудничающих с архивом, теле- и радиожурналисты, строители, коллеги-архивисты и постоянные исследователи. Была зачитана приветственная телеграмма руководителя Росархива В.П. Козлова, который выразил уверенность в том, что деятельность работников ГАКО будет и

впредь способствовать развитию архивного дела, приумножению историко-культурного богатства Отечества. Затем состоялась пресс-конференция для СМИ, проведена экскурсия по архиву.

К своему профессиональному празднику кировские архивисты подготовили и издали книгу «О судьбах и мгновеньях пролетевших... Очерки истории государственной архивной службы Кировской области», где впервые за 90-летнюю историю государственных архивов на Вятской земле была предпринята попытка собрать воедино и систематизировать материал о деятельности архивных учреждений. Кроме очерков по истории учреждений архивной службы, в нее включены биографии руководителей разных лет, воспоминания ветеранов, список архивных изданий с 1925 г., хроника архивного строительства, именной указатель, фотографии.

Презентация издания состоялась 12 марта в читальном зале ГАКО, куда пришли краеведы, студенты и преподаватели вузов, библиотекари. После вступительного слова начальника Управления по делам архивов Кировской области В.М. Куклина был продемонстрирован видеofilm «90 лет государственной архивной службе Кировской области», созданный КГТРК «Вятка».

Ответственный составитель издания директор Госархива социально-политической истории Кировской области Е.Н. Чудиновских рассказала о подготовительной работе, а сотрудники госархивов г. Кирова – о том, что осталось за рамками книги. Директор издательства «О-Краткое» Е.М. Дрогов подчеркнул важность этого труда архивистов для сохранения истории архивной службы Кировской области.

Электронную презентацию документов о ветеранах ГАКО представила начальник отдела организационно-методической работы и автоматизированных архивных технологий Т.А. Титова, а с обновленным интернет-сайтом ГАСПИКО ознакомила заместитель директора О.А. Малина. Об итогах трехлетней деятельности Госархива доку-

ментов по личному составу Кировской области рассказала его директор И.П. Гусева, о работе по собиранию воспоминаний ветеранов архивной службы – директор Центра комплектования госархивов Кировской области Л.Б. Нелюбина. Преподаватели вузов отметили важность архивов для работы историков.

Т.А. Титова, Г.В. Нагорничных

* * *

В Госархиве Магаданской области 10 марта состоялось торжественное открытие выставочного зала, на котором присутствовали заместитель губернатора области А.В. Положиев, представители СМИ, архивисты. Для гостей была подготовлена экспозиция «Магаданская область: веки истории» из более чем двухсот документов, отражающих историю образования области и ее административного, культурного и научного центра – г. Магадана; деятельность Государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы «Дальстрой» в 1931–1957 гг., Управления Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря ОГПУ–НКВД СССР; вклад северян в Победу в Великой Отечественной войне; жизнь коренных народностей Севера. Это указы Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР о выделении Магаданской области из состава Хабаровского края, сведения об образовании районов, первых руководителях области; рассекреченные документы Дальстроя; постановления и решения ЦК ВКП(б), СНК и СТО о первых шагах в освоении края; материалы о становлении и развитии горнодобывающей промышленности, работе приисков и рудников по добыче золота, олова и других полезных ископаемых, налаживании транспортных связей, а также о структуре Севвостлага

и содержании заключенных, руднике «Бутугычаг», об участии северян в Великой Отечественной войне, патриотическом движении помощи фронту.

Заметное место в экспозиции занимали документы об изменениях в жизни коренного населения: коряков, эвенов, тунгусов, юкагиров и других народностей Севера. Они свидетельствуют о постепенном переводе кочующих родов на оседлость, объединении их в первые простейшие общества – артели по добыче рыбы и разведению оленей; об организации национальных центров, создании тунгусского букваря и словаря; о культурных традициях, национальных праздниках и знаменательных событиях современной истории области.

Собое внимание привлекали фотографии тех лет, карта объектов Дальстроя 1932–1937 гг., наглядно демонстрировавшие развитие отраслей народного хозяйства региона, личные дела его первых руководителей и геологов (Э.П. Берзина, И.Ф. Никишова, А.К. Болдырева, И.Е. Рождественского), автора трилогии «Человек рождается дважды» В.С. Вяткина и др.

Сотрудники госархива надеются, что выставочный зал станет визитной карточкой архивной службы области и позволит поднять работу по использованию архивных документов на более высокий уровень.

Н.А. Варава

* * *

В День архивов сотрудники Госархива в г. Шадринске подготовили и провели презентацию личного фонда А.Н. Перуновой, артистки народного театра драмы Дворца культуры Шадринского автоагрегатного завода, краеведа,

а также выставки «Из наших семейных архивов...».

В документах воссоздана история повседневности не только г. Шадринска, Курганской области, но и других регионов России, отражены яркие стра-

ницы Гражданской и Великой Отечественной войн. Здесь можно было увидеть рукопись воспоминаний командира взвода 367-й стрелковой дивизии 1217-го стрелкового полка А.А. Таланкина о боях в Карелии и Заполярье, свидетельство о ранении, выписанное в эвакогоспитале № 1726 (г. Шадринск) в марте 1942 г., удостоверения к медалям, а также сами награды.

Большое место в экспозиции занимали фотографии, наиболее ранние из которых относятся к началу XX в. На них запечатлены участники Гражданской войны, красноармейцы, пограничники, учителя сельских школ Шадринского района на кустовом методическом совещании в 1955 г. возле здания Ново-Песковской сельской школы, военком Шадринского военкомата Н.И. Кондин с шадринцами – Героями Советского Союза в начале

1970-х гг., выпускники 1938 г. школы мастеров г. Златоуста и др.

Большой интерес вызвали семейные реликвии: «Книжка поминовения усопших домашняя» за 1920–1930-е гг., паспорт и удостоверение помощника машиниста паровоза 1933 г., военный билет 1939 г., свидетельство о браке 1944 г., аттестат об окончании Ульяновского военного училища связи им. С.Орджоникидзе 1950 г., членская кооперативная книжка Батуринского потребительского общества Шадринского района 1952 г., дневник успеваемости за 1968/69 уч.г., талон общественного инспектора от 1981 г., удостоверение ударника коммунистического труда 1984 г., а также ордена «Материнская слава» I и II степени, принадлежавшие матери специалиста 1-й категории Т.П. Юговой, и коллекция значков главного специалиста Л.И. Кондиной.

Л.А. Бякова

Российско-белорусский семинар

Он состоялся 21–22 апреля в РГАНТД и был посвящен созданию фонда пользования архивных документов на цифровых носителях. В нем участвовали свыше 30 специалистов архивных учреждений Республики Беларусь, федеральных государственных архивов Российской Федерации, Росархива, корпорации «Электронный архив», компании ReDocs.

Заместитель начальника отдела обеспечения сохранности, государственного учета и автоматизированных архивных технологий Росархива Г.А. Хабибулина сообщила о состоянии работы по переводу архивных документов в электронный формат в российских архивах, в том числе о наиболее крупных проектах, проводимых в ГАРФ (микрофильмирование документов фонда «Советская военная администрация в Германии (СВАГ)»), РГАС-ПИ (проект Коминтерна), архивных учреждениях Тюменской области («Электронный архив Тюменской области»).

Директор Республиканской технической лаборатории микрофильмирования страхового фонда документации Республики Беларусь Е.А. Звегинцева рассказала об опыте создания цифро-

вых копий документов Национального архивного фонда Республики Беларусь, в частности об общих подходах к отбору документов для этих целей, самом процессе оцифровки, выборе формата создаваемых копий, обеспечении их длительной сохранности.

В сообщениях специалистов РГАНТД говорилось о проблемах сканирования страхового фонда, создания фонда пользования на компакт-дисках архивных фото- и фонодокументов, обеспечения сохранности документов на оптических дисках, АИПС на аудиовизуальные документы РГАНТД с их цифровыми копиями, а представителей корпорации «Электронный архив» и компании ReDocs – о проектах по созданию электронных фондов пользования в организациях.

На базе РГАНТД были проведены демонстрация работы сканера микрофиш, участка сканирования фотодокументов, а также экскурсия в архивохранилище для ознакомления участников семинара с организацией хранения и учета оптических дисков.

Материалы семинара планируется издать, с тем чтобы использовать их

в практической работе российских и белорусских архивистов.

По итогам семинара были сделаны следующие выводы. Работа по оцифровыванию архивных документов требует серьезного методического обеспечения и в настоящее время рассматривается только в плане создания фонда пользования. Обозначены единые подходы к отбору документов для оцифровывания, в числе которых особо ценные наибо-

лее используемые документы, физическая сохранность которых вызывает опасения. Несмотря на имеющиеся трудности, созданию электронного фонда пользования в архивной отрасли Российской Федерации и Республики Беларусь уделяется серьезное внимание, а практика оцифровывания документов является перспективным направлением обеспечения сохранности документов.

Г.А. Хабибулина

Зональные семинары-совещания архивистов в Республике Дагестан

Они были проведены Комитетом Правительства РД по делам архивов в марте в Дербенте, Избербаше, Кизляре и Буйнакске для заведующих архивными отделами администраций, работников делопроизводственных служб организаций – источников комплектования архивов, управляющих делами администраций муниципальных округов, глав администраций сельских поселений Кизлярского района. Обсуждались задачи архивной службы республики по паспортизации муниципальных и ведомственных архивов; собравшиеся обменялись практическим опытом.

Открывала и вела семинарские занятия председатель Комитета Правительства РД по делам архивов П.К. Чурланова, отметившая необходимость качественного проведения в 2009 г. плановой паспортизации всех муниципальных и ведомственных архивов республики, главными задачами которой являются наведение порядка в государственном учете документов Архивного фонда РД, а также целевое использование средств, выделяемых из республиканского фонда компенсаций на выполнение государственных полномочий в области архивного дела. Большую помощь в этом окажет принятый в первом чтении законопроект «О внесении изменений в закон Республики Дагестан "О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Рес-

публики Дагестан государственными полномочиями Республики Дагестан по хранению, комплектованию, учету и использованию Архивного фонда Республики Дагестан"» от 8 декабря 2005 г. № 63, предусматривающий перераспределение выделяемых средств в целях выравнивания положения муниципальных архивов по обоснованным заявкам руководителей МО.

Заместитель председателя комитета Б.К. Гайдарбегова рассказала о методике составления паспортов муниципальных архивов и архивов организаций и мерах по устранению типичных ошибок предыдущих паспортизаций, проанализировала состояние делопроизводства в организациях.

Начальник отдела комитета Р.З. Курбанова доложила о применении норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и других законодательных актов Российской Федерации и Республики Дагестан об архивном деле, отметила, что санкции за нарушение правил хранения, учета, комплектования и использования архивных документов (ст. 13.20) в республике почти не применяются. Она подчеркнула необходимость описания не прошедших научно-техническую обработку документов, хранящихся в муниципальных архивах и архивах организаций, соблюдения порядка приема-передачи документов по акту при смене руководи-

телей, применения требований кодекса при составлении актов обследования условий хранения документов в организациях. При проведении паспортизации в источниках комплектования муниципальных архивов, выявлении недостатков в условиях хранения документов следует наряду со справкой проверки учреждения составлять акт обследования и совместно с его руководителем намечать меры и сроки устранения недостатков, по истечении которых производить контрольные проверки. В случае неисполнения предписаний заполненный акт направлять в комитет для принятия соответствующих мер согласно кодексу.

Специалисты комитета выступили также с докладами, посвященными ор-

ганизации работы по ведению списка источников комплектования муниципальных архивов и их основных учетных документов, БД «Архивный фонд-3», внедрению Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (2007 г.).

Содержательными были сообщения заведующих муниципальными архивами, доложивших об активизации работы по составлению паспортов, инспектированию организаций и участию в этом процессе их руководителей.

П.К. Чурланова

К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя

В Государственном музее А.С. Пушкина (ул. Пречистенка, 12/2) 19 марта открылась выставка «Гоголевский бульвар. Художественный мир Н.В. Гоголя в документальных памятниках XIX–XX веков». Она организована Минкультуры России, Росархивом, РГАЛИ, Департаментом культуры Правительства Москвы, Государственным музеем А.С. Пушкина при участии Государственной Третьяковской галереи, Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, РГАКФД, Института мировой литературы им. А.М. Горького, Российской академии художеств, Государственного Литературного музея, Государственного академического Большого театра России, Государственного академического Малого театра России, Государственного академического центрального театра кукол им. С.В. Образцова, киноконцертна «Мосфильм», телекинокомпаний «Россия» и «Централ Партнершип», частных коллекционеров, а также Госкомархива и ЦГАМЛИ Украины.

Авторский коллектив проекта, состоящий из специалистов РГАЛИ и Государственного музея А.С. Пушкина, предпринял попытку не только воссоздать биографию Николая Васильевича,

но и показать влияние его личности и творчества на мировую литературу, музыку, живопись, театр, кинематограф.

Название выставки символично: из письма Н.В. Гоголя С.Т. Аксакову (1841 г.) известно, что писатель считал Москву своей родиной. Бульвар, именовавшийся когда-то Пречистенским, был любимым местом его прогулок. В 1909 г. к 100-летию со дня рождения Н.В. Гоголя здесь установили ему памятник работы скульптора Н.А. Андреева, а через четверть века бульвар переименовали в Гоголевский. В 200-летний юбилей Гоголевский бульвар воплотился в выставочном формате, где художественный мир писателя предстал в уникальных архивных документах, произведениях искусства и музейных реликвиях.

Основную часть масштабной экспозиции составили подлинные архивные документы о жизни и творчестве Н.В. Гоголя из фондов РГАЛИ, большинство из которых обнародованы впервые. В их числе рукописи писателя: тексты его произведений и письма к С.Т. Аксакову, В.Г. Белинскому, П.А. Вяземскому, А.С. Данилевскому, А.О. Смирновой-Россет, А.П. Толстому и др. Образ писателя и персонажи его произведений получили развитие в культуре XIX–XX вв.

Посетители увидели эскизы костюмов и декораций к спектаклям, иллюстрации и книжную графику (А.Н. Бенуа, И.Э. Грабарь, М.В. Добужинский, А.Т. Зверев, Кукрыниксы и др.), партитуры Р.М. Глиэра, Н.А. Римского-Корсакова, Д.Д. Шостаковича, рукописи теоретических исследований И.Ф. Анненского, А.Белого, С.Н. Дурылина С.М. Эйзенштейна. Отдельный раздел экспозиции посвящен юбилейным торжествам 1909 г., хроника которых отражена в материалах архива. Афиши вечеров и спектаклей, фотографии, иллюстрированные листовки начала века воссоздают атмосферу тех дней.

В ходе подготовки выставки специалистов РГАЛИ ожидало немало удивительных открытий. Так, поистине драгоценным подарком стали тексты, недавно опубликованные в сборнике «Неизданный Гоголь», в частности принадлежавшая ему «Записная книга 1835 г. с лекциями и статьями по истории и географии».

Посетителям представлены и связанные с Н.В. Гоголем мемориальные вещи, а также предметы эпохи, живописные и графические работы. Среди них –

кожаный портфель Николая Васильевича, в котором, по воспоминаниям современников, он хранил свои рукописи, в том числе вторую, позднее сожженную часть поэмы «Мертвые души».

Безусловный интерес вызывают библиографические редкости из книжных коллекций музея А.С. Пушкина и библиотеки РГАЛИ: первые издания произведений Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», 1831 г.), публикации в пушкинском журнале «Современник» (1836 г.), прижизненные издания «Ревизора», «Мертвых душ», «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Государственная Третьяковская галерея украсила экспозицию шестью работами М.Шагала, иллюстрировавшего поэму «Мертвые души».

Эскизы художественного оформления, реквизит театральных и кино постановок представили для показа крупнейшие театры России и киноконцерн «Мосфильм». Здесь также можно было увидеть фото- и видеорепортаж со съемок последнего и самого масштабного кинопроекта – исторической драмы «Тарас Бульба».

Л.А. Иванова

Томские архивисты – Году молодежи

В Госархиве Томской области открылась документальная экспозиция «Alma mater – материк моих начал, надежд, воспоминаний». Ее герои – студенты и колыбель сибирского студенчества г. Томск. Напомнить о годах юности выпускникам и рассказать молодежи о студенческих традициях – цель экспозиции, подготовленной по документам фондов томских вузов, городской думы, горисполкома; личного происхождения и документальным коллекциям, хранящимся в ГАТО. Документы, экспонаты из музейного фонда дают представление о Томске как молодежном городе, где, по словам Р.И. Рождественского, «ты – или студент, или имеешь к тому отношение». С момента принятия решения об открытии здесь Сибирского императорского университета в 1878 г. городу дарована особая судьба Alma mater – принимать молодежь, учить и отправлять во взрослую, самостоятельную жизнь.

Выставка построена по тематико-хронологическому принципу. Перед посетителями последовательно разворачивается картина жизни студенческого Томска во всей ее полноте: получение знаний и последующая карьера, участие в политической и общественной жизни, организация быта и досуга, отношение власти и городского сообщества к образовательной миссии Томска.

Среди документов – студенческие билеты, зачетные книжки и дипломы об окончании вузов, личные дела, анкеты начала XX в., фотографии студентов с конца XIX в. до наших дней. Первые томские студенты были старше современных, особенно выделяется поколение студентов-фронтовиков, сфотографированных в гимнастерках и с медалями. Среди выпускников томских вузов немало людей известных. Прошение на имя ректора Томского университета написано будущим президентом АМН СССР Н.Н. Бур-

денко, а одна из зачетных книжек принадлежала студенту-технологу Д.Д. Бондареву, конструктору первого русского легкого автомобиля «Руссо-Балт».

Интересна переписка о строительстве общежитий и студенческих городков, в которой привлекает внимание призывы Томской городской думы к жителям Сибири о сборе средств для строительства второго общежития студентов университета. Фотографии интерьера комнат общежитий свидетельствуют: за стол лет мало что изменилось – кровать, стол, тумбочка, книжная полка, и лишь компьютер на заднем плане да иной фасон платья выдают время снимка.

В числе документов об участии студентов в собраниях, митингах, забастовках – донесения инспектора о срыве занятий, студенческих сходках; требования о представительстве студентов в заседаниях совета профессоров и собраниях факультетов в 1917–1919 гг.; материалы о студенческой группе «Черный кот» за 1929 г.; фотографии и информации об участии студентов в акции протеста 1990-х гг.

Прошения, переписка, отчеты, наградные листы рассказывают об участии томских студентов в ликвидации

эпидемии чумы в Благовещенске и Хабаровске в 1910 г., борьбе с холерой в Башкирии, освоении целинных земель в 1950-е гг. в Казахстане, работе на комсомольских стройках Севера.

Представлены и студенческая пресса, поэтические сборники, фотографии и программы молодежных фестивалей, маевок, театральных постановок; из музейных предметов – памятные медали и нагрудные знаки выпускников томских вузов разных лет, в том числе нагрудный знак выпускника Томского императорского университета А.М. Субботина за 1903 г., эмблемы, форма участников студенческих строительных отрядов.

Официальные документы дополнили воспоминания выпускников томских вузов из документальной коллекции «Alma mater» ГАТО.

Судя по отзывам, выставка получилась интересной как для бывших, так и для нынешних студентов. Первые получили возможность окунуться в юность, находили в документах знакомые фамилии, разглядывали старые фотографии, вторые оживленно обсуждали внешний облик студентов прежних лет, темы курсовых работ столетней давности, учебные планы, политические лозунги и др.

А.Г. Каравая

Юбилей

Центральному госархиву общественных объединений Республики Башкортостан – 80 лет

Свою историю архив ведет с 16 апреля 1929 г., когда во исполнение решения ЦК ВКП(б) от 26 марта 1929 г. секретариат Башкирского обкома ВКП(б) утвердил постановление об образовании архива партийных органов и организаций ВКП(б) республики для хранения партийных и комсомольских документов, отражающих революционное движение, Гражданскую войну, коллективизацию сельского хозяйства, создание и развитие отраслей промышленности.

В 1991 г. партархив Башкирского рескома КПРФ преобразован в Центральный госархив общественных объединений РБ (ЦГАОО РБ) и передан в систему государственной архивной службы республики. Сегодня в списке его фондообразователей 170 общественных объединений и ор-

ганизаций, среди которых Ассамблея народов Республики Башкортостан, исполком Международного союза общественных объединений «Всемирный курултай (конгресс) башкир», Собор русских Башкортостана, «Конгресс татар Башкортостана», Башкирское отделение Международного фонда славянской письменности и культуры, Межрегиональная общественная организация «Башкирский народный центр “Урал”», Республиканский национально-культурный центр украинцев «Кобзарь», Башкирский республиканский совет ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов и т.д.

С обретением нового статуса архив стал комплектоваться документами личного происхождения. Сформировано более 60 личных фондов: бывшего предсе-

дателя Совета министров БАССР З.Ш. Акназарова, Героя Советского Союза Т.Т. Кусимова, народного поэта Республики Башкортостан Мустая Карима, писателей К.А. Аралбаева, Д.М. Булякова, Г.Г. Ибрагимова и др.

Проведена большая работа по рассекречиванию партийных документов. В читальном зале архива ежегодно занимаются до 150 исследователей, в том числе зарубежных.

Подготовлены и вышли в свет ряд документальных изданий: «Салават-батыр – навеки в памяти народной», «Молодежное движение в Башкортостане. XX век», «Башкортостан с древнейших времен. Хроника основных событий» и др. Они получили хорошие отзывы в республике и за ее пределами. Изданы две части сборника документов и материалов «Государственные языки: история и современность», первая посвящена их использованию в области государственного и народного хозяйства, вторая – в письменности и системе народного образования. Ведется сбор материалов для третьей части (вопросы реализации государственных языков в республике в 1920–1930 гг. в сферах культуры, искусства и печати). К 65-летию Победы планируется выпустить справочник о Героях Социалистического Труда и полных кавалерах ордена Трудовой Славы – уроженцах республики. Завершена работа над Путеводителем по

фондам архива (сдан в издательство). Большим спросом пользуется ежегодно издаваемый Календарь праздничных и памятных дней, профессиональных праздников и юбилейных дат республики.

Обновляется материально-техническая база: на средства республиканского бюджета установлено новое оборудование кондиционирования воздуха в архивохранилищах, заменены окна. Ежегодно приобретает современная оргтехника. Важнейшее направление деятельности архива – информатизация. Активно внедряются современные компьютерные программы и технологии, что позволяет вести работу по созданию банка данных и поднять ее на качественно новый уровень.

17 апреля в ЦГАОО РБ состоялось торжественное собрание, посвященное его юбилею. В нем участвовали представители администрации Президента и аппарата Правительства РБ, Управления по делам архивов при Правительстве РБ, руководители ряда государственных учреждений и организаций, ветераны архивной службы республики. В поздравлениях Президента РБ М.Г. Рахимова и Правительства РБ, выступлении начальника Управления по делам архивов при Правительстве РБ А.А. Хисматуллина отмечался достойный вклад архива и архивистов в научную и общественную жизнь республики, в приумножение духовного потенциала родного края.

Ю.Х. Юлдашбаев,
кандидат исторических наук

Нижегородские архивисты – к 90-летию архивной службы области

Ее история начинается с 13 января 1919 г., когда коллегия Главного управления архивным делом РСФСР назначила А.Я. Садовского (1850–1926) уполномоченным по Нижегородской губернии с предписанием создать сеть государственных архивов. В честь знаменательной даты архивисты подготовили и провели ряд мероприятий.

10 февраля в специально оборудованном зале в здании Лаборатории обеспечения сохранности документов состоялось торжественное открытие музея Нижегородской архивной службы. Экспозиция (свыше 80 предметов) создавалась в течение двух месяцев, хотя сбор экспо-

натов начался гораздо раньше. Среди них – портреты руководителей архивной службы области с 1919 г., фотолегионисты наиболее значимых событий архивной жизни, оборудование архивохранилищ 1930–1960-х гг. (стеллаж, муляжи связок дел, образцы специальных папок и тубусов), старые фотоаппарат и телефон, орудия труда реставратора. Особое место занимают мемориальные уголки заместителя директора облгосархива Г.И. Браво-Животовской (1931–2008) и директора партархива В.А. Казакова (1926–1998), где все воспроизведено так, как было при жизни выдающихся архивистов: массивный двухтумбовый стол,

яция с каталожными карточками, написанными характерным почерком Галины Ивановны, ее старая пишущая машинка, шариковая ручка, чашка с блюдцем, небрежно накинутая на спинку стула шаль, а также директорский стол Владимира Анатольевича с бюстом Ленина, настольным календарем и письменным прибором, селектор, наброски статьи и др.

Открытие музея и первая экскурсия, проведенная заведующей отделом использования документов ЦАНО А.А. Медведевой, стали настоящим праздником для всех участников торжества – архивистов и ветеранов отрасли, работников аппарата губернатора и правительства области, журналистов. Мероприятие широко освещалось региональными СМИ. Теперь экскурсии в музей архивной службы стали регулярными, и Книга отзывов пополняется новыми записями. Здесь планируется проводить церемонии посвящения в профессию, тематические экспозиции к юбилеям архивных учреждений и выдающихся коллег.

18 февраля в здании Театра оперы и балета им. А.С. Пушкина в рамках расширенной коллегии Комитета по делам архивов Нижегородской области состоялось торжественное собрание. Приветствия архивистам направили губернатор Нижегородской области В.П. Шанцев, Законодательное собрание области, ряд территориальных органов. Об итогах работы архивных учреждений региона в 2008 г. и задачах на 2009 г. рассказал руководитель Комитета по делам архивов Нижегородской области А.П. Арефьев. В докладе сотрудника комитета Б.М. Пудалова «Нижегородская архивная служба: история и современность» отмечались основные этапы ее развития и

достижения. Минутой молчания собравшиеся почтили память ушедших из жизни архивистов, портреты которых воспроизводились на установленном в зале экране. Слова напутствия молодым специалистам высказала от имени ветеранов бывший заместитель заведующего архивным отделом Горьковского облисполкома З.М. Ломасова, поделившаяся воспоминаниями о пережитом. С замечательным юбилеем участников собрания поздравили коллеги из других регионов, работники учреждений культуры и образования, ученые, краеведы.

Отличившимся архивистам и ряду государственных архивов области были вручены награды и почетные грамоты. Завершилось торжество спектаклем артистов театра, в фойе которого была развернута фотовыставка «Нижегородская архивная служба (1919–2009 гг.): вчера, сегодня, завтра».

К юбилею издали настольный календарь на 2009 г. «Государственная архивная служба Нижегородской области», специальный выпуск Информационного бюллетеня с портретами и биографическими справками всех одиннадцати руководителей Нижегородской архивной службы (его получил каждый участник мероприятия, вместе с подготовленным к коллегии годовым отчетом и памятными сувенирами), а также сборник документов из фондов нижегородских архивов и ГАРФ «Хранители документальной памяти (Нижегородская архивная служба в 1919–1938 гг.)».

На всех юбилейных мероприятиях велась видеозапись; созданный архивистами видеофильм передан на постоянное хранение в Архив аудиовизуальной документации Нижегородской области.

Б.М. Пудалов,
кандидат филологических наук

Госархиву Липецкой области – 90 лет

Его история начинается в марте 1919 г. с создания Липецкого уездного исторического архива, руководство которым было поручено М.П. Трунову (1867–1942), доктору курорта Липецкие минеральные воды, краеведу, основателю Петровского общества по распространению научных и практических знаний, музея и библиотеки г. Липецка. В 1928 г. ар-

хив стал районным, в 1936 г. – городским, а в 1954 г. – Липецким областным государственным архивом.

В настоящее время в ГАЛО сосредоточено 2397 архивных фондов (470 тыс. ед. хр.), в том числе 91 – личного происхождения (2942 ед. хр.). Кроме того, имеется 7843 ед. хр. научно-технической документации, 7831 особо ценное дело,

17 653 фотодокумента, 34 видео- и 112 фондо документов, а также 4260 наименований книг и брошюр, 1232 – газет и 403 – журналов. Самый ранний документ – «Выпись Григория Перцева из отказных книг о поместье Семенова Засосенского стана Елецкого уезда» 1649 г.

Большую ценность представляют фонды дореволюционных учреждений, содержащие сведения о писателях И.А. Бунине, М.М. Пришвине, философах С.Н. Булгакове, В.В. Розанове, наркоче здравоохранения Н.А. Семашко; документы предков А.С. Пушкина, президента Российской академии наук Е.Р. Воронцово-Дашковой, декабриста Ф.Ф. Вадковского; рукопись сенатора П.П. Семенова-Тян-Шанского; актовые записи о рождении Г.В. Плеханова, М.А. Вилинской (Марко Вовчок); циркуляры Департамента полиции по розыску В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова.

В ГАЛО хранятся документы о реформе 1861 г., революции 1905–1907 гг., создании и развитии Липецкого курорта, по истории металлургического завода «Свободный сокол», Новолипецкого металлургического комбината, Липецкого тракторного завода, Завода пусковых двигателей, об оказании помощи фронту в период Великой Отечественной войны. Содержательны личные фонды, в частности архитектора и краеведа Л.Е. Рудакова, фотокорреспондента И.А. Нарциссова, поэта, драматурга и комиссара А.А. Вермишева, краеведов А.Ю. Клокова, А.Ф. Мартынова, Героев Советского Союза В.М. Игнатьева, А.С. Кириллова, И.Ф. Кованева, Ю.И. Чурилова.

В 1993 г. в архив поступило более 17 тыс. архивно-следственных дел из УФСБ по Липецкой области, в том числе писателя Л.Н. Завадовского, военного министра России Д.С. Шуваева, первого директора Новолипецкого металлургического завода Я.А. Берзина, епископов Елецкой и Липецкой епархии П.А. Шмарина (Уара), А.А. Торопова и др.

В списке источников комплектования архива на 1 января 2009 г. 191 организация.

Облгосархив располагается в здании, введенном в эксплуатацию в 1977 г. Оно оснащено охранно-пожарной сигнализацией; загруженность составляет 117,5 %; протяженность стеллажных полок – 5254 пог. м. Здесь шесть отделов со-

гласно основным направлениям деятельности, а также методический кабинет.

Важное место в работе архива принадлежит современным информационным технологиям. Для создания фонда пользования с 2004 г. переводятся в электронный формат особо ценные документы. Имеются свой интернет-сайт, базы данных «Архивный фонд», «Стол справок», «Читальный зал», «О гражданах Липецкой области, награжденных орденами и медалями СССР и РСФСР», «О гражданах Липецкой области, награжденных орденами “Материнская слава” и “Мать-героиня”». Формируется БД «Наследственные дела», продолжается работа с БД «Администрация» по документам Липецкого областного Совета народных депутатов, его исполкома и главы администрации Липецкой области, завершается наполнение БД «О репрессированных гражданах Липецкой области».

Ежегодно исполняется более 3 тыс. запросов тематического, генеалогического и социально-правового характера от различных организаций и граждан (в 2008 г. их было свыше 4 тыс.). В читальном зале зарегистрировано порядка тысячи посетителей, работали около 500 пользователей (преподаватели вузов, колледжей и школ, студенты, краеведы, сотрудники организаций и органов исполнительной власти).

Архивные документы популяризируются в СМИ, в ходе тематических и обзорных экскурсий, лекций, семинаров, встреч с ветеранами и общественностью, а также экспозиционной деятельности. Архив взаимодействует с научными организациями, учреждениями образования (в том числе с Липецким госпедагогическим университетом, студентами истфака которого здесь ежегодно проходят практику), культуры (в частности, с областной универсальной научной библиотекой), творческими объединениями, с Липецким областным краеведческим обществом. Готовится к изданию путеводитель по фондам архива.

20 марта в ГАЛО состоялась юбилейная встреча с ветеранами архивного дела, сопровождавшаяся просмотром документального видеосюжета «Хранитель истории» (реж. С.А. Тихомиров), презентацией фотодокументов о деятельности архива в 1998–2008 гг., посещением выставки «Государственный архив Липецкой области. 1919–2009».

В.П. Козлову – 60 лет

23 июня отметит юбилей Владимир Петрович Козлов, д-р ист. наук, член-корр. РАН, профессор, руководитель Федерального архивного агентства.

Выпускник сельской школы Тульской области, отслужив в армии, он окончил в 1972 г. Московский государственный историко-архивный институт. Трудиться в архивной отрасли начал во ВНИИДАД младшим научным сотрудником, затем работал заведующим сектором, в течение почти 10 лет организовывал и сам занимался исследованиями по истории науки, будучи старшим научным сотрудником Института истории СССР и ученым секретарем Отделения истории Академии наук СССР. После известных событий августа 1991 г. и перехода партийных архивов под юрисдикцию государственной архивной службы Владимир Петрович вернулся к архивной работе – директором созданного на базе бывшего Центрального партийного архива РЦХИДНИ (ныне – РГАСПИ). В 1992 г. он назначен заместителем руководителя Комитета по делам архивов при Совете министров РСФСР, а с декабря 1996 г. возглавил Федеральную архивную службу России, преобразованную в 2004 г. в Федеральное архивное агентство.

В.П. Козлов внес весомый вклад в развитие отечественного архивного дела. С его именем связаны подготовка принятых в 1993 г. Верховным Советом РСФСР Основ законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах, разработка и принятие Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ, создание Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук, иных нормативных правовых актов, составляющих ныне законодательную базу деятельности российских архивов.

Благодаря его инициативе, настойчивости и организаторским способностям осуществлено беспрецедентное в нашей стране перемещение в новые здания двух федеральных архивов страны – Российского государственного историческо-

го архива и Российского государственного архива Военно-Морского флота.

Пожалуй, больше всего Владимир Петрович сделал в направлении, которое близко его сердцу гражданина, патриота и одновременно исследователя истории Родины, – для открытости российских архивов, расширения доступа к архивным документам и возможностей их использования. В качестве члена специальных комиссий он участвовал в рассекречивании архивных материалов для важнейших внутривнутриполитических и международных акций Президента и Правительства Российской Федерации. По его инициативе и при непосредственном участии опубликованы разнообразные сборники документов, в том числе в серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.», за которую в 2002 г. в числе составителей он удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники. По инициативе и под руководством В.П. Козлова осуществлено издание не имеющих аналогов в России и за рубежом справочных пособий с интернет-версиями, что неизмеримо расширило возможности доступа пользователей к информации об архивах и их фондах. В.П. Козлов заложил традицию проведения научно-практических конференций, объединяющих архивистов и ученых академической и вузовской науки. Ему принадлежит блестяще реализованная идея создания Выставочного зала федеральных государственных архивов.

В.П. Козлов – автор свыше 300 научных трудов, в том числе восьми монографий по российской истории второй половины XVIII – первой половины XIX в., творчеству и документальному наследию Н.М. Карамзина, А.И. Мусина-Пушкина, Румянцевскому собранию славянских рукописей, выявлению и разоблачению документальных фальсификаций, археографии. В одной из своих последних работ «Бог сохранял архивы России» он увлекательно изложил собственное видение сложного периода деятельности архивной службы страны – последнего десятилетия XX – начала XXI в.

В.П. Козлов пользуется большим уважением среди архивистов России, которые высоко ценят его профессионализм и чуткое отношение к их проблемам. Свидетельством международного

признания авторитета В.П. Козлова как ученого и крупного специалиста в области архивного дела явилось его председательство в 2000–2008 гг. в Евро-Азиатском региональном отделении Международного совета архивов, что способствовало укреплению международного сотрудничества архивистов России и стран СНГ.

Заслуги В.П. Козлова по достоинству оценены государством: он награжден орденом Почета, медалями, имеет почетные грамоты и благодарность Правительства Российской Федерации.

Коллектив Росархива, архивисты поздравляют юбиляра и желают ему долгого здоровья, счастья, дальнейших успехов в работе и научных исследованиях.

Коллеги и друзья

Поздравляем Л.А. Кобелькову

Т.И. Бондарева: Этот год для Ларисы Александровны особый – на него пришлись не только юбилей ее жизненного пути, но и десятилетие работы заместителем главного редактора журнала «Отечественные архивы». Профессиональный архивист (выпускница МГИАИ 1972 г.), кандидат исторических наук (1985 г.) с большим опытом научных исследований и практики во ВНИИДАД и РГА фоновых документов, а также преподавательской деятельности в ИАИ РГГУ, Лариса Александровна все свои силы отдает любимому делу, внося существенный вклад в издание журнала и обеспечение жизнедеятельности самой редакции. Благодаря глубоким научным знаниям, высокому чувству ответственности, организованности, трудолюбию, доброжелательности сложная и разноплановая работа в редакции превращается для нее в истине увлекательное творчество.

День юбилея, 19 июня, – повод высказать слова признательности нашей дорогой коллеге и пожелать ей здоровья и дальнейших успехов во всех делах.

В.А. Коляда, директор Российского государственного архива фоновых документов: Поздравляя Ларису Александровну с юбилеем, нельзя не сказать о ее работе в архиве фоновых документов, плодотворной и целеустремленной. Дело не только и не столько в продвижении по административной лестнице от рядового сотрудника до заместителя директора, а в творческом, или, как ныне принято говорить, креативном, восприятии и осмыслении ею самой разнообразной архивной работы, порой противоположной по характеру, смысловой направленности и наполненности. Ларисе Александровне выпала редкая удача реализовать в архив-

ной практике свои теоретические разработки. В первую очередь в таком дискуссионном и неоднозначном деле, как фондовая классификация и организация фоновых документов архива, где на практике наглядно проявились перспективность ее научных исследований и прогнозов, а также лучшие черты как исследователя и полемиста, смелость и твердость в отстаивании нового подхода к проблеме, но с опорой на устоявшуюся традицию. Столь же интенсивным было и участие Ларисы Александровны в формировании и развитии научно-справочного аппарата фоновых документов архива, да и в самой обычной архивной повседневности. Подтверждение этому – непрекращающаяся связь Ларисы Александровны с архивом, добрые слова, которые и поныне звучат о ней в звуковом архиве, что является наилучшей характеристикой ее человеческих и профессиональных качеств.

В.М. Магидов, д-р ист. наук, декан факультета технотронных архивов и документов ИАИ РГГУ: Одно из самых важных достижений Ларисы Александровны – участие в создании нормативно-методической базы по организации хранения и использования кинофотофоноидеодокументов применительно не только к деятельности специализированных архивов, но и ко всем архивам, музеям, рукописным отделам библиотек, хранящим в своих фондах изобразительные и звуковые документальные материалы. Речь идет прежде всего об Основных правилах работы государственных архивов с кинофотофонодокументами (1980 г.) и Основных правилах работы с кинофотофонодокументами и видеофонограммами в ведомственных архивах (1989 г.). Разрабатывавшаяся на протяжении двадцати

с лишним лет, эта база действует и поныне. В ходе ее создания Ларисе Александровне пришлось проявить не только талант исследователя, но и истинную стойкость новатора в преодолении стереотипных представлений, отличавших архивную среду в 1970–1980-х гг. Ей удалось реализовать ряд новаторских идей стратегического значения – создать и методологический «полигон», и «аванпост» преподавания на новом уровне архивоведения и источниковедения кинофотофонодокументов, а также целый «букет» специализаций, заложивших основы новых традиций для сопоставительного изучения кинофотофонодокументов. Не случайно в дальнейшем не очень длительный по времени, но важный по существу период плодотворной деятельности Ларисы Александровны был связан с факультетом технических архивов и документов ИАИ.

Став заведующей лабораторией, она заложила прочный фундамент методического обеспечения учебного процесса. Выпускники факультета первой половины 1990-х гг. с удовлетворением вспоминают спецкурс, прочитанный Ларисой Александровной по архивоведению фонодокументов, и разработанные ею рекомендации по подготовке дипломных сочинений.

Лариса Александровна – удивительный синтез ученого и человеческого начала, неравнодушный и любознательный человек, который никогда не удовлетворяется данным и обладает редким свойством не только «видеть» вопросы, но и задавать их.

Дорогая Лариса Александровна, Ваш юбилей – это молодость, а она навсегда в Вас! Жить Вам с улыбкой в душе и любовью в сердце! Желаю Вам здоровья, душевного мира и творческого горения!

Выбрать путь (к 70-летию Н.С. Зелова)

Николай Степанович Зелов, заведующий архивохранилищем личных фондов государственных, общественных деятелей СССР и Российской Федерации, главный специалист Госархива Российской Федерации, известный краевед, родился 28 июня 1939 г. в Весьегонске Тверской области, а в Москве живет более полувека, со времени поступления в 1958 г. в Московский государственный историко-архивный институт. В отрочестве, в первый приезд в столицу, его пленила архитектура этого уникального здания, и мальчик из Пошехонья раз и навсегда решил для себя: учиться только здесь.

Профессиональные успехи Николая Степановича напрямую связаны с его личностью, интересом к жизни и человеческим судьбам. Его собирательская деятельность длится свыше 45 лет, и все это время он в постоянном контакте с широким кругом лиц: государственными и общественными деятелями, представителями культуры и искусства, чьи личные архивы либо уже переданы в ГАРФ, где продолжает служение Н.С. Зелов, либо в процессе передачи. За годы своей многолетней работы в ГАРФ Николай Степанович составил немало жизнеописаний наших соотечественников, о многих из них подготовил и опубликовал очерки в сборниках и периодических изданиях.

У Николая Степановича устойчивая репутация человека слова, знающего свое дело, собирателя, хранителя. Его деятельность не укладывается в рамки обычного представления об архивисте. Она гораздо шире и востребована в библиотеках, музеях, среди краеведов. В родном Весьегонске историк-архивист Зелов – первый краевед, т.е. человек любящий, знающий и изучающий свой край. Его с охотой печатают в местных и столичных газетах. Николай Степанович владеет уникальной информацией первоисточников, делает ее доступной общественности. Ему не свойственна «болезнь» некоторой части архивистов утаивать до времени или создавать искусственные затруднения пользователям в доступе к информации.

Н.С. Зелов – член Союза журналистов России, много лет возглавляет Ассоциацию ветеранов архивного дела федеральных архивных и научных учреждений Центрального совета РОИА. Его безупречный труд отмечен заслуженными наградами, в том числе медалями «За доблестный труд», «В память 850-летия Москвы», нагрудным знаком Федеральной архивной службы России «Почетный архивист», многочисленными грамотами и благодарностями архивных учреждений, Союза журналистов России, администрации и организаций г. Весьегонска.

Н.С. Зелов – неперменный участник научных конференций, юбилейных мероприятий. Бывал в Тверском архиве проездом в Весьегонск, чтобы поприветствовать старейшего архивиста М.А. Ильина, которого хорошо знал и ценил. Приезжал с увесистыми томами путеводителей центральных архивов, с книжными новинками московских архивистов.

Мое знакомство с Николаем Степановичем произошло, говоря ахматовской строкой, «еще до первой встречи»,

более тридцати лет назад в Весьегонске. Районные архивисты рассказали мне о своем известном земляке, показали его родительский дом, где тогда жила его мама М.К. Зелова. Дом трудом и заботами Николая Степановича стоит и сейчас. Состояние долгого счастья и творческого долголетия – замечательные качества Николая Степановича. Остается пожелать ему дальнейшего пребывания в этом драгоценном состоянии.

Л.М. Сорина, заслуженный работник культуры Российской Федерации

З.И. Перегудовой – 75 лет

21 апреля отметила свой юбилей Зинаида Ивановна Перегудова – д-р ист. наук, заслуженный работник культуры РСФСР, почетный архивист, ветеран архивного дела.

Выпускница истфака МГУ им. М.В. Ломоносова 1957 г., З.И. Перегудова свыше полувека работает в Госархиве Российской Федерации (ЦГИАМ – ЦГАОР СССР), прошла путь от младшего научного сотрудника до начальника отдела хранения документов по истории Российской империи. С 1996 г. – она ведущий специалист отдела хранения документов по истории России XIX – начала XX в.

Зинаида Ивановна – крупный историк, автор около двухсот научных работ: «Политический сыск России (1880–1917 гг.)», «Несостоявшаяся реформа полиции (по материалам Комиссии сенатора А.А. Макарова). Из опыта русской полиции 1882–1916 гг.», «Строго законспирированы», «К.И. Глобачев. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения» и других, а также многочисленных статей и публикаций.

Она признанный специалист в области отечественной истории XIX – начала XX в., ее имя широко известно историкам и архивистам в нашей стране и за рубежом. Труды З.И. Перегудовой пользуются заслуженной популярностью не только среди специалистов, но и широкой научной общественности. Трудно найти другого ученого и архивиста, кто бы столь глубоко и всесторонне был знаком с архивными источниками и так талантливо и ярко отражал их на страницах своих книг и статей.

Зинаида Ивановна Перегудова – образец любви и преданного служения архивному делу. Она воспитала целую плеяду широко эрудированных архивистов и историков, справедливо считающих ее своим учителем. И сегодня она щедро делится знаниями и богатым опытом с коллегами, многочисленными посетителями архива.

От имени архивистов, исследователей, работающих в архиве, поздравляем Зинаиду Ивановну с юбилеем и желаем ей здоровья, долгих лет жизни и больших творческих успехов.

**Б.Ф. Додонов,
кандидат исторических наук**

У муниципальных архивистов Хабаровского края

Муниципальный архив Николаевского района активно участвует в реализации краевой комплексной программы «История Хабаровского края в судьбах дальневосточников» на 2005–2010 гг. Для формирования Архивного фонда Российской Федерации документами личного происхождения и их эффективного использования ранее сформированные в архиве 10 фондов личного происхождения (759 дел за 1900–1997 гг.) пополнились новыми поступлениями, в том числе от участников Великой Отечественной войны А.В. Селиванова и С.Н. Бикенина, краеведа Н.Н. Кошелева, ветерана труда ОАО «Николаевский-на-Амуре судостроительный завод» О.Г. Шайтановой. Всего за это время в архив поступило 162 ед. хр., включая 23 музейных предмета.

Были проведены дни открытых дверей «История Хабаровского края, г. Николаевска-на-Амуре, Николаевского района», «Мы сами создаем историю», где посетители познакомились с работой архива, документами из личных фондов, встречались с фондообразователями.

По инициативе муниципального архива в с. Красное проведено заседание научного школьного общества «Знак вопроса», прошла презентация поступивших на хранение краеведческих работ учеников. Здесь же состоялась встреча с известным в городе специалистом по истории морского флота на Нижнем Амуре Н.Н. Кошелевым и развернута выставка документов из его личного фонда. Николаевское телевидение показало сюжет о данном мероприятии.

Документы из фондов личного происхождения регулярно публикуются в районных газетах. Так, в статье «Предметы старины глубокой рассказжут многое пытливому уму» представлены документы фонда В.Е. Розова, в статье «Воспоминания как летопись боя, как хронике чувств перечесть» опубликованы мемуары и фотографии ветерана войны М.М. Бочкарева, в статье «Архивы хранят историю и прошлое человеческих судеб» – отрывки из рассказа А.А. Туркова «Босиком в жизнь», репродукции фотографий из его личного фонда.

В прошлом году муниципальным архивом подготовлены две фотовыставки: по истории архивного дела в г. Николаевске-на-Амуре с использованием документов личного фонда Н.Н. Кошелева и «Из истории школ города» из коллекции документов работников просвещения.

В настоящее время ведутся переговоры с заслуженными работниками культуры Российской Федерации супругами Р.А. Юрьевой и В.П. Альченко о передаче их документов на хранение в муниципальный архив. Достигнута договоренность с Н.Н. Кошелевым о проведении видео- и звукозаписи его воспоминаний. В феврале в администрации городских и сельских поселений района направлены методические письма о выявлении владельцев личных архивов, а также памятки для фондообразователей. Планируется подготовить и вручить каждому передававшему в архив свои материалы свидетельство фондодержателя.

Н.В. Мурыгина

* * *

Среди разнообразных форм использования архивных документов, практикуемых архивным отделом администрации Вяземского муниципального района, присутствуют так называемые интегрированные уроки, где несколько предметов школьной программы, например география и история, объединены в разрезе краеведения. Один из них был проведен в районном краеведческом музее им.

Н.В. Усенко и посвящался юбилейным датам местных сел, многие из которых перешагнули вековой рубеж. На уроке присутствовали ученики и преподаватели Капитоновской, Глебовской сельских школ и школы № 1 г. Вяземского, работники музея и архивного отдела. Подготовленные на основе архивных документов сообщения школьников и учителей сделали урок познавательным и позволили объединить усилия

представителей разных поколений в изучении истории малой родины. Сотрудник музея сообщила о печатных источниках по истории освоения и заселения земель Вяземского района и пригласила юных исследователей ознакомиться с их содержанием.

Итоги урока убедили участников в том, что главная цель – пропаганда знаний по истории своего района, привитие детям интереса к исследовательской работе, воспитание патриотизма – достигнута.

В рамках мероприятий, посвященных 70-летию Хабаровского края, архивный отдел организовал встречу с общественностью г. Вяземский с тем, чтобы консолидировать усилия в сохранении исторических памятников города. В читальном зале районной библиотеки собрались архивисты, краеведы, учащиеся школы № 20, почетный гражданин г. Вяземский, заслуженный учитель России Р.Д. Ефремова. Ребята из кружка «Поиск», которым она руководит, рассказали о работе по установке ряда

памятников и мемориальных досок в честь участников Великой Отечественной войны, людей, внесших большой вклад в развитие района, края и страны, а заведующая архивным отделом – о личном фонде Р.Д. Ефремовой, где отражена история создания памятников города.

Поскольку 2009 г. объявлен Годом молодежи, архивный отдел планирует провести «круглый стол» «Вклад молодежи в развитие Вяземского района» с участием студентов лесного техникума, профессионально-технического училища и старшеклассников района. К предстоящему в этом году 75-летию района будут организованы выставки, экскурсии, классные часы для школьников по истории образования и развития района, предприятий.

В практику архивистов входит представление информации обо всех проведенных мероприятиях для размещения на сайтах «Архивы Хабаровского края» и администрации Вяземского муниципального района.

Т.В. Гончарова

Первомайский муниципальный архив получил достойную поддержку

Здание одного из муниципальных архивов Оренбургской области – Первомайского – благодаря заботе местной администрации во главе с П.В. Самсоновым в 2008 г. полностью обновилось: к нему пристроено помещение под хранилище площадью 120 кв. м; перекрыта крыша, реконструированы стены, установлены пластиковые окна, решетки, охранно-пожарная сигнализация. Хранилище оборудовано мобильными стеллажами пермской фирмы «Сатурн»; произведе-

ден монтаж осветительных приборов; приобретены новые короба, гигрометры, архивная тележка.

Старое здание прошло полную реконструкцию. В нем стало два архивохранилища с несгораемыми стенами, два рабочих кабинета, приемная для посетителей и подсобные помещения.

Всего из районного бюджета на архивные нужды выделено 660 тыс. руб. Теперь есть возможность для приема документов, в том числе по личному составу организаций.

Е.В. Паварина

Новые поступления региональных архивов

В Государственном историческом архиве немцев Поволжья в г. Энгельсе создан личный фонд Александры Ивановны Баженовой, члена союзов писателей России (1993 г.), журналистов СССР (1981 г.) и России (1992 г.), заслуженного работника культуры Российской Федерации (2008 г.), председателя правления Саратовского отделения Международного фонда славянской письменности и культуры, секретаря Саратовского дворянского собрания, литературного критика и общественного деятеля.

А.И. Баженова родилась 22 января 1947 г. в г. Печора Коми АССР: там отбывала ссылку по политическим мотивам ее мать Р.И. Пьяниченко. По окончании средней политехнической школы обучалась на курсах, где получила специальности машинистки и бухгалтера. Работала в различных организациях, писала и публиковала в городской и областной печати стихи, вступила в городское литературное объединение, была лауреатом городского фестиваля народных талантов, победителем турнира поэтов Саратова и Энгельса, председателем жюри конкурса местных поэтов.

С отличием окончив филфак Саратовского госуниверситета, в 1980–1986 гг. продолжила обучение в Литературном институте им. А.М. Горького; во время студенческой практики в журнале «Новый мир» и издательстве «Советский писатель» определилась патриотическая направленность ее творчества и общественной деятельности.

А.И. Баженова – участник пленума и VII съезда писателей РСФСР (1990 г.), IX съезда писателей СССР (1992 г.), автор около 40 статей, вошедших в том «Русская литература» Большой энциклопедии русского народа (М., 2004 г.). Талантливый журналист, она стояла у истоков многих газет, ряд из которых существуют и поныне («Железнодорожник Поволжья», «Нефтепереработчик», «Православная вера» и др.). Возглавляя Приволжское книжное издательство

(1992–1993 гг.), выпускала бесплатную газету «Окраина. Книжные новинки. Литературный обзор. Социальная атмосфера». Критические статьи и рецензии А.И. Баженовой на произведения российских и зарубежных авторов напечатаны в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Русская словесность» и др. В 2006 г. Александра Ивановна опубликовала Словарь исторических родокоренных имен и прозваний славян и русов за два тысячелетия, за который получила литературную премию Союза писателей России имени братьев Киреевских.

А.И. Баженова – инициатор создания областного отделения Международного фонда славянской письменности и культуры. Благодаря ей с 24 мая 1994 г. в Саратове ежегодно проходит праздник славянской письменности. С 20 ноября 1999 г. здесь действует созданная ею общественная организация в составе Российского дворянского собрания.

В архив приняты записные книжки, корректуры рукописей, вырезки газетных и журнальных публикаций, значительная по объему переписка с литераторами Е.А. Евтушенко, В.Г. Распутиным, Б.Ш. Окуджавой, С.А. Баруздиным, народным художником СССР А.А. Мильниковым, скульптором В.М. Клыковым и др. Свыше 2500 листов письменных и фотодокументов, отображающих жизнь А.И. Баженовой, ее семьи, а также наиболее значимые события в жизни страны, поступили в россыпи. Из всего массива было сформировано по описи № 1 документов постоянного хранения 356 дел и по описи № 2 фотодокументов 185 дел. Самые ранние из них датируются 1902 г. Девять книг Баженовой и произведения других авторов с дарственными надписями переданы в архивохранилище печатных изданий госархива.

Работники архива инициировали представление А.И. Баженовой для занесения в Книгу почета Энгельсского муниципального района в 2008 г.

Е.М. Ерина

В 2008 г. сформированные в Госархиве Магаданской области три архивные коллекции («Русская православная церковь на Крайнем Северо-Востоке», «Современная история Магаданской области», «Время. События. Люди»), включившие 575 аудиовизуальных документов, пополнились источниками, отражающими важные события в истории региона: визиты на Колыму полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе О.О. Сафонова, главного санитарного врача России Г.Г. Онищенко, командующего войсками ДВФО В.В. Булгакова, губернаторов краев и областей ДВФО и др. Фотокорреспондент редакции газеты «Магаданская правда» Р.Месягутов безвозмездно передал на хранение компакт-диск, на котором свыше двухсот фотографий по истории области.

К фонодокументам прибавилось 60 компакт-дисков с записью воспоминаний колымчан: заместителя заведующего Нагаевской культурной базой Н.В. Тупицына о ее возведении в 1928 г., начальника изысканий дорог К.И. Станкевича о строительстве Колымской трассы и первого моста через р. Колыму в 1930-е гг., начальника Геологоразведочного управления гостреста «Дальстрой» (1939–1954 гг.), Героя Социалистического Труда В.А. Цареградского о первых геологоразведочных экспедициях на Колыму и т.д. Приобретен компакт-диск «Осень на Севере» с песнями на стихи магаданских поэтов в исполнении солистов Театра песни А.Нагаева.

Особый интерес представляют документы, переданные Магаданским отде-

лением Союза писателей России, среди которых мемуары известного геолога Р.Н. Исааковича, фотографии периода его работы на Колыме (1940–1948 гг.).

В коллекции вошли также видеодокументы: «Один прекрасный день» из жизни магаданских студентов, «Магаданская школа № 1 (1937–1997 гг.)» о 70-летию старейшего учебного заведения, «Северному международному университету г. Магадана – 45 лет».

Снятые в ходе инициативного документирования фотографии зафиксировали проведение в Магадане спортивного мероприятия «Лыжня Вальбе», приуроченного к 40-летию со дня рождения знаменитой лыжницы. На них запечатлены известные спортсмены (Л.Лазутина, М.Девятьяров, С.Крянин и др.), телекомментатор Н.Губерниев, заслуженный артист России, композитор и режиссер А.Гарнизов, звезда Миланского оперного театра тенор В.Джорджо и др.

В настоящее время архивисты приступили к формированию новой коллекции «Коренные малочисленные народы и этнические группы Севера». Наиболее ценные документы переданы А.А. Кымытваль – чукотской поэтессой, переводчицей, членом Союза писателей России, заслуженным работником культуры РСФСР. Проводится описание документов З.И. Бабцевой – педагога, собирательницы эвенского фольклора, переводчицы, почетного гражданина г. Магадана, члена совета старейшин областной ассоциации народов Севера, внесшей заметный вклад в дело сохранения национального языка и развития национальной литературы.

Н.П. Брянская

Дары из Русского зарубежья

20 марта в Доме приемов МИД России на ул. Спиридоновке гостеприимные хозяева особняка принимали представителей федеральных государственных архивов и Росархива. В торжественной обстановке Госархиву Российской Федерации были переданы доку-

менты 1914–1918 гг. и предметы, связанные с российской императорской семьей.

В Россию они попали из столицы Венесуэлы г. Каракаса, где живет Н.А. Хитрово, тетя которого М.Хитрово когда-то была фрейлиной у последней россий-

ской императрицы Александры Федоровны. Представительница древнего русского рода М.Хитрово была близка к царской семье, дружила с великими князьями, работала вместе с ними сестрой милосердия в Царскосельском лазарете, а после Февраля переписывалась с сосланной в Тобольск бывшей императрицей и ее семьей вплоть до своего бегства из советской России. Письма Александры Федоровны, Ольги, Татьяны и Марии, телеграммы Алексея, фотографии, открытки и памятные предметы – пасхальное яйцо и детский настольный крикет, подаренный раненым солдатам наследником престола, она берегла в изгнании всю жизнь как священную память об этой дружбе.

Хотя реликвии царской семьи еще с 1960-х гг. неоднократно пытались выкупить антиквары, семья Хитрово не собиралась расставаться с ними. Но после 1991 г. окрепло желание вернуть наследство фрейлины императрицы в Россию. В прошлом году семья Хитрово, благодаря деятельному участию большого друга российских архивистов Э.А. Фальц-Фейна, решила: весь комплекс реликвий будет подарен ГАРФ. Уже в последний момент к 27 документам, хранившимся в Каракасе, добавилась переписка (и большая – 55 писем!) семьи Романовых периода эмиграции, привезенная из Майами племянницей Н.А. Хитрово Е.Фишер-Домерщиковой.

В Каракасе документы и вещи вместе с наследниками готовила к отправке в Москву журналистка Н.Данилевич. Активную и неоценимую помощь оказали в этом деле чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Боливарианской Республике Венесуэла М.И. Орловец и работники нашего посольства в Каракасе.

Свидетельством неустанной заботы российских дипломатов о пополнении архивного богатства России стало то, что передача реликвий началась с выступления главы российского внешнеполитического ведомства С.В. Лаврова, отметившего уникальность передаваемых ГАРФ документов и ценность их для российской истории. Министр подчеркнул, что российские дипломаты во многих странах мира делают все возможное для возвращения в Россию архивного наследия русской эмиграции.

Руководитель Росархива В.П. Козлов выразил искреннюю признательность всем сотрудникам МИД России, участвовавшим в возвращении документов, и высоко оценил их значение.

Завершилась передача выступлением Н.Данилевич, поведавшей собравшимся о семье Хитрово, долгом и трудном пути, который проделали реликвии, прежде чем они оказались здесь. Эти документы станут одним из самых заметных поступлений архивной России за последнее время.

С.Д. Мякушев, кандидат исторических наук

* * *

16 апреля девять автографов известных российских писателей первой половины XX в. были переданы в дар Российскому государственному архиву литературы и искусства. В торжественной церемонии участвовали директор РГА-ЛИ Т.М. Горяева, известный американский искусствовед, д-р филол. наук Т.Сумина и главный редактор журнала «Про книги» С.Бурмистров. Именно благодаря совместным усилиям Т.Суминой и С.Бурмистрова стало возможным возвращение автографов из США на Родину. Речь идет об отрывках произведений В.В. Вересаева, С.Н. Сергеева-Ценского, Л.С. Соболева; личных письмах М.А. Алданова и В.И. Немировича-Данченко, а также одном из известнейших

произведений С.В. Михалкова «Дядя Степа», подписанном и датированном автором.

Т.Сумина, развивающая проект по возвращению на Родину утраченного культурного наследия, рассказала о долгом пути архивных материалов обратно в Россию. Переданные автографы происходят из коллекции известного американского собирателя русского происхождения Пола (Павла Михайловича) Фекулы (Paul Fekula, 1905–1982) и приобретенны им из собрания американского писателя и переводчика русско-еврейского происхождения Джона Курно (John Cournos, 1881–1966). После смерти П.Фекулы в 1982 г. были устроены массовые распродажи наследия коллекцио-

нера: ценные раритеты уходили с молотка в частные собрания. «Сам Пол Фекула собирал не из корыстных целей и никогда ничего не продавал, – подчеркнула Т.Сумина. – В какой-то момент я решила, что приобрету что-нибудь из его коллекции с тем, чтобы потом вернуть эти ценности в Россию, и сегодня мы дарим РГАЛИ девять уникальных автографов». Выбор на РГАЛИ пал не случайно, ведь в фондах архива хранится множество материалов, связанных с именами В.В. Вересаева, В.И. Немировича-Данченко, С.В. Михалкова, Дж. Курно и др.

Организаторы мероприятия надеются, что передача архивных материа-

лов в РГАЛИ – это небольшой, но, безусловно, важный шаг на пути возвращения утраченного культурного наследия России. По словам Татьяны Суминой, «сегодня появляется все больше людей, которые понимают несомненную важность духовного и культурного развития России и, не жалея ни времени, ни средств, возвращают домой на Родину национальное достояние страны, казавшееся уже утраченным навсегда».

Теперь сотрудникам РГАЛИ предстоит сравнить поступившие материалы с теми, которые уже имеются в фондах архива.

Л.А. Иванова

* * *

В последние годы особое место в формировании фондов Научной библиотеки Госархива Российской Федерации занимают коллекции печатных изданий, поступающие из-за рубежа. В 2005–2008 гг. это были собрания А.Таралы (Австралия), А.Даллина (США), Музея русской культуры г. Сан-Франциско (США).

Частная коллекция А.Таралы (1191 издание) включает книги и журналы, в основном дореволюционные.

В коллекции, переданной Музеем русской культуры г. Сан-Франциско (более 92 тыс. экз.), книги на русском и иностранных языках, газеты и микрофильмы печатных изданий. Она охватывает различные отрасли знаний (науку, искусство, философию, естественные науки), а также является важным источником сведений о политической и культурной жизни Русского зарубежья. Центральное место занимает историческая и мемуарная литература, изданная русскими эмигрантами за границей. Не менее важна газетная часть собрания (288 наименований), значительно дополняющая

хранящийся в библиотеке фонд РЗИА. Широка география печатных изданий: страны Европы, Азии, Америки, где в послереволюционный период образовались большие русские и другие диаспоры.

Книжное собрание А.Даллина (2873 издания) представляет большую историческую и культурную ценность и включает книги по русской и зарубежной истории, политике и культуре, опубликованные в США, Великобритании, Германии и других странах в 1930–2007 гг.; многие из них на иностранных языках. Занимая пост директора Русского института, А.Даллин был президентом Международного совета по изучению СССР и стран Восточной Европы, консультантом правительства США по вопросам внешней политики. Коллекция получена по Соглашению об обмене научной информацией между ГАРФ и Университетом Нотр-Дам дю Лак, штат Индиана (США).

Научной библиотекой проделана огромная работа по описанию коллекций. Все три собрания и их каталоги уже доступны для исследователей.

Э.Л. Гараненкова, Т.С. Буйкевич

* * *

25 марта в Доме Русского зарубежья им. Александра Солженицына состоялась торжественная церемония передачи в дар Обществом русских ветера-

ранов Великой войны и Объединением кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско библиотеки имени генерал-лейтенанта барона А.П. Буд-

берга. В ней участвовали члены правления общества и объединения А.М. Ермаков, А.Н. Истомин, С.Н. Забелин, О.П. Завадская.

Библиотека основана в 1925 г. председателем общества генералом Алексеем Павловичем Будбергом (1869–1945), известным военачальником и военным писателем, включившим в нее около 300 томов из личной коллекции. Фонды пополнялись за счет дарителей, покупки отдельных изданий на аукционах. Сейчас учтено свыше 8 тыс. книг, десятки наименований периодики общей численностью свыше 10 тыс. номеров.

Издания распределены по семи отделам: беллетристика и поэзия; история, биографии, мемуары; военно-научный отдел; география и путешествия; журналы и газеты; детский отдел; иностранная литература (преимущественно по русской истории, о России). Центральным отделом считается военнотехнический, где собрано около семисот изданий по философии войны, военной истории, истории Русской армии, проблемам военного строительства, авиации, флота, родам войск, специальным отраслям военного знания. Особенно тщательно подобраны труды, печатавшиеся в эмиграции и посвященные

Первой мировой и Гражданской войнам.

Богат отдел периодики, в котором присутствуют практически все основные военные газеты и журналы зарубежья: «Русский Инвалид», «Часовой», «Военный Сборник», «Русский Военный Вестник», «Вестник военных знаний», «Война и Мир», издания полковых союзов, академических, училищных, кадетских объединений, других военных корпораций. Есть также полные комплекты изданий, в России до сих пор отсутствовавшие или представленные отдельными номерами, например газета «Суворовец» (Аргентина), абсолютная редкость – шанхайский «Журнал для женщин». Большинство изданий заботливо и качественно переплетены, поэтому хорошо сохранились.

Среди особых раритетов – роскошные издания в заказных кожаных переплетах из библиотек Зимнего, Павловского, Александровского дворцов Санкт-Петербурга. Имеются экземпляры, принадлежавшие Александру I и Николаю II.

Многие из даров (около 500 изданий) были представлены на выставке, размещенной на пяти этажах Дома Русского зарубежья.

Т.И. Бондарева

Информационный форум в Кобленце

Для изучения опыта работы Федерального архива (ФА) ФРГ с ведомствами в сфере делопроизводства и организации приема на хранение электронных документов российские архивисты приняли участие в информационном форуме с оригинальным названием «Старая прическа под новой шляпой? Актуальные вопросы делопроизводства» (26 ноября 2008 г., г. Кобленц). Подобные мероприятия для представителей федеральных ведомств здесь проводятся регулярно. (В ФА создана группа из десяти консультантов по одному от каждого отдела, а также военного архива для контактов с Министерством обороны, которые консультируют закрепленные за ними ведомства опреде-

ленного профиля по вопросам обращения с документами.)

В рамках форума 120 архивистов и представителей министерств на пленарных заседаниях и семинарах обсуждали проблемы обеспечения деятельности делопроизводственного и архивного персонала министерств после их перемещения из Бонна в Берлин, повышения его квалификации, параллельного существования бумажного и электронного делопроизводства, юридической значимости электронных документов, качества номенклатур дел, информационного взаимодействия подразделений аппарата управления, передачи документов на архивное хранение и др.

ФА является высшим федеральным органом в сфере организации архивного дела в Германии и подчиняется уполномоченному правительства ФРГ по делам культуры и СМИ. Его деятельность регулируется Законом о хранении и использовании архивных материалов федерации 1988 г. Непосредственно в ФА или его промежуточный архив поступают документы германских конституционных органов власти, федеральных судов и ведомств, корпораций федерального подчинения. Прием на хранение электронных документов – сравнительно новая задача, для решения которой создано специальное подразделение из трех сотрудников. Организация, технология работы, состав программно-технического комплекса (ПТК) разрабатывались в течение двух лет, в настоящее время идет его опытная эксплуатация. Установлен формат архивного хранения документов – PDF-A (рекомендован МСА и стандартом ИСО 19005-1-2005 с изменениями 2007 г.), при этом графический образ документа дополняется его метаданными в формате XML. В том случае, если ведомство не может самостоятельно провести конвертацию, ФА предлагает выполнить ее с помощью своего ПТК, с обязательным снятием ЭЦП с передаваемых в архив документов. Ответственность за соблюдение аутентичности документов возлагается на организации, сдающие документы в архив. В будущем предполагается передавать файлы с ЭД из организации в архив по телекоммуникационным каналам, а пока в порядке эксперимента ЭД поступают непосредственно в Федеральный архив на твердых носителях информации. (В перспективе планируется создание промежуточного архива электронных документов.) Файлы с ЭД хранятся на магнитных лентах (в качестве рабочих экземпляров) и других носителях информации.

Немецкие специалисты рекомендуют принимать в архивы не базы данных

с их программным обеспечением, а периодические срезы информации баз данных (распечатки содержимого или его электронный вариант). Информация сайтов хранится в Информационном центре Национальной библиотеки.

В целом же специалисты ФА стремятся применять к электронным документам те же правила, что и для бумажных.

Пока объем хранимой информации не превышает 100 Гб, но он в перспективе будет расти, поскольку в ФРГ действует государственная программа «Электронное правительство», одна из самых крупномасштабных в Европе. Внедрение систем электронного документооборота базируется на концепции DOMEA (Управление документами и электронная архивация в ИТ-системах), содержащей основные принципы перехода государственных организаций к электронному документообороту. Фундамент DOMEA составляет «Организационная концепция», включающая ряд приложений и дополнительных модулей расширений («Защита данных», «Архивирование», «Сканирование» и др.). В DOMEA прописаны механизмы ввода документов на бумажных носителях в систему электронного документооборота. В ФРГ осуществляется сертификация программных продуктов на соответствие сформулированным в этом документе функциональным требованиям к программному обеспечению. Результаты тестирования (оценки) публикуются Министерством внутренних дел. Программы, удовлетворяющие требованиям, получают официальный сертификат, что упрощает их продвижения на рынке программного обеспечения для органов федерального правительства. Сертификацию по DOMEA прошло 11 программных продуктов.

Работа информационного форума совпала с демонстрацией выставки «Кайзер – царь: семейные отношения и властная политика. Немецко-русские отношения. 1890–1910», организованной ФА совместно с ГАРФ.

М.В. Ларин,
доктор исторических наук

Новый архивный комплекс в Азербайджане

В архивную службу Азербайджанской Республики входят 6 республиканских государственных архивов, 15 филиалов Госархива Азербайджанской Республики, Государственный архив Нахичеванской автономной республики, а также 57 районных и городских государственных архивов с переменным составом документов. В них хранится более 6 млн дел, отражающих жизнь азербайджанского народа в историческом, политическом, экономическом, научном, культурном аспектах на протяжении XIX–XXI вв.

Архивное дело в республике регламентировано законом «О Национальном архивном фонде» от 22 июня 1999 г., определившим стратегию и главные направления его развития, а также указом президента «Об усовершенствовании архивного дела в Азербайджанской Республике» от 2 декабря 2002 г., наметившим пути преодоления в этой сфере недостатков (приостановка строительства нового здания для госархивов, их недостаточное материально-техническое обеспечение, отсутствие единой информационной базы, низкий социальный уровень архивистов и др.).

Во исполнение этого указа Кабинет министров Азербайджанской Республики постановлением № 12 от 16 февраля 2004 г. утвердил Программу по оснащению учреждений архивной службы техническим оборудованием, обеспечению архивов необходимыми зданиями, проведению ремонтных и восстановительных работ в имеющихся зданиях, улучшению социального положения работников архивов. В нее включены такие мероприятия, как передача на баланс Национального архивного управления здания бывшего завода «Алунит» Национальной академии наук (Баку, просп. Метбуат, д. 593), его переоборудование и оснащение для хранения архивных документов, а также проведение капитального ремонта в здании Национального архивного управления (Баку, просп. З.Бунятова, д. 3), обеспечение надлежащими зданиями филиалов Госархива Азербайджанской Республики, район-

ных и городских государственных архивов и др.

В конце 2008 г., благодаря заботам президента И.Г. Алиева, переоборудованное по современным требованиям к обеспечению сохранности документов здание архива на проспекте Метбуат сдано в эксплуатацию. Архивный комплекс занимает территорию общей площадью в 22 820 кв. м и включает 9-этажный административный корпус площадью 3630 кв. м, 4-этажный корпус для хранения архивных документов (площадь 15 987 кв. м), помещения читального зала и других служб (1 тыс. кв. м). Имеются также противопожарные и другие объекты коммунального хозяйства.

Все здания хорошо оснащены: в архивохранилище установлены двусторонние металлические стеллажи вместимостью до 3,5 млн архивных дел, новейшая автоматическая противопожарная система с использованием азота, а также специальное вентиляционное оборудование, обеспечивающее сохранность документов в течение длительного времени.

Кроме того, в инвестиционную программу 2009 г. включено строительство на этой территории нового корпуса и проведение капитального ремонта здания на проспекте З.Бунятова. Началось строительство новых зданий для Гянджинского и Шекинского филиалов Государственного архива. Улучшается оснащение архивов необходимым оборудованием, приборами и материалами.

В 1996 г. Главное архивное управление Азербайджанской Республики стало полноправным членом Международного совета архивов. Наладилось сотрудничество с рядом зарубежных стран. Документы национальных архивов активно используются исследователями как из стран СНГ, так и Бельгии, Великобритании, Германии, Ирана, Польши, США, Турции, Франции и др. Архивисты Азербайджана имеют возможность работать в зарубежных архивах с документами по истории своего государства.

А.А. Пашаев,
доктор исторических наук

С.П. Стрекопытов (1937–2009)

21 февраля Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт и кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций понесли невосполнимую утрату: на 72-м году ушел из жизни профессор, д-р ист. наук Сергей Петрович Стрекопытов.

Свою трудовую биографию Сергей Петрович начал рабочим. Его путь в историческую науку был долог и тернист. В 1969 г. он окончил МГИАИ, а в 1973 г. поступил в заочную аспирантуру и уже на втором году обучения защитил кандидатскую диссертацию.

В 1978 г. Сергей Петрович пришел на кафедру истории государственных учреждений на должность ассистента, поработав в ЦГА г. Москвы, ЦГАНТД СССР и ВНИИДАД. Архивисты запомнили его снисходительным и веселым товарищем, знающим и строгим сотрудником. Именно кафедре были отданы лучшие, наиболее плодотворные 30 лет научно-педагогической деятельности. Недаром, уходя на заслуженный отдых в июне 2008 г., Сергей Петрович сказал, что как личность, преподаватель и ученый он состоялся в Историко-архивном институте.

С.П. Стрекопытов читал лекционные курсы «История государственных учреждений СССР», «История и современная организация государственных учреждений», спецкурс по истории организации управления наукой в СССР. В течение многих лет Сергей Петрович изучал историю органов управления наукой, организации академической, ведомственно-отраслевой и вузовской науки, в 1987 г. опубликовал монографию по истории органов управления наукой и научными учреждениями СССР 1917–1936 гг. В 1990 г. увидела свет вторая книга, посвященная вкладу ВСНХ в организацию прикладных научных исследований в 1917–1932 гг.

В 1988 г. Сергей Петрович возглавил кафедру истории государственных учреждений, которой руководил до 1994 г. В 1992 г. он защитил докторскую диссертацию «Организация управления наукой СССР в условиях становления тоталитарного режима (20–30-е годы)», которая впоследствии составила основу его фундаментального учебника «История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX–XX в.)» (2002 г.).

Тяжелая болезнь вынудила Сергея Петровича отказаться от руководства кафедрой, но он продолжал читать лекции, руководил дипломниками и аспирантами, готовил научные статьи, в соавторстве с А.С. Сениным написал краткий очерк истории кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций (2002 г.). По просьбе редакции журнала «Отечественные архивы» как авторитетный ученый и справедливый педагог безотказно рецензировал научные статьи молодых специалистов.

Коллектив кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций потерял не только профессора и ученого, но и доброжелательного, отзывчивого коллегу, память о котором будет бережно хранить.

Коллеги

Памяти А.И. Кокурина

15 марта после тяжелой болезни не стало Александра Ивановича Кокурина – сотрудника Госархива Российской Федерации. Он пришел сюда, тогда еще ЦГАОР СССР, в 1981 г. по окончании МГИАИ. Ради работы по специальности он перешел в архив из Министерства обороны СССР, значительно потеряв в заработной плате.

Пройдя долгий путь профессионального становления сначала в отделах информационно-поисковых систем, спецфондов, А.И. Кокурин вырос в одного из крупнейших специалистов по истории органов НКВД–МВД СССР. С 1996 г. он ведущий специалист отдела научно-информационной и справочной работы. Наряду с исполнением многочисленных тематических и социально-правовых запросов Александр Иванович подготовил семь сборников документов («Лубянка», «ГУЛАГ»,

«Сталинские стройки ГУЛАГа», «НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике» и др.), многочисленные статьи и публикации документов в периодической печати, доклады на научных конференциях. Свою задачу он видел в создании надежной источниковой базы для историков, и ее удалось во многом выполнить, хотя жизнь архивиста-исследователя оборвалась на 58-м году.

Александр Иванович всегда охотно помогал коллегам и многочисленным исследователям. Доброжелательность и высокий профессионализм снискали ему заслуженное уважение как в архиве, так и за его стенами. Оставив работу из-за тяжелой болезни в июле 2008 г., он продолжал интересоваться делами коллектива, помогать товарищам советом.

Светлая память об Александре Ивановиче Кокурине навсегда останется в наших сердцах.

Коллеги

Отраслевой конкурс научных работ

Очередной конкурс работ в области архивоведения, документоведения и археографии, выполненных в 2007–2008 гг., объявлен приказом Росархива от 3 апреля 2009 г. № 18. Принимаются опубликованные и неопубликованные завершённые результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, научно-информационной деятельности, выполненные в плановом или инициативном порядке: нормативно-методические и методические разработки, научные отчеты, аналитические обзоры отраслевого значения, научные статьи и доклады, учебные пособия, справочники о составе и содержании документов Архивного фонда Российской Федерации, по истории учреждений и общественных организаций, административно-территориальному делению, справочные издания биографического характера, сборники документов, фотоальбомы, мультимедийные издания, программное обеспечение (с демонстрационными массивами), интернет-сайты. Они должны содержать оригинальные идеи, новые теоретические и методические положения и выводы, методы и технологии, иметь научное и/или практическое значение для развития архивного дела.

Допускаются индивидуальные и коллективные работы, в том числе подготовленные не работающими в архивных учреждениях лицами, если последние составляют не более половины авторского коллектива. При этом численность внесших наиболее весомый творческий вклад в подготовку работы не должна превышать 10 человек. Продолжающиеся издания принимаются в количестве не менее трех томов одной серии, а двухтомные – в полном объеме по году выпуска последнего тома. Не допускаются промежуточные отчеты, очерковые и периодические издания, хрестоматии, исторические исследования, сборники статей, Книги Памяти, календари памятных дат, буклеты.

Право выдвижения работ на конкурс предоставлено научным (научно-техническим) советам федеральных архивов, научно-методическим советам (НМС) архивных учреждений федеральных округов, ученому совету ВНИИДАД, правлению Центрального совета РОИА. При выдвижении одним из них работы, выполненной в рамках ответственности другого научно-советающего органа, требуется письменное согласие последнего. Научные советы уполномоченных органов исполнительной власти в области архивного дела и архивных учреждений субъектов федерации представляют работы и сопроводительную документацию в НМС архивных учреждений федеральных округов, а правления местных отделений РОИА – в правление Центрального совета РОИА, которые принимают решения о выдвижении работ на конкурс.

Срок представления работ в Росархив – с 1 июня по 1 октября. Они передаются в двух экземплярах (копии сайтов не представляются, поскольку рассматриваются экспертами в Интернете) с сопроводительной документацией в одном экземпляре. Конкурсные материалы рассматриваются жюри, состав которого утвержден Росархивом.

Итоги конкурса подводятся до 25 декабря по следующим номинациям: научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; справочно-информационные издания: о составе и содержании архивных документов, биографического характера, по истории учреждений и общественных организаций, административно-территориальному делению; публикации документов: сборники документов, фотоальбомы; мультимедийные издания; интернет-сайты. Победители будут награждены денежными премиями и дипломами Росархива.

Итоги конкурса публикуются в журнале «Отечественные архивы» и на сайте «Архивы России». Опубликованные работы лауреатов конкурса передаются в научную библиотеку ГАРФ, неопубликованные – депонируются в ОЦНТИ по документоведению и архивному делу (ВНИИДАД).

Наши авторы

- Андреева Наталия Сергеевна* – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
- Воробьева Юлия Семеновна* – д-р ист. наук, г. Москва.
- Дьячкова Маргарита Павловна* – старший научный сотрудник сектора использования архивных документов отдела архивоведения ВНИИДАД, г. Москва.
- Зелов Николай Степанович* – главный специалист, заведующий архивохранилищем Государственного архива Российской Федерации, г. Москва.
- Клепиков Николай Евгеньевич* – канд. ист. наук, заместитель директора Итало-Белорусского центра образования и сотрудничества, г. Минск.
- Клименко Александра Юрьевна* – специалист 1-й категории отдела использования документов Российского государственного архива социально-политической истории, г. Москва.
- Костанов Александр Иванович* – канд. ист. наук, начальник Управления по делам архивов Сахалинской области, г. Южно-Сахалинск.
- Курапова Елена Рудольфовна* – канд. ист. наук, заместитель директора Российского государственного архива экономики, г. Москва.
- Курбанов Хуршид Раутович* – аспирант кафедры истории Узбекистана Андижанского государственного университета.
- Ланской Григорий Николаевич* – канд. ист. наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва.
- Овчинников Реджинальд Васильевич* – д-р ист. наук.
- Петин Павел Геннадьевич* – соискатель ученой степени кандидата исторических наук Российской государственной библиотеки, г. Москва.
- Расулов Бахтиёр Махмуджанович* – канд. ист. наук, доцент Андижанского государственного университета.
- Садиков Ранус Рафикович* – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.
- Тихонов Владимир Иванович* – канд. ист. наук, заместитель директора Информационного центра Главархива Москвы.
- Ульяницкий Кирилл Борисович* – главный специалист Государственного архива Российской Федерации, г. Москва.
- Черепанова Светлана Юрьевна* – начальник архивного отдела администрации Златоустовского городского округа Челябинской области.

Summary

Archives sources of illustrations in the «History of Pugachev rebellion» by A.S. Pushkin, R.V. Ovchinnikov.

The origin and the content of the sources used by A.S. Pushkin as illustrations to the «History of Pugachev rebellion» are analyzed.

Paper recycling campaigns («Makulaturnye») in the archives of Belarus in the 1920th – the beginning of the 1930th, N.E. Klepikov.

One of tragical pages of history of the archives management, connected with destruction of archival documents in territory of Belarus, is presented.

From the history of archives of the governorship of Karafuto (1945–1947), A.I. Kostanov.

The history of formation and possibility of usage of a complex of documents of the Japanese municipalities, firms and companies of the governorship of Karafuto in Southern Sakhalin in the State archives of the Sakhalin region are revealed.

The common archives information environment in a context of informatization of the society, K.B. Uljanitsky.

Theoretical aspects of integration of archives in modern systems of the information on the basis of the author's concept of «the common archives information environment» are considered.

Application of traditional methods in value examination of electronic documents, V.I. Tikhonov.

Problems of application of the basic criteria of value examination of paper documents to electronic documents are considered in methodological and methodical aspects.

Funds of the Archives of the Russian Academy of Sciences as sources on history of the Soviet historical science, G.N. Lanskoj.

Necessity of studying of archival funds of academic institutions and of personal funds for moving to a new level of development of the historiography of our country is scientifically proved.

Imperial diplomas of the XIXth century in departments of manuscripts of National libraries of Russia, P.G. Petin.

The typical features of the origin, the content and the external form of imperial diplomas on ranks, titles and awards as of the independent historical source are revealed on an example of the personal archival funds stored in the Russian State Library and the Russian National Library.

Materials of expeditions of the Finnish scientists of the end of the XIXth – the beginning of the XXth century on ethnography of Udmurts of the area beyond the Kama river in the finnish archives, R.R. Sadikov.

The history of appearance, the composition and the importance of written and graphic documents of expeditions of A. Hejkel (1884), J. Vihmann (1894) and U. Holmberg (1911) in the Perm and the Ufa provinces of Russia are revealed.

Reports of the French diplomats in the Ministry of Foreign Affairs of France about a political situation in Baltic provinces of the Russian empire (1905–1917), N.S. Andreeva.

Documents of the Archives of the Ministry for Foreign Affairs of France reflecting its interest to the policy of the government of Russia in the Baltic region (questions of administration in the region, international relations, teaching language in educational institutions, political situation in view of the beginning of the First World War, etc.) are analyzed.

CONTENTS

Articles and reports: *History and practice of the archives management*: **R.V. Ovchinnikov**. Archives sources of illustrations in the «History of Pugachev rebellion» by A.S. Pushkin; **N.E. Klepikov**. Paper recycling campaigns («Makulaturnye») in the archives of Belarus in the 1920th – the beginning of the 1930th; **A.I. Kostanov**. From the history of archives of the governorship of Karafuto (1945–1947); **K.B. Ul'janitsky**. The common archives information environment in a context of informatization of the society; **V.I. Tikhonov**. Application of traditional methods in value examination of electronic documents; **G.N. Lanskoj**. Funds of the Archives of the Russian Academy of Sciences as sources on history of the Soviet historical science. *In funds of Russian and foreign archives*: **P.G. Petin**. Imperial diplomas of the XIXth century in departments of manuscripts of National libraries of Russia; **R.R. Sadikov**. Materials of expeditions of the Finnish scientists of the end of the XIXth – the beginning of the XXth century on ethnography of Udmurts of the area beyond the Kama river in the Finnish archives; **N.S. Andreeva**. Reports of the French diplomats in the Ministry of Foreign Affairs of France about a political situation in Baltic provinces of the Russian empire (1905–1917). *Archives presentation*: **S.U. Cherepanova**. Archives service of the town of Zlatoust. Publications of documents: «...To award scientists, engineers, designers for execution of the special task of the government». Memoirs of M.P. Djachkova on history of a holiday village of nuclear physicists. 1950–2005; «They maintained traditions of old university pre-revolutionary school...» From memoirs of graduates and teachers of the Institute for history and archives. By **A.Ju. Klimentko**. Reviews and bibliography: **B.M. Rasulov**, **H.R. Kurbanov**. Repression: 1937–1938: Documents and materials. Issues 1–4; **E.R. Kurapova**. The earthquake of Spitak. The disaster zone yesterday and today. A sight in 20 years: Collection of documents; **Ju.S. Vorob'eva**. Globachev K.I. The truth about the Russian revolution: Memoirs of the former chief of the Petrograd Security Department; **N.S. Zelov**. The central Moscow archive-museum of personal collections: Guidebook. Information and chronicle.

SOMMAIRE

Articles et communications: *Histoire et pratique de l'archivistique*: **R.V. Ovtchinnikov**. Sources d'archives des illustrations dans «l'Histoire de la révolte de Pougatchev» d'A.S. Pouchkine; **N.E. Klepikov**. Campagnes de maculature dans les archives biélorusses aux années 1920s jusqu'au début des années 1930s; **A.I. Kostanov**. De l'histoire des archives du gouvernement Karafuto (1945–1947); **K.B. Ul'janitskij**. L'environnement commun d'information d'archives dans le contexte de l'informatisation de la société; **V.I. Tikhonov**. L'application des méthodes traditionnelles dans l'expertise de la valeur des documents électroniques; **G.N. Lanskoj**. Les fonds des Archives de l'Académie des Sciences de la Russie comme les sources sur l'histoire de la science historique soviétique. *Dans les Fonds des archives russes et étrangères*: **P.G. Pétiline**. Diplômes impériaux du XIXème siècle dans les services des manuscrits des bibliothèques nationales de la Russie; **R.R. Sadikov**. Documents expéditionnaires des savants finlandais de la fin du XIXème siècle – le début du XXème siècle sur l'ethnographie des Oudmourth de la région au delà de la rivière Kama dans les archives finlandaises; **N.S. Andreeva**. Rapports des diplomates français au Ministère des Affaires étrangères de la France sur la situation politique et sociale dans les provinces baltiques de l'Empire russe (1905–1917). *Archives à présenter*: **S.J. Tchérépanova**. Le service d'archives de la ville de Zlatoust. Publications des documents: «...Décorer les savants, les ingénieurs, les constructeurs de l'exécution de la tâche spéciale du gouvernement». Souvenirs de M.P. Djatchkova sur l'histoire du bourg des datchas des savants-atomistes. 1950–2005; «Ils gardaient les traditions de la vieille école universitaire pré-révolutionnaire...» Souvenirs des promus et des professeurs de l'Institut d'histoire et des archives. Publication préparée par **A.U. Klimentko**. Critique et Bibliographie: **B.M. Rassoulov**, **H.R. Kourbanov**. La répression: 1937–1938: Documents et pièces. Livraisons 1–4; **E.R. Kourapova**. Tremblement de terre de Spitak. Zone du désastre hier et aujourd'hui. Regard dans 20 ans: Recueil des documents; **J.S. Vorob'eva**. Globatchev K.I. La vérité sur la révolution russe: Souvenirs du chef ancien de la branche de Petrograd de la police politique secrète; **N.S. Zélov**. L'archive-musée centrale de Moscou des collections personnelles: Guide. Information et chronique.

Номер подготовили:

Главный редактор: **Бондарева Татьяна Ивановна**
Заместитель главного редактора: **Кобелькова Лариса Александровна**
Редакторы отделов: **Водопьянова Зоя Константиновна,**
Осин Владимир Михайлович,
Ситникова Валентина Васильевна
Ведущий редактор: **Виноградова Вера Михайловна**
Корректор: **Островская Галина Алексеевна**
Компьютерная верстка: **Карпухина Елена Валентиновна**

Редакция принимает статьи по истории, теории, практике архивного дела и делопроизводства объемом 0,5–1 авт. л. (до 40 тыс. знаков), рецензии на публикации архивных документов и справочников – до 0,5 авт. л., тексты не издававшихся ранее архивных документов с вводной статьей и комментариями – до 1,5 авт. л. (дневники и воспоминания – до 3 авт. л.), информационные сообщения на 2–5 с. машинописного текста.

Рукописи и изобразительные материалы оформляются согласно ГОСТ 7.89–2005 «СИБИД. Оригиналы текстовые авторские и издательские», представляются обычной (не заказной) почтой на любом электронном носителе в формате IBM PC Word for Windows с экземпляр в бумажном варианте или по электронной почте (otech_arch@mail.ru). Шрифт «Таймс», кегль 14. Затекстовые ссылки (и комментарии) – кегль 12. Изображения в формате TIFF разрешением не менее 300 dpi. Указываются фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень и звание, почтовый и электронный адреса, номер телефона автора.

За публикацию работ плата не взимается.

Редакция информирует автора о приеме материалов либо об отказе в публикации. Рукописи рецензируются.

Автономная некоммерческая организация «Редакция журнала "Отечественные архивы"»

Наш адрес: 119991, Москва, ГСП-1, Б. Пироговская, 17
тел. 8 (499) 245-09-01, 8 (495) 580-87-32, тел/факс 8 (499) 246-03-00
E-mail: otech_arch@mail.ru; otech_arch@mtu-net.ru
<http://www.rusarchives.ru/publication/otecharh/index.shtml>

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. № 1303.

*УЧРЕДИТЕЛИ: редакция журнала,
Росархив.*

Подписано в печать 20.05.2009. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,6. Усл. кр. отт. 10,4. Уч.-изд. л. 15.

Тираж 2420 экз.

Заказ № 744. Цена для подписчиков 190 руб.

Отпечатано в ОАО «ЧПК»

Сайт: www.chpk.ru; E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (495) 788-74-65

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Факультет подготовки, переподготовки и повышения квалификации «Архивная школа»

«Архивная школа» имеет лицензию и аккредитацию в рамках Российского государственного гуманитарного университета на ведение всех видов образовательной деятельности. Обучение в «Архивной школе» предназначено для повышения профессиональных знаний в области делопроизводства и архивного дела:

- второе высшее образование по специальностям:

030402 «Историко-архивоведение», квалификация – «историк-архивист»;

032001 «Документоведение и документационное обеспечение управления», квалификация – «документовед», специализация «Документовед – специалист по документированию деятельности кадровой службы». Срок обучения – 3 года.

- среднее профессиональное образование по специальности

032002 «Документационное обеспечение управления и архивоведение», квалификация – «специалист по документационному обеспечению управления и архивист». Срок обучения – 2,5 года.

- курсы повышения квалификации

для работников делопроизводственных, кадровых, банковских и архивных служб.

Формы обучения: очно-заочная, заочная,
дистанционная и группы выходного дня

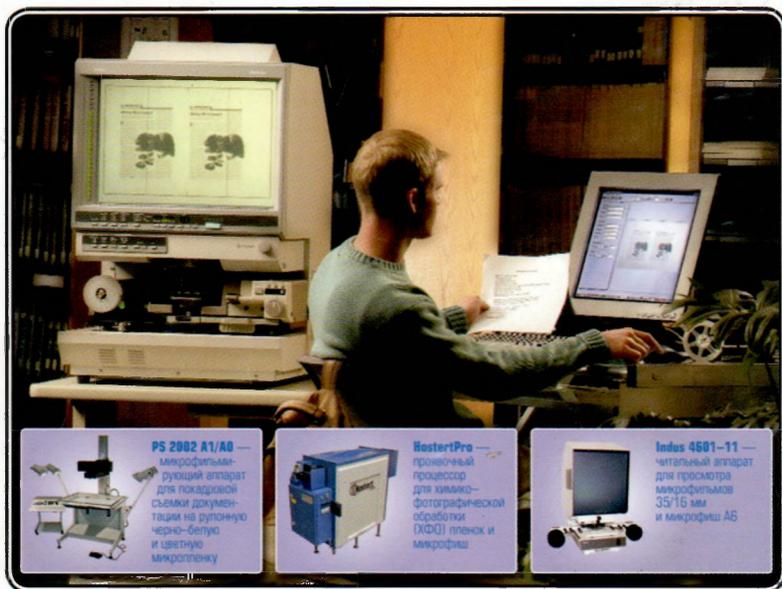
Оказываем содействие в трудоустройстве выпускников

Адрес факультета: Россия, 103012, г. Москва,
ул. Никольская, д. 15 (для «Архивной школы»);
Телефон/факс: (495) 628-92-21.
E-mail: arhschool@yandex.ru
<http://rsuh.ru>, <http://iai.rsuh.ru>

Проезд:
м. «Площадь Революции»,
«Театральная», «Лубянка»
ул. Никольская, 15,
кабинет № 3

КОРПОРАЦИЯ
ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ

PS 2002 A1/A0 —
микрофильми-
рующий аппарат
для лазерной
съемки докумен-
тации на рулонную
черно-белую
и цветную
микроплёнку

HostertPro —
промышленный
процессор
для химико-
фотографической
обработки
OXD1 плёнок и
микрофильм

Indus 4501-11 —
читальный аппарат
для просмотра
микрофильмов
35/16 мм
и микрофильм АБ

Комплексное оснащение лабораторий по созданию страховых фондов архивных документов федеральных и региональных государственных архивов

- Поставка профессионального оборудования для консервации и реставрации архивных документов
- Оказание сервисной поддержки

Тел.: +7 (495) 792 31 31

www.elar.ru

8 800 700 04 04

бесплатные звонки из регионов Российской Федерации